SELECTA

V

Кирилл Шевченко

Русины и межвоенная Чехословакия

К истории этнокультурной инженерии

Модест Колеров
Москва 2006

УДК 902(43
ББК 63.3–36
Ш 37

Серия SELECTA *под редакцией* М. А. Колерова

Рецензенты:
доктор исторических наук Л. П. Лаптева *(Московский государственный университет)*
кандидат исторических наук А. В. Рандин *(Университет им. Коменского, Братислава)*

Шевченко К. В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 272 с. (SELECTA V)

Русины – крайняя юго-западная часть обширного восточнославянского этноязыкового массива, сохранившая свою идентичность и культурное своеобразие вопреки многочисленным ассимиляционным попыткам властей тех государств, в составе которых оказывалось русинское население. Современные русины проживают в северо-восточной Словакии, в Закарпатской области Украины и в Польше.

С ростом национального самосознания закарпатских русинов, которые с раннего средневековья входили в состав Венгрии, а в 1919–1939 гг. оказались в составе Чехословакии, в среде русинской интеллигенции начинается полемика о том, кем являются русины, окончательно оформляются основные векторы этнокультурной ориентации русинов – традиционного русофильства, украинофильства и русинофильства, трактовавшего русинов как отдельный славянский народ.

С присоединением Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) к СССР после Второй мировой войны и с приходом к власти в Чехословакии коммунистов естественная национальная эволюция русинского народа оказалась прервана – все русины были объявлены украинцами. С падением социализма в Восточной Европе и с распадом СССР и Чехословакии происходит возрождение и активизация русинского движения, современные идеологи которого отрицают украинскую принадлежность восточнославянского населения Закарпатья и Восточной Словакии, заявляя о русинах как об отдельном восточнославянском народе.

ISBN 5–91150–001–9

© Текст. К. В. Шевченко
© Логотип серии. С. В. Митурич
© Состав серии. М. А. Колеров

Дорогому брату Владимиру посвящаю

Оглавление

Вместо предисловия

К СПОРУ БЖЕЗИНСКОГО С ВЕРНАДСКИМ

Последнее десятилетие минувшего века стало свидетелем колоссальных изменений на политической карте Восточной Европы. Три федеративных славянских государства-наследника Потсдамской системы – Югославия, Чехословакия и Советский Союз – распались, уступив место новым независимым государствам, которые возникли на месте бывших республик. Политические элиты новых государств стремятся к максимальной легитимизации возглавляемых ими государственных образований, пытаясь, несмотря на зачастую неадекватный культурный багаж и проблематичное историческое наследие, тщательно копировать западную модель «нация – государство». Активную роль в этом процессе играют национальные историографии и средства массовой информации, занятые новым мифотворчеством в угоду политической конъюнктуре.

Появление новых независимых государств оказалось намного стремительнее процесса вызревания соответствующих этим государствам «высоких культур»[1] и политических

[1] Т. е. стандартизированные, формализированные и кодифицированные культуры, передаваемые посредством и в условиях всеобщей грамотности. См. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford 1983, p. 76.

наций, что с самого начала вступило в противоречие с требованиями классической западной формулы «нация – государство», в соответствии с которой «политическое государство и культурная нация должны совпадать».[2] С распадом СССР многие из возникших на его обломках государств столкнулись с проблемой поиска собственных «культурных наций» – тех самых, с которыми они были призваны «совпасть». Политические одежды, сшитые по меркам типичных западных «наций – государств», оказались совершенно не по размеру постсоветским государственным образованиям.

Превращение административных границ между республиками в составе СССР в новые межгосударственные границы и клонирование модели «нация – государство» в постсоветских условиях означали крайне болезненный разрыв между новой политической формой и традиционным культурным содержанием. Элиты новых государств пытаются ликвидировать этот разрыв, стремясь как можно быстрее создать собственные «высокие культуры» и полностью заменить ими столь «неудобное» и «неприличное» имперско-советское культурное наследие, мешающее ускоренной интеграции в «мировое сообщество». В ходе этого процесса ярко проявляется подмеченная Э. Геллнером особенность национализма, мифы которого «переворачивают реальность» и который, эксплуатируя лексику «восстановления исторической справедливости» и претендуя на «защиту» и «возрождение» традиционных народных культур, в действительности создает новые высокие культуры, являющиеся «его собственными изобретениями»[3].

Следование модели «нация – государство» и стремление «облагородить» культурно-историческим декором новоро-

[2] David P. Calleo. Reflections on the Idea of the Nation-State // Nationalism and Nationalities in the New Europe. Edited by Charles A. Kupchan. Cornell University Press 1995, p. 15.

[3] Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford 1983, p. 56–57, 124.

жденные политические границы, взломавшие общее этнокультурное пространство, ядро которого формировалось несколько столетий, подстегивают центробежные процессы среди восточнославянских народов. Это резко контрастирует с ростом центростремительных сил и увяданием модели «нация – государство» в Евросоюзе, уже распространившимся на постсоциалистические страны Восточной Европы и бывшую советскую Прибалтику, где недавно приобретенные формальные атрибуты независимости очень быстро стали анахронизмом. Источники легитимности перетекают из восточноевропейских столиц в Вашингтон и Брюссель, а центры принятия решений перемещаются из национальных правительств в местные американские посольства. Концепция ограниченного суверенитета Восточной Европы, известная под названием «доктрина Брежнева», в более эффективной форме и на более продвинутом институциональном уровне возродилась после распада СССР при активном содействии восточноевропейских элит.

Фрагментация и атомизация восточнославянского пространства, приобретающая самые причудливые политические и культурные очертания, находится в очевидном противоречии с объективными культурно-языковыми реалиями. Вопреки этнической близости и культурно-языковому родству восточнославянских народов, политическая и культурная отчужденность восточнославянских государств усиливается; при этом попытки интеграции в рамках СНГ носят поверхностно-конъюнктурный характер, обусловленный сиюминутными потребностями постсоветских элит, их интеллектуальной недостаточностью и зависимостью от «мирового сообщества». Н. С. Трубецкой отмечал, что в Западной Европе, вопреки глубоким культурным различиям, в итоге возобладали объединительные тенденции, завершившиеся формированием единых литературных языков, в то время как в восточнославянском культурном пространстве, изначально гораздо более однородном в культурно-языковом отношении, верх

взяли центробежные силы. По словам Трубецкого, «нет никаких оснований полагать, что два диалекта, даже сильно отличающиеся друг от друга, должны непременно развиться в два разных литературных языка ... Любой из великих литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) доминирует на территории, которая в языковом отношении гораздо менее однородна, чем восточнославянская этническая группа. Различия между нижненемецким и верхненемецким или между диалектами северной Франции и Прованса не только намного сильнее, но и значительно старше, чем разница между украинским, белорусским и великорусским языками»[4]. В истории славянских народов язык всегда играл особенно важную этнообразующую роль, занимая видное место в славянских национальных идеологиях.

* * *

Образование новых государств, распад старых государственных образований, в которых родились и выросли несколько поколений, а также многочисленные социально-экономические и политические потрясения застали общественное сознание получивших независимость стран явно неподготовленным к столь радикальным изменениям. Социологи говорят о «глобальном кризисе идентификации» в постсоветских обществах, когда «никто не знает ни о себе, ни о стране, ни о типе общества, в котором мы живем»[5].

Кризис идентичности, в той или иной степени затронувший почти все постсоветские государства, является прямым следствием распада СССР и образования новых независимых государств. Одно из проявлений кризиса идентичности состоит в феномене так называемого «отложенного граждан-

[4] Trubetzkoy N. The Common Slavic Element in Russian Culture. Columbia University 1952, p. 22.

[5] Независимая газета. 31.08.2004.

ства», когда люди не считают свою нынешнюю государственную принадлежность полностью легитимной[6]. По данным социологического опроса в России, который был проведен в 1998 г. фондом «Общественное мнение», 39% респондентов негативно оценили суверенитет России, в то время как 62% отметили, что их чувство принадлежности к единой нации было серьезно ослаблено после того, как в 1991 г. Россия стала независимым государством. Только 22% опрошенных положительно оценили независимость России[7].

Положение на Украине и в Белоруссии, ставшими независимыми государствами, еще более неоднозначное. С историческими корнями, уходящими в Киевскую Русь и православие, столетия находясь в составе Речи Посполитой, Российской империи и СССР и не обладая длительной и стабильной традицией собственной государственности, украинская и белорусская элита традиционно примыкала к польской или русской «высокой культуре». Исторически новаторские попытки тонкого слоя украинской и белорусской национальной интеллигенции создать собственную полноценную «высокую культуру» на основе местных диалектов привели к определенным результатам, но не были завершены в силу различных исторических причин. «Создание» украинцев и белорусов – результат борьбы и труда интеллигентов и политиков, причем были другие интеллигенты и политики, боровшиеся за внедрение ... общерусского сознания ... Это – не борьба за то, чтобы некая объективно существующая общность «осознала себя» и «возродилась» (любимые термины всех националистов), а именно борьба за создание нации ... из национально неопределенного материала, борьба, исход которой не был «предопределен» и разные исходы которой были бы одинаково «правильными» и «естественными», – полагают Д. Фурман и О. Буховец. – Белорусы могли исчезнуть, войти в состав

[6] Деловой мир. 24–27.01.1997. С.7.

[7] См. Сегодня. 19.06.1998.

русской нации, и это было бы не более «неестественным» ... актом «этноцида», чем, скажем, «растворение» провансальцев во французской нации, сицилийцев и сардинцев – в итальянской, баварцев – в немецкой»[8]. По наблюдению А.Миллера, было время, когда «украинская и русская идентичности отнюдь не были взаимно исключающими ... Кем является с точки зрения современных этнонациональных категорий основатель Киевского клуба русских националистов, уроженец и помещик Полтавщины Анатолий Савенко, даже в начале XX века считавший себя и русским, и малороссом?»[9].

Подобные сценарии и альтернативы имели место и у других славянских народов. Так, ныне общепринятое мнение о том, что чехи и мораване образуют единый народ, является сравнительно свежим продуктом процесса, протекавшего в XIX веке и получившего название «чешское национальное возрождение». Между тем, культурно-историческое развитие Чехии и Моравии во многом разнилось и вплоть до конца XVIII – начала XIX века сохранялись предпосылки формирования отдельного от чешского моравского самосознания. Чешская идентичность населения Моравии окончательно утвердилась лишь в конце XIX века[10].

Процесс модернизации в рамках СССР, сопровождавшийся индустриализацией, урбанизацией и колоссальными социально-демографическими сдвигами, кардинально изменил социально-экономический и культурный ландшафт Украины и Беларуси и привел к глубокой трансформации традиционной народной «низкой» культуры, служившей «сырьем»

[8] Фурман Д., Буховец О. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996, № 1. С. 57–75.

[9] Миллер А. Россия и Украина в XIX – начале XX вв.: непредопределенная история//Украина и Россия: общества и государства. Выпуск 1. Москва, 1997. С. 71.

[10] См. Petr Lozoviuk. Moravanství a podoby jeho intersubjektivních konstrukcí // Český lid. Etnologický Časopis. Ročník 91/2004, № 3, s. 222–223.

для украинской и белорусской национальной интеллигенции в ее попытках создать полноценные нации. Промышленные и научно-исследовательские центры с преимущественно русскоязычным населением; провинция, сохранявшая элементы традиционной народной культуры; двойная идентичность (СССР – национальная республика), присущая большинству населения и диглоссия в административно-общественной сфере с русским языком на вершине лингвистической иерархии, – все это было отличительными особенностями УССР и БССР в составе бывшего Советского Союза[11].

Вместе с тем, сам факт существования украинского и белорусского территориально-государственных образований в форме УССР и БССР, фиксирование этнической принадлежности в паспорте и других советских документах, а также вся система советского воспитания и образования способствовали консолидации национального самосознания, выражавшегося этнонимами «украинец» и «белорус». Национальная политика СССР имела весьма противоречивые последствия. Д. Фурман и О. Буховец отмечают «двусмысленность» советской идеологии и советского государства, которые «не давали возможности завершиться ни становлению белорусской нации, ни растворению белорусов ... Воздействие советских условий было очень сложным. Белорусский крестьянин начала века обладал своеобразной народной культурой и говорил на языке, значительно отличающемся от русского литературного языка, но не считал себя представителем «белорусского народа» и не знал, что его язык – равноценный с русским и польским «белорусский язык». Белорусский советский горожанин практически ничем не отличался по культуре от русского, говорил (и продолжает говорить) по-русски и бело-

[11] См. Kirill Shevchenko und Donald Jensen. Competing Identities within Eastern Slavs: Peculiarities and Ambiguities // Politische Kultur, Demokratie und Christliche Werte in Europa. Ausgewählte Beiträge der Konferenzen in Cadenabbia 1997–1998–1999, p. 155.

русского языка не знает или знает плохо. При этом он четко знал, что является белорусом, гражданином БССР ... и что его родной язык – белорусский»[12].

Политическая независимость Украины и Беларуси, полученная не столько в результате целенаправленной национально-освободительной борьбы, сколько вследствие кризиса и последующего распада СССР в декабре 1991 года, застала население этих стран в состоянии, не соответствовавшем новым политическим реалиям. Так, во время референдума 17 марта 1991 г. о судьбе СССР большинство населения Украины и особенно Беларуси высказалось за сохранение Советского Союза. По мнению некоторых исследователей, в отличие от Польши и России, значительная часть украинского населения не обладает ясным и четким представлением о том, кем оно является[13]. Западные эксперты весьма озабочены «отсутствием цельной ненарушенной национальной идентичности на Украине ... что обусловило трудности посткоммунистического переходного периода»[14].

С появлением независимого украинского государства национальная элита Украины энергично приступила к созданию полноценной украинской политической нации с «ненарушенной идентичностью». Фундаментом этого национального строительства стали отрицание советского наследия, сводимого украинскими идеологами исключительно к голоду 1930-х годов и политике русификации, конструирование образа Украины как жертвы Российской империи и СССР, политическое и культурное дистанцирование от России и СНГ, а также имитация модели «нация – государство» в сочетании

[12] Фурман Д., Буховец О. Ук. соч.

[13] Торбаков И. Выдуманная нация. Историческая наука как инструмент формирования новых государств // Независимая газета. 19.12.1996.

[14] Charles A. Kupchan. Introduction: Nationalism Resurgent // Nationalism and Nationalities in the New Europe. Edited by Charles A. Kupchan. Cornell University Press 1995, p. 3.

с постоянной «антиимперской» и проатлантической риторикой. Однако игра по этим правилам осложнена для Киева тем обстоятельством, что значительную часть современного украинского истеблишмента составляют высокопоставленные выходцы из советско-бюрократической номенклатурной шинели.

Стремление создать и распространить новую украинскую «высокую культуру» на современное население Украины, обладающее серьезными культурными и региональными отличиями, сталкивается с многочисленными трудностями и противоречиями. Наспех создаваемая новоукраинская «высокая культура», стремясь занять свое место под солнцем, вынуждена конкурировать с куда более развитой, зрелой и притягательной для населения старой «высокой культурой», ставшей «персоной нон грата» для киевской элиты по причине своей имперско-советской родословной. Одно из противоречий современного национального строительства на Украине заключается в том, что существующий социально-экономический, культурный и человеческий потенциал украинского государства, а также его нынешние политические границы являются продуктом именно той советской эпохи, отрицание которой выступает в роли строительного материала для создания новой политической нации. Президентские выборы на Украине в ноябре-декабре 2004 года и последовавший за ними острый политический кризис, обнаруживший паралич власти и поставивший страну на грань раскола, показали, что за четырнадцать лет независимости новоукраинская политическая нация так и не была создана.

Кроме недостаточных культурно-исторических, материально-организационных и интеллектуальных ресурсов, украинская элита не вполне четко представляет себе основные контуры и параметры создаваемой ей «высокой культуры». Дефицит этого представления, а также советы западных консультантов-культуртрегеров, сводящиеся к незамысловатому тезису о том, что «немножко больше национализма – это то,

в чем особенно нуждается Украина»[15], институционализируют невозможное – механическое перенесение западной модели «нация – государство» на украинскую почву. Стремление превратить современное население Украины в украинскую политическую нацию, говорящую на требуемом варианте украинского литературного языка и мыслящую украинскими национальными категориями в том виде, в каком они востребованы киевской политической элитой, находит частичный отклик лишь в Западной Украине и среди украинской национальной интеллигенции. В то же время, отчуждение между большинством населения и украинским государством усиливается. Украинские исследователи констатируют значительное расхождение элитарного и массового сознания на Украине по целому ряду принципиальных вопросов, включая вопросы о статусе русского языка и о независимости Украины[16].

Формат создаваемой Киевом украинской политической нации не соответствует ожиданиям не только русскоязычного Востока и Юга Украины, но и украиноязычной Галиции; при этом направленность векторов недовольства прямо противоположна друг другу. Если русскоязычная часть Украины недовольна политикой украинизации[17] и дистанцирования от России, а население украинского Донбасса и Крыма до сих пор не вполне привыкло к желто-блакитному знамени и трезубцу

[15] Charles A. Kupchan. What Ukraine Especially Needs Now is a Little More Nationalism // Los Angeles Times, November 27, 1994.

[16] Віче. 1997, № 8.

[17] Наиболее заметно политика украинизации проявляется в сфере образования. Не только в украиноязычных, но и в русскоязычных регионах Украины в большинстве учебных заведений языком обучения является украинский. Так, в преимущественно русскоязычном Киеве из 521 школы только в 8 преподавание ведется на русском языке. По мнению представителей Русской общины Украины, русскоязычные школьники, обучающиеся в школах с украинским языком преподавания, быстро утрачивают письменную форму владения русским языком, что оказывает негативное воздействие и на их разговорный русский.

в качестве герба современной Украины, то галицкие политики и общественные деятели, наоборот, разочарованы «незавершенностью украинского проекта» и «амбивалентностью украинского общественного сознания»[18]. Поиски виновных в этом нетерпимом для галицких интеллектуалов явлении не ограничиваются только Кучмой, Кравчуком и даже Грушевским, распространяясь уже и на киевского князя Владимира, которого западноукраинские идеологи упрекают в том, что он «принял христианство из Царьграда, а не из Рима»[19]. Для усиления «европейскости» украинского самосознания и окончательного разрыва с Россией некоторые галицкие и киевские интеллектуалы всерьез обсуждают целесообразность перевода украинского языка с кириллицы на латиницу. Одна из основополагающих системных диспропорций современной Украины заключается в том, что обремененная фобиями и комплексами слаборазвитая аграрная Галиция, узурпировав роль инкубатора украинской национальной идеологии, оказывает значительно большее влияние на культурно-идеологический облик современного украинского государства, чем высокоразвитый промышленный Донбасс, являющейся индустриальным стержнем украинской экономики.

Последние президентские выборы на Украине в ноябре-декабре 2004 года со всей очевидностью продемонстрировали химеру украинского национально-государственного строительства в постсоветский период в выбранной официальным Киевом системе координат. Несмотря на все усилия украинской политической элиты, этнокультурный и политический эксперимент по выращиванию новоукраинской политической нации пока не дает удовлетворительных результатов. Более того, латентные противоречия между украинским Запа-

[18] Грицак Я. Дилеми українського націотворення або ще раз про старе вино у нових міхах // Український гуманітарний огляд. Випуск 4. Київ, 2000. С. 18–19.

[19] Там же.

дом и Востоком, зревшие все это время внутри украинского политического организма, демонстрируют тенденцию к обострению, что ставит под вопрос само существование украинского государства в той форме, в которой оно возникло после распада СССР. Вся непродолжительная история независимого украинского государства свидетельствует о том, что чем дальше постсоветская Украина развивается по сценарию З. Бжезинского, тем явственнее подтверждается диагноз академика В. И. Вернадского, поставленный им украинскому национальному движению еще в декабре 1924 года. «Не только будет большой ошибкой порвать с русской культурой и строить свое ... существование независимо от других народов русского племени, но это будет также великим грехом. Политическая независимость Украины есть мираж, связанный с уничтожением двух братских народов. Нужно добывать необходимую ... независимость – политическую и культурную, оставаясь в границах России, – утверждал В. И. Вернадский. – ... Независимая Украина не может существовать – я пишу о независимой в действительности, а не на бумаге – без кровавой ссоры и борьбы между братьями на долгие времена»[20].

* * *

Особая роль в конструировании политических наций в бывших союзных республиках принадлежит национальным историографиям, сфере образования и средствам массовой информации, которые активно обслуживают политические потребности и амбиции элит, модифицируя старые мифы и создавая новые в угоду политической конъюнктуре. Вопреки формальным требованиям западной политической модели, декларирующей права разнообразных меньшинств и политкорректность, строители новых политических наций на пост-

[20] Письмо украинского академика В. И. Вернадского к украинской молодежи // Карпаторусский Голос. Ужгород, 1.05.1932, № 1.

советском пространстве от внешне европейской Прибалтики до Узбекистана и Таджикистана увлечены воспроизводством и культивированием разнообразных этноцентристских мифов. Идеологические конвейеры, активно действующие в постсоветских государствах, производят практически все необходимые компоненты любой национальной мифологии, включая «миф происхождения во времени, миф происхождения в пространстве, миф предков ... миф освобождения, миф золотого века, миф упадка и миф возрождения»[21]. При этом «миф золотого века», как правило, связывается современными конструкторами постсоветских политических наций с досоветской эпохой; «миф упадка» – непременно с советским периодом, хотя именно в это время и был создан современный экономический и культурный потенциал постсоветских государств; а «миф возрождения» начинается с распада СССР и обретения собственной государственности, что изображается вершиной исторического развития и закономерным итогом национально-освободительных устремлений независимо от того, существовали ли они в действительности. Современное мифотворчество, непосредственной функцией которого является обслуживание практических потребностей элит, отмечено изрядным налетом этноцентризма, степень которого зависит как от изобретательности и темперамента мифотворцов, так и от сиюминутных внутриполитических и внешнеполитических факторов.

Идеология этноцентризма, поддерживаемая на официальном уровне и нередко принимающая агрессивно-уродливые формы, вытеснив советскую идеологию «дружбы народов», предлагает упрощенную черно-белую картинку взаимоотношений «своей» нации с другими народами, которым отводится роль «врага», виновного во всех проблемах и неудачах. Колоссальный заряд конфронтационности и ксенофобии, присущий многочисленным этноцентристским мифам,

[21] Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford 1986, p. 192.

лишает их способности играть столь необходимую новым элитам консолидирующую роль в условиях современных многонациональных и мультикультурных постсоветских обществ, страдающих от острых социально-экономических и мировоззренческих проблем. Так, современная украинская «Читанка» для детей младшего школьного возраста открывается текстом гимна «Ще не вмерла Украина», отношение к которому у населения меняется на 180 градусов по мере перемещения из западноукраинских Львова или Ивано-Франковска в Донецк или Луганск в украинском Донбассе. Разительной трансформации подвергся миф об украинском казачестве. По причине российско-украинских противоречий в Крыму традиционная антитатарская направленность казацкой мифологии была изменена современными интерпретаторами в более выгодном для украинской элиты направлении, что выразилось в активной популяризации редких эпизодов сотрудничества между казаками и крымскими татарами. Подобная трансформация была призвана противостоять российским требованиям в отношении Крыма и Севастополя, играя важную идеологическую роль в отстаивании территориальной целостности Украины[22].

В отличие от Украины, Прибалтики, а также значительной части Закавказья и Средней Азии, индустрия агрессивного этноцентризма и националистической мифологии в Беларуси работает не столь продуктивно, имеет маргинальный характер и не поддерживается ни официальными властями, ни подавляющим большинством населения. Главным «специалистом» в области производства и распространения национальных мифов в Беларуси выступает оппозиционный Белорусский Народный фронт и близкие к нему структуры, в целом безуспешно стремящиеся активизировать те элементы исторической памяти белорусов, которые можно использовать для антироссийской риторики и для изображе-

[22] Торбаков И. Ук. соч.

ния России в роли варвара и агрессора. Так, излюбленными историческими сюжетами национально ориентированных белорусских интеллектуалов являются средневековые войны Великого Княжества Литовского с Московией, антироссийские польские восстания конца XVIII – XIX веков, кратковременный период существования Белорусской Народной Республики и, разумеется, сталинские репрессии. Однако все эти сюжеты, активно используемые в пропагандистской работе белорусской национальной интеллигенции, находят очень слабый отклик у широкой белорусской аудитории, для которой праздник 9 мая гораздо ближе и понятнее, чем годовщины средневековых побед Великого Княжества Литовского над Московией, шумно отмечаемые белорусскими национальными радикалами. Впрочем, недостаточная эффективность внутренних сил, стремящихся трансформировать самосознание белорусов на антироссийской основе, в известной степени компенсируется воздействием извне, причем, со стороны самой России. В роли этого внешнего фактора выступает многолетняя антибелорусская кампания в российских электронных и печатных СМИ, а также постоянные социально-экономические и политические катаклизмы в Российской Федерации, в свете которых социально-ориентированная государственность Беларуси выглядит все более привлекательной для населения. Все это медленно, но неуклонно способствует эволюции современной национальной идентичности белорусов в сторону отчуждения от России.

Кризис идентичности, отторжение навязываемых сверху новых культурных стереотипов и отчуждение от государства в условиях культурного и регионального своеобразия, особенно характерного для современной Украины, часто принимают формы альтернативных этнокультурных движений. Представители этих движений отрицают свою формальную принадлежность к титульной нации и, апеллируя к языковым и историческим аргументам, доказывают свою особность и национальное своеобразие.

Традиционное деление на украиномовный Запад и русскоязычный Восток не в полной мере отражает региональное многообразие современной Украины. Крайняя западная часть Украины – Закарпатская область – несмотря на формально-географическую и языковую принадлежность к Западной Украине, уже длительное время выступает оппонентом официального Киева. В ходе политического кризиса на Украине в ноябре-декабре 2004 г. Закарпатье поддержало русскоязычную Восточную Украину, оказавшись по разные стороны баррикад с соседней Галицией. Причины этого коренятся в сложном историческом развитии восточнославянского населения Закарпатья, которое вплоть до 1945 г. считало себя русинами и украинская идентичность которого в известной степени является не вполне оформившимся продуктом этнокультурных экспериментов первой половины XX века.

Введение

Современные этнические процессы в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе свидетельствуют о несостоятельности как марксистских, так и либеральных идей о том, что современные технологии, урбанизация, развитие массовой коммуникации и растущее взаимодействие различных культур приведут к стиранию культурных барьеров и нивелизации этнических различий. Действительность во многом опровергла подобные ожидания. Этнические различия «оказались устойчивыми в условиях перемен. Более того, они часто возникали в ходе тех самых процессов, которые, по мнению многих, должны были с ними покончить»[1].

Этническая идентичность рассматривается исследователями как «чувство принадлежности к одному народу, разделяемое всеми его членами и основанное на предполагаемом совместном опыте, выражающем часть коллективного опыта данной этнической группы»[2]. Важной чертой этнической идентичности является ее динамичный и меняющийся характер, представляющий из себя «комплекс процессов, посред-

[1] Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. Pluto Press, London 1993, p. 33.

[2] Weinreich P. Variations in Ethnic Identity: Identity Structure Analysis // New Identities in Europe. Vermont, Gower 1989, p. 72.

ством которых люди конструируют и реконструируют свою этничность». Иными словами, «этнические идентичности представляют из себя не естественные факты, а культурные конструкции, которые подвержены изменениям»[3].

Многие исследователи подчеркивают особое значение социальных факторов в процессе формирования этнической идентичности, которые зачастую играют более важную роль, чем культурные различия. По мнению Т. Х. Ериксена, «культурные различия между двумя группами не являются определяющей чертой этнического самосознания ... Только в том случае, если культурные различия воспринимаются как нечто важное и социально значимое, подобные отношения приобретают этническую окраску»[4]. Сказанное непосредственно касается современной Восточной Европы, где лишь часть проявлений этнической активности опирается на явно выраженные «социально значимые» культурные различия, в то время как другая часть находится в эмбриональном состоянии, пытаясь придать социальный контекст культурным различиям, степень которых зачастую переоценивается.

Этнические процессы связаны с существованием определенной «иерархии идентичностей» у каждого индивида. Составные элементы этой иерархии идентичностей могут «меняться местами или изменяться во времени; определенная идентичность в данном контексте может оказаться более востребованной, чем все остальные»[5]. Наиболее важный в этой связи вопрос заключается в том, какая именно «из множества потенциальных идентичностей будет актуализирована чаще всего?»[6]. Некоторые исследователи связывают колебания «гра-

[3] Ibidem, p. 45–57.

[4] Eriksen T.H. Op. cit., p. 11–12.

[5] Roosens E.E. Creating Ethnicity. The Process of Ethnogenesis. SAGE Publications, London 1989, p. 16.

[6] Horowitz D. L. Ethnic Identity // Ethnicity. Theory and Experience. Harvard University 1975, p. 118.

витационного центра» этнической идентичности с влиянием «определенных внешних стимулов. Стимулы данного уровня могут оказаться более устойчивыми и перевесить стимулы других уровней»[7], оказывая решающее влияние на определение индивидом своей идентичности. Понятие внешнего стимула, способного перемещать этнические идентичности в рамках определенной иерархии, особенно важно при анализе этнических процессов среди восточных славян.

Этническая карта современной посткоммунистической Восточной Европы отмечена нарастающей активностью альтернативных этнических идентичностей, которые свидетельствуют о неустойчивости и условности ранее общепринятых этнических категорий. Все более настойчиво заявляют о себе определенные историко-культурные области, население которых обладает расплывчатой идентичностью и неопределенным представлением о собственной национальной принадлежности. Эти «этнически индифферентные группы»[8] представляют собой питательную почву для появления альтернативных этнокультурных движений и могут служить убедительной иллюстрацией к мысли Э. Геллнера о существовании большого числа «потенциальных» народов[9]. По словам Геллнера, вначале мы имеем дело лишь с бесконечными культурными различиями, которые не позволяют предсказать, какие именно из них положат начало отдельным народам[10]. Мораване в Чехии[11], кашубы в Польше, русины в Словакии,

[7] Ibidem.

[8] См. Lozoviuk Petr. Etnicky indiferentní skupiny — obohacení, nebo hrozba? // Střední Evropa, 43/1994, s. 21.

[9] См. Gellner E. Op. cit.

[10] См. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992, № 1. С. 59.

[11] После «бархатной» революции 1989 г. в Чехословакии возник ряд общественных и политических организаций, которые, апеллируя к историческим и культурным аргументам, заявляли о существовании отдельного от чехов моравского народа. Наиболее активно эту идею отстаивала

Польше и на Украине, полешуки в Беларуси[12] демонстрируют примеры подобных ситуаций, ставя под сомнение традиционный взгляд на этнолингвистическую карту славянских народов.

Иными словами, объективно существующие культурные особенности и этнические различия представляют собой не более чем «материал ... обрабатываемый ходе культурной и идеологической работы.... Три восточнославянские нации – русские, украинцы и белорусы – тоже не являются чем-то изначально предопределенным ... Вполне возможный иной ход политических событий средневековья привел бы, наверное, к совершенно иной современной национальной карте Восточной Европы»[13].

* * *

Проблема этнической самоидентификации восточнославянского населения нынешней Восточной Словакии и Закарпатской Украины, долгое время считавшегося украинским,

и пропагандировала Моравская национальная партия, образованная в 1990 г. Судя по всему, в начале 1990-х годов значительная часть населения Моравии сочувствовала этим идеям. Так, во время переписи в Чехословакии в 1991 г. 1 миллион 360 тысяч жителей Чехословакии указали «моравскую» национальность. См. J. Pernes. Pod moravskou orlicí aneb dějiny moravanství. Brno 1996.

[12] Часть коренного населения современного Полесья (юго-западная часть Беларуси и северо-западная часть Украины) заявляет о себе как о представителях отдельного полесского народа, отрицая свою общепринятую белорусскую или украинскую национальную принадлежность. В 1989 г. в Беларуси было создано общественно-культурное общество «Збудинне», которое отстаивало идею существования восточнославянского полесского народа, отличного от белорусов и украинцев. См. Kirill Shevchenko. The Identity Crisis and Emergence of Alternative Ethnic Identities among the Eastern Slavs: the Case of the Poleshuks // Parallel Cultures. Majority/minority relations in the countries of the former Eastern Bloc. Ashgate 2001, p. 177–208.

[13] Фурман Д., Буховец О. Ук. соч.

является одной из самых актуальных. Русинское движение, динамично развивающееся в последнее десятилетие, самим фактом своего существования опровергает некогда общепринятое мнение об украинской этнической принадлежности восточнославянского населения Закарпатья и Восточной Словакии. После «бархатной революции» и падения социализма в Чехословакии в 1989 г., когда местное восточнославянское население Восточной Словакии получило возможность свободно заявлять о своей этнической принадлежности, оказалось, что более половины тех, кто ранее официально считались украинцами, заявили о себе как о русинах, возрождая свой традиционный этноним и систему ценностей.

Согласно официальным данным за март 1991 г., к этому времени 17.197 жителей северо-восточной Словакии идентифицировали себя как «русины» и только 13.284 заявили о себе как об украинцах. При этом около 50.000 опрошенных указали русинский язык в качестве родного[14], что свидетельствует о наличии значительного числа тех, кто говорит на русинских диалектах, но по разным причинам предпочитает указывать не русинскую, а чаще всего словацкую национальность. Определенную роль в этом играет то обстоятельство, что многие русины «стыдятся за свое происхождение и выдают себя за словаков. Это неудивительно, поскольку в системе их воспитания отсутствуют все необходимые звенья, а в подсознании сохраняется закодированное чувство страха недавнего прошлого, страха переселения на Украину, о чем заявляли некоторые деятели прошлого режима»[15].

Тем не менее, динамика численности русинов и украинцев в Словакии за последнее десятилетие говорит об успе-

[14] Paukovič V. Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a socialné charakteristiky // Sociologia. časopis Sociologického ústavu Slovenskej Akademie Vied, Bratislava, Ročník 26, 1994, s.425–431.

[15] Milan Andráš. Súčasné postavenie Rusínov na Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha 1997, s. 96.

хах русинского движения. Если перепись 1991 г. в Словакии зафиксировала 17.197 русинов и 13.284 украинцев, то по данным последней переписи, проведенной в мае 2001 г., в Словакии насчитывалось уже 24.201 русинов и лишь 10.814 украинцев. При этом 54.907 человек указали русинский язык в качестве родного, что более чем в два раза превышает количество указавших русинскую национальность[16]. Таким образом, численность тех, кто идентифицирует себя как русин за последнее десятилетие выросла с 17.197 до 24.201, в то время как численность украинцев снизилась с 13.284 до 10.814. Большую роль в «пробуждении» русинской идентичности сыграла пропагандистская деятельность русинской общественной организации «Русинска Оброда» и ее активистов. Так, накануне последней переписи в Словакии редакция газеты «Народны Новинкы», органа «Русинской Оброды», выпустила листовки, обращавшиеся к населению с известными строками русинского будителя XIX в. Александра Духновича, весьма изобретательно приспособленными для текущих пропагандистских нужд: «Я русин был, есмь и буду, а при списованю людей у маю 2001 на то не забуду!» Листовки содержали фрагмент счетной анкеты, где в графах «национальность» и «родной язык» были поставлены крестики напротив категории «русинский». Впрочем, по мнению некоторых исследователей, реальная численность русинов намного выше официальных цифр. Количество русинов в Восточной Словакии оценивается ими в 100.000–150.000 человек, а число русинов в Закарпатской Украине – приблизительно в 600.000 человек, т.е. из 977.000 украинцев Закарпатья, зафиксированных в последней советской переписи 1989 г., более половины сохранили русинское самосознание.[17] По данным чешской публицистки Г. Немцо-

[16] Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava 2002, s.196–197.

[17] См. Janusz Bugajski. Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe. Westview Press. Boulder — San Francisko — Oxford 1993, p. 48–49.

вой, в начале 1990-х годов в Закарпатье пропорция между русинами и украинцами составляла примерно 70% к 30% в пользу русинов[18].

Аналогичные процессы происходят и в Закарпатской области Украины, где существует Общество Подкарпатских русинов, небезуспешно пропагандирующее среди местного населения идею отдельного, не имеющего ничего общего с украинцами русинского народа. На конференции Общества Подкарпатских русинов 15 мая 1993 г. было образовано «временное правительство» Подкарпатской Руси во главе с профессором Ужгородского университета Иваном Туряницей. Временное правительство объявило себя «правопреемником прежнего правительства Подкарпатской Руси, насильственно ликвидированного Сталиным в 1945 г.»[19]. В интервью Чешскому телеграфному агентству (ЧТК) в январе 1995 г. министр иностранных дел этого правительства Тибор Ондик заявил в Братиславе, что конечной целью русинского движения является достижение независимости, но исключительно мирными средствами. Это вызывает острую реакцию местного Руха и украинских идеологов, которые обвиняют русинских активистов в предательстве украинской идеи, в сотрудничестве с «российской имперской разведкой» и даже в том, что «политрусинство все больше превращается в пятую колонну Кремля»[20]. Русинский вопрос на современной Украине вообще является исключительно деликатной и болезненной темой, при обсуждении которой даже маститые украинские ученые дают волю эмоциям, скатываясь к откровенной брани и навешиванию ярлыков. Так, по словам О. Мишанича, «нынешний политический русинизм и его носитель – «карпатский русин» – не национальность, не национальное меньшин-

[18] Helena Němcová. Velké problemy malé země // Listy, Ročník XXI, č.2, 1991, s. 22–25.

[19] Пряшовска Русь. 2.04.1998.

[20] Срібна земля-фест, 19–25 вересня 1996, № 22.

ство и даже не этническая группа. Это – профессия. Позорная профессия предательства, запроданства и политиканства, сила зла, направленная против Украины. Это – форма имперского гнета на Украину, один из способов раскола украинского народа»[21].

Как бы то ни было, но идея особности Закарпатья от остальной Украины довольно популярна среди местного населения. Именно Закарпатская область выступила инициатором фактической федерализации Украины, еще во время первых президентских выборов на Украине в декабре 1991 г. подавляющим большинством голосов (78%) высказавшись за предоставление Закарпатью самоуправления. При этом более 80% жителей Берегово, места компактного проживания этнических венгров Закарпатья, проголосовали за создание венгерской автономной области с центром в г. Берегово. В ходе президентских выборов на Украине в ноябре-декабре 2004 г. и последовавшего за ними острого политического кризиса население Закарпатья вновь подтвердило свое стремление к федерализации Украины, оказавшись союзником не соседней Галиции, а Донбасса и других русскоязычных областей Украины.

Результаты декабрьского референдума 1991 г. активно использовались лидерами русинского движения в пропагандистских целях. В заявлении Временного правительства Подкарпатской Руси 1 декабря 1993 г. в Ужгороде, подписанном главой правительства И.Туряницей и направленном президенту, парламенту и правительству Украины, содержалось требование «официально признать автономное государственное образование на территории нынешней Закарпатской области, восстановленное волеизъявлением народа – референдумом 1 декабря 1991 года»[22]. Противостояние между активистами русинского движения и официальными властями Украины

[21] Мишанич О. Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993. С. 17.

[22] Пряшовска Русь. 2.04.1998.

периодически выплескивается на страницы местной прессы. Так, издающаяся в Ужгороде газета «Русынська бысида» наряду с хроникой русинской культурной жизни постоянно информирует читателей о фактах дискриминации русинов со стороны украинских властей. В одном из номеров «Русынська бысида» сообщала об увольнении с работы русинского поэта и автора русинской грамматики И. Керчи украинскими националистами, о запрете властей назвать вокальный ансамбль ужгородского училища культуры именем «Русиночка», а также о противодействии ужгородской областной администрации участию русинов во встрече представителей нацменьшинств Украины под эгидой Европарламента. Газета даже заключала, что «Украина проводит в отношении русинов геноцид»[23].

Нежелание украинских властей признать русинов в качестве отдельного народа становится одной из главных проблем современного русинского движения, поскольку значительная часть русинов проживает на территории современной Закарпатской области Украины. В заявлении 4 Всемирного Конгресса русинов, состоявшегося в 1997 г. в Будапеште, констатировалось, что в то время как Югославия, Венгрия, Польша и Словакия признали русинов как отдельный народ, Украина не предприняла аналогичного шага, что явилось нарушением Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств и самой украинской Конституции. 4 Всемирный Конгресс русинов обратился к украинским властям с призывом признать русинов в качестве отдельного национального меньшинства. На заседании Всемирной рады русинов 14 марта 2003 г. в Ужгороде, посвященном положению русинов Подкарпатья, вновь подчеркивалось, что самой большой проблемой остается непризнание русинов Подкарпатья в качестве отдельного национального меньшинства правительством и государственными структурами Украины[24].

[23] Русинська бисіда. август 1998, Рочник 2, Число 4 (8).

[24] Народны Новинкы. Річник XIII. Ч. 13–14. 2.апріля 2003. С. 1.

* * *

В культурно-языковом отношении русины представляют собой крайнюю западную часть того восточнославянского этнического массива, который впоследствии стал основой формирования украинского народа. Лишенные «собственного» государства и постоянно пребывая в составе других государственных образований в качестве национального и религиозного меньшинства, русины периодически становились объектом «этнический инженерии» со стороны элиты тех стран, в состав которых они входили. В отличие от русинов Восточной Галиции и Буковины, которые постепенно восприняли украинскую идентификацию и стали украинцами, отказавшись от своего традиционного этнонима, русины Восточной Словакии и Закарпатья не только сохранили свою доукраинскую этническую идентичность, но и развили ее в ожесточенном идейном противостоянии с украинскими идеологами. Наиболее активная фаза этого противостояния приходится на период нахождения закарпатских русинов в составе межвоенной Чехословакии, политика которой наложила сильный отпечаток на протекание и результаты этого процесса. Эволюция доукраинской идентичности русинов, которая не только уцелела в противостоянии с ассимиляционной политикой венгерских властей и с украинской идеологией, но и развилась в самобытную и богатую культуру, представляет интереснейшую страницу в славянской истории, до сих пор мало известную российскому читателю.

Карпатские русины не только никогда не имели своего собственного государства, но и никогда не входили в какое-либо единое административное образование. Находясь в составе австро-венгерской империи до 1918 г., русины были административно разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь, т. е. современное Закарпатье и Восточная Словакия). Современные русины населяют

четыре исторические области, входящие в настоящее время в состав разных государств. Помимо Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) и Восточной Словакии (Пряшевской Руси) русины проживают на территории Польши (наряду с Силезией, куда в 1947 г. польские власти в рамках операции «Висла» депортировали русинов-лемков, это историческая область проживания русинов-лемков – Лемковина, занимающая северные склоны Карпат в юго-восточной Польше) и на территории северной Румынии (область Мармарош). Наряду с этими четырьмя регионами, образующими достаточно компактную территорию, островки компактного проживания русинов встречаются в северо-восточной Венгрии, в Хорватии и в сербской Воеводине. Русины, переселившиеся на территорию Воеводины еще в XVIII в., испытали сильное культурно-языковое влияние сербов и сейчас значительно отличаются от своих карпатских соплеменников, сохраняя, впрочем, русинское самосознание. В результате массовой миграции карпатских русинов в Северную Америку в конце XIX – начале XX вв. сложилась многочисленная карпаторусинская община в США и Канаде, насчитывающая примерно 650 тысяч человек. Общая численность русинов в настоящее время составляет около полутора миллионов человек.

Этноним «русин», имеющий давнюю историю и проделавший сложную эволюцию, еще в начале XX в. означал население гораздо более обширной области, чем в настоящее время. Вплоть до конца XIX – начала XX века русинами называли себя и жители нынешней Галиции и Буковины, которые после окончательной победы украинской ориентации приняли самоназвание «украинец». С распространением украинской идентификации в Восточной Галиции связано и становление самосознания русинов-лемков, которые не восприняли украинскую ориентацию своих восточных соседей – русинов Восточной Галиции. Термин «лемко» (производное от наречия «лем», широкого распространенного в русинских диалектах) появляется уже в начале XIX века. Однако в качестве этнонима этот тер-

мин стал употребляться с начала XX века. В это время местные русинские национальные деятели, обеспокоенные активизацией украинского движения в соседнем Львове, стали употреблять регионализм «лемко» в качестве самоназвания, чтобы отличить русинское население к западу от реки Сан, которое не приняло украинскую ориентацию, от русинов Восточной Галиции, постепенно становившихся украинцами. В культурном и политическом отношении лемки тяготели не к своим восточногалицким соседям-украинцам, а к русинам Пряшевщины. Именно русины-лемки выступили инициаторами политического объединения с восточнословацкими русинами после Первой мировой войны, но их планы не были поддержаны на Парижской мирной конференции в 1919 г. После этой неудачи лемки образовали Лемковскую Русинскую республику, которая существовала с декабря 1918 по март 1920 г.[25]

С окончанием Второй мировой войны русины-лемки вновь выступили с безуспешной инициативой политического объединения с русинами Восточной Словакии, однако неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства не только сорвали их планы, но и поставили под угрозу само существование лемков как этноса. В первые послевоенные годы около двухсот тысяч лемков переселились из Польши на Украину в рамках обмена населением между СССР и Польшей. Ту часть лемков, которая приняла решение остаться в Польше, ожидали еще более тяжелые испытания. Весной 1947 г. польские власти организовали так называемую операцию «Висла». В ходе этой операции польская армия и полиция под предлогом борьбы с украинским националистическим движением депортировали по разным оценкам от нескольких десятков тысяч до ста пятидесяти тысяч лемков из области их традиционного проживания в юго-восточной части современной

[25] См. Magocsi P.R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers, XXI, 2. New York 1993, p. 95–105.

Польши в западные регионы Польши на бывшие немецкие земли. В целях скорейшей полонизации лемки были расселены небольшими группами на территориях Силезии и Померании; в свою очередь, исторические области лемков были заселены этническими поляками.

Подобно русинам в Словакии, значительная часть лемков отвергает украинскую самоидентификацию и заявляет о себе как об отдельном народе. В 1989 г. в Легнице было образовано Общество лемков; в 1990 г. возник Союз лемков Польши. Действующие в современной Польше общественные организации лемков ведут активную борьбу за свои культурные права и заявляют о своем нежелании быть «разменной монетой» в польско-украинских взаимоотношениях[26].

Говоря о сути русинского вопроса, один из теоретиков и лидеров русинского движения канадский ученый-славист П.Р.Магочий в своем выступлении на I Всемирном Конгрессе русинов в восточнословацком местечке Медзилаборце в марте 1991 г. подчеркнул, что русины (за исключением русинов Воеводины) все еще не могут рассматриваться как отдельный народ. «Вопрос о том, станут ли русины отдельным народом или лишь частью какого-либо другого народа, – считает Магочий, – и составляет суть так называемой «русинской проблемы»[27].

Активная работа по кодификации русинских диалектов, созданию и распространению собственного литературного языка, возрождение специфически русинского взгляда на историю и русинских символов прошлого, критика социализма, во время которого отрицалось само существование русинского народа[28], – таковы отличительные черты совре-

[26] Janusz Bugajski. Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe, p. 44.

[27] Русин. 1991, № 2. С. 2.

[28] Согласно официальной точке зрения властей СССР и социалистической Чехословакии, все русины считались украинцами. Сам термин „русин“ был объявлен ошибочным, а русинское культурное наследие в целом рассмат-

менного русинского движения, которое уже достигло определенных успехов. Русины имеют свою прессу (еженедельник «Народны новинкы» и журнал «Русин»), программы местного радио на русинском языке, музей современного искусства А. Варгола в г. Медзилаборце и драматический театр А. Духновича в г. Прешов. С 1997–1998 учебного года русинский язык наряду со словацким стал языком преподавания в некоторых начальных школах. В качестве народов со сходной исторической судьбой и в качестве примеров для подражания современные русинские идеологи рассматривают галисийцев и каталонцев в Испании, бретонцев и эльзасцев во Франции, а также фризов в Голландии, которые «изучают и используют свой язык в официальной сфере» и поэтому способны «придать русинам оптимизм»[29]. Одним из самых главных достижений русинского движения стала кодификация русинских диалектов Восточной Словакии и создание на этой базе русинского литературного языка, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в 1995 году. Все это свидетельствует о том, что русинское национальное самосознание, несмотря на интенсивную кампанию украинизации, проводимую советскими и чехословацкими коммунистическими властями с начала 1950-х годов, оказалось весьма устойчивым.

Между тем, по мнению многих авторитетных ученых-славистов, восточнославянское население Закарпатья и Восточной Словакии в лингвистическом и этнографическом отношении можно считать частью украинского народа. Что же побуждает идеологов русинского движения отрицать принадлежность к украинцам и стремиться к обособлению и созданию собственного народа? Суть проблемы заключается в том, что на протяжении всего периода отрицания самого суще-

ривалось как буржуазный пережиток реакционного и отсталого прошлого. См.: Шелепець Й. Сенс історії культури південнокарпатських українців // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov 1968, s. 84–85.

[29] Народны Новинкы. Річник II, 2.XII.1992. С. 2.

ствования русинского этноса (этот период начался с включением Закарпатья в состав СССР в 1945 г. и после прихода коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 г.) основными критериями принадлежности к народу считались такие формальные признаки, как язык и этнографические особенности. Именно это определило директивное решение Компартии Украины, принятое еще в двадцатые годы, о том, что все русины – украинцы, которое и было реализовано на практике в ЧССР и СССР после Второй мировой войны. Что же касается этнического самосознания, этого, по мнению многих современных исследователей, главного критерия, определяющего существование народа, то оно попросту не принималось во внимание. Этническое самосознание и является ключом к ответу на вопрос о причинах русинского движения. Несмотря на действительно несомненную языковую и этническую близость восточнославянского населения Словакии и Закарпатья к своим собратьям по северную сторону Карпат, этническое самосознание и национальная идеология русинов развивались в других условиях и в совершенно ином направлении.

Основные черты современного русинского движения, которое трактует русинов как четвертый восточнославянский народ, отличный от украинцев, во многом оформились в межвоенной Чехословакии. Возникновение особой русинской идентичности, отличной от преобладавших ранее русофильских и украинофильских воззрений, было результатом сложного взаимодействия ряда культурных и социально-политических факторов, а также особенностей внутренней политики чехословацких властей в межвоенный период. В.Доубек, анализируя чешскую политику в Австро-Венгрии в начале XX вв., писал, что чешские политические деятели интерпретировали славянскую взаимность «исключительно с точки зрения политической целесообразности и чешских интересов ... Чешская политика, пребывая в состоянии ежедневной конфронтации с немецким элементом в Чехии и Австрии, тяжело

переносила культурное, экономическое и прочее превосходство, демонстративно проявляемое немецкими националистами. Подобный травмирующий опыт ... компенсировался в ... отношениях с остальными, еще более слабыми и культурно менее развитыми народами монархии. Кичась ореолом признанного центра славянства в Австро-Венгрии, чешские политики временами проявляли чувство превосходства в отношении своих потенциальных славянских союзников»[30]. Эта меткая психологическая характеристика в известной степени относится и к деятельности чешских политиков после образования независимой Чехословакии, где их комплексы проявились и в сфере межнациональных отношений, став одной из причин неудач как судетонемецкой, так и словацкой политики Праги. По отношению к русинам эта политика трансформировалась в причудливую смесь откровенного культуртрегерства, слегка маскируемого славянской риторикой, непоследовательности, дилетантизма и явной конъюнктурщины, что в итоге привело к провалу русинской политики Праги и сыграло контрпродуктивную роль в истории самой Чехословакии.

* * *

Известный русский историк Н. И. Кареев, выступая в 1901 г. с публичной лекцией во Львове, справедливо заметил, что «русская наука занимается историей других народов больше, чем какая-либо другая»[31]. Это безусловно верное наблюдение в меньшей степени касается русинов, которые в сравнении с остальными славянскими народами были обделены вниманием российских ученых. Отчасти это можно объяснить тем, что в XIX в. русины, находясь в тени других народов, заявляли

[30] Vratislav Doubek. T.G.Masaryk a česká slovanská politika 1882–1910. Academia, Praha 1999, s. 72–73.

[31] Slovanský Přehled 1901, Roč. III, s. 341.

о своем национальном существовании не столь настойчиво и активно, как другие славяне; отчасти тем, что с двадцатых годов XX века русины были признаны международным коммунистическим движением частью украинцев и поэтому не рассматривались в советской историографии в качестве отдельного народа. Внимание к русинам и к их историческому прошлому стало расти лишь с конца 1980 – начала 1990-х годов, по мере того как эта тема переставала быть запретной.

Особый интерес русских историков XIX в. вызывала ранняя история русинов и время их появления в области к югу от Карпатского хребта. В начале 40-х годов XIX в. Н.И.Надеждин в своей «Записке о путешествии по южно-славянским странам» поддержал мнение русинских историков об автохтонности русинского населения, которое, как они полагали, заселило территории к югу от Карпат задолго до прихода мадьярских племен[32]. К этой же точке зрения склонялся известный русский славист В.И.Ламанский, затронувший проблему расселения русинов в своей работе «О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»[33]. В то же время, известный лингвист А. И Соболевский солидаризировался с мнением А.Куника о том, что русины не могли появиться в Паннонии раньше мадьяр[34], опередив тем самым венгерских историков-ревизионистов, высказавших подобную точку зрения в конце XIX в.

Среди дореволюционных русских славистов активнее всего русинской проблематикой занимался ученик В.И.Ламанского А.Л.Петров, уделивший в своих исследованиях особое внимание вопросам этнографии Угорской Руси и границам распространения карпаторусских диалектов[35]. Эмигрировав

[32] Надеждин Н.И. Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства Народного Просвещения. Т.34. СПб., 1842. С. 103.

[33] Ламанский В.И. О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 62.

[34] Соболевский А.И. Как давно Русские живут в Карпатах и за Карпатами // Живая Старина, т. 4. СПб., 1894. С. 524–526.

[35] См. напр.: Петров А. Статьи об Угорской Руси. СПб., 1906.

после революции 1917 г. в Прагу, Петров продолжал активно заниматься средневековой историей русинов и пришел к выводу о том, что в силу неблагоприятных естественно-географических причин русины стали заселять территорию к югу от Карпат лишь с конца XII в.[36], что нанесло сильный удар по широко распространенной теории автохтонности русинов. Интерес к языку и литературе карпатских русинов проявлял и известный русский славист В.А. Францев, после революции 1917 г. эмигрировавший в Чехословакию и заинтересовавшийся данными сюжетами во многом под влиянием острого культурно-языкового противоборства украинофилов и русофилов в Подкарпатской Руси[37]. В своих работах по истории литературного языка русинов В.А. Францев отмечал, что «с самого начала того знаменитого умственного движения, которое началось и в Угорской Руси под влиянием событий и идей 1848 г., обновленная угро-русская письменность определенно и решительно высказалась за единый русский литературный язык»[38].

Что касается современных ему перипетий языковой борьбы в Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в межвоенный период, то Францев полагал, что «для ... Подкарпатской Руси представлялись лишь два пути решения вопроса о литературном языке ... или примкнуть без оговорок к литературной жизни малорусской (украинской) и слиться с нею ... или избрать органом своей письменности высокоразвитый язык большой русской литературы, общее создание всех творческих сил русского народа ... Этот вопрос должна решить русская общественность Подкарпатской Руси,

[36] Петров А.Л. Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498. Прага, 1930. С. 7.

[37] См. Францев В.А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород 1924; Он же. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930.

[38] Францев В.А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С. 3.

сила ее национального сознания и глубина исторического познания ... Третий путь, которому следуют в наше время известные литературные и ученые круги Подкарпатской Руси, не желающие окончательно примкнуть к одному или другому течению, надо ныне признать бесполезным ... не давшим в прошлом и не обещающим теперь никаких достойных восхищения плодов»[39].

Первые попытки русинских историков осмыслить историческое прошлое своего народа относятся к концу XVIII – первой половине XIX века. Общей чертой ранних трудов русинских историков, среди которых выделялись работавшие в России И. Орлай и Ю. Венелин, были утверждения об автохтонности русинского населения к югу от Карпат, мысль о принятии православия русинами еще в ходе миссии Мефодия, а также идея единства карпатороссов с другими ветвями русского племени. Так, Ю. Венелин подчеркивал неразрывное единство Южной и Северной Руси и родство карпатороссов с населением остальных частей Руси. Сожалея о раздробленности ранее единых русских земель, Венелин выступал за принятие единого общерусского литературного языка. Схожие мысли высказывали русинские общественные и политические деятели середины и второй половины XIX века, в частности, А. Добрянский, который отмечал принадлежность русинских земель Киевской Руси в раннее средневековье и являлся убежденным сторонником принятия русского литературного языка[40].

По мнению канадского слависта русинского происхождения П. Р. Магочего, одного из наиболее авторитетных специалистов по истории русинского народа, «период с 1918 по 1945 гг. стал временем истинного ренессанса для Подкар-

[39] Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930. С. 2.

[40] См. напр.: Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 208. СПб., 1880. С. 134–159.

патской Руси, когда могли быть разработаны все элементы русинской национальной идеологии»[41]. В отличие от Венгрии, в составе Чехословакии «русин не должен был стремиться стать венгром. Славянская культура и славянское братство стали общепринятыми идеалами, хотя было не всегда ясно, в каких конкретных формах это найдет свое проявление ... Русинская интеллигенция, полностью усвоив славянскую идентичность, оставалась в неведении относительно того, должна ли ее культура и национальность считаться русской, украинской или какой-либо еще»[42]. Касаясь культурно-языковой политики чехословацких властей по отношению к подкарпатским русинам, Магочий отмечал, что «первоначально чехословацкое правительство отдавало предпочтение украинской ориентации, что вызывало сопротивление русофилов ... Поскольку местный язык считался чехами разновидностью украинского языка Галиции, было признано целесообразным импортировать учителей и учебные пособия из этой провинции»[43]. Вместе с тем, по мнению канадского слависта, «чешская политика импорта учебников и учителей из Галиции ... не была причиной языкового спора в Подкарпатской Руси. Семена противоречий были засеяны во второй половине XIX века, когда наметился разрыв между теми национальными лидерами, которые использовали русский литературный язык, и теми, кто склонялся к более широкому использованию местных диалектов. По сути, до 1918 г. только растущая мадьяризация удерживала лингвистические споры в зачаточном состоянии. В условиях демократической Чехословакии эта проблема вышла на поверхность ... Было бы несправедливо обвинять чешское правительство или галицких эмигрантов в инициировании языкового спора в Подкарпатской Руси

[41] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts 1979, p. 75.

[42] Ibidem, p. 17.

[43] Ibidem, p. 137.

в 1920-е годы»[44]. Если оставить в стороне спорный вопрос о виновниках «инициирования языкового спора», все равно нельзя не отметить изрядную лепту, вольно или невольно внесенную чешскими власти в его дальнейшую эскалацию.

Анализируя противоборство различных идентификационных моделей среди русинов, П. Р. Магочий пришел к выводу о том, что все три ориентации – русофильская, украинофильская и русинофильская – имели теоретические шансы на успех, который «зависел от того, в какой степени правящие власти и местная интеллигенция были в состоянии прийти к согласию относительно проведения четкой и последовательной национальной политики»[45].

П. Р. Магочий отмечал существенную разницу в положении русинов Подкарпатской Руси, являвшейся отдельной административной единицей в составе межвоенной Чехословакии, и русинов прешовской области, вошедших в состав Словакии в качестве национального меньшинства и подвергавшихся ассимиляционному давлению местных властей. В отличие от Праги, словацкие власти не поддерживали украинское направление, которое не смогло пустить корни среди русинского населения Восточной Словакии, что обусловило определенные различия в эволюции подкарпатских и восточнословацких русинов. В своей борьбе против ассимиляционной политики словацких властей русины Восточной Словакии к концу 1930-х годов достигли некоторых успехов, что выразилось в возросшем количестве русинских школ и в создании Русской гимназии в 1936 г. в Прешове[46].

Современные русинские деятели в целом положительно оценивают период нахождения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, особенно отмечая ее «демократическое зако-

[44] Ibidem, p. 137–138.

[45] Ibidem, p. 271.

[46] Paul R. Magocsi. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey. Wien 1983, p. 40.

нодательство». Невыполнение Прагой своих обещаний о предоставлении русинам широкой автономии русинские авторы оправдывают целым рядом внутренних и внешних причин, зачастую повторяя аргументы чехов (нехватка собственной интеллигенции и недостаток квалифицированных кадров среди русинов; опасения чехословацкого руководства, что предоставление автономии полумиллиону русинов вызовет аналогичные требования со стороны трех миллионов судетских немцев и более чем полумиллиона венгров, поддерживаемых соседними Германией и Венгрией)[47]. Вместе с тем русинские авторы констатируют энергичную кампанию украинизации русинов Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии в первую очередь в сфере образования, обращая при этом внимание на весьма благоприятные условия, созданные чехословацкими властями для украинских эмигрантов в особенности в 1920-е годы. «Удивительно, но факт, – недоумевают П. и С. Годьмаш, – что при президенте Чехословакии Масарике, которого почему-то так ненавидят национал-радикалы Галичины, были созданы особые условия для политэмигрантов прежде всего из Галиции ... Для получения высшего образования в Праге был создан Украинский свободный университет, который содержался на госбюджете Чехословакии ... Кроме того, в г. Подебрады была создана Украинская хозяйственная академия и даже Педагогический институт имени Драгоманова»[48].

Прямой связи между кампанией украинизации русинов и целенаправленной политикой чехословацких властей П. и С. Годьмаш не усматривают, возлагая всю вину за этот процесс на «галицких политэмигрантов», а также на поддерживаемых Москвой местных коммунистов, стоявших на украинофильских позициях. Архивные материалы и материалы межвоенной русинской прессы, свидетельствующие о пря-

[47] См. Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 81.

[48] Там же. С. 84.

мой поддержке украинофилов со стороны государственных структур Чехословакии, позволяют существенно дополнить и скорректировать эту точку зрения, которая необоснованно отводит чехословацким властям роль стороннего наблюдателя в русинско – украинском противостоянии.

В своей интерпретации исторического прошлого русинов украинские историки с подкупающей непосредственностью прибегают к своего рода терминологической «машине времени», механически перенося современные им понятия и термины в эпоху, когда обозначаемые ими явления попросту не существовали. Так, патриарх украинской историографии М.С.Грушевский сделал удивительное историко-географическое «открытие», умудрившись обнаружить «Угорскую Украину» уже в XIX веке. Грушевский использовал термины «Угорская Украина» и «украинцы» применительно к Угорской Руси и ее восточнославянскому населению в XIX веке[49], т.е. в то время, когда местные русины имели крайне смутные представления об Украине и были бы очень удивлены, узнав о том, что они – украинцы, проживающие в Угорской «Украине». Заметные неудобства испытывают украинские ученые и с оценкой карпаторусского культурного наследия XIX века, созданного на смеси церковнославянского и русского языков (так наз. «язычие») и проникнутого идеей единения с Россией. «Закарпатские «будители» XIX века ... создавали литературу, которая хоть и получила название карпаторусской, но все же принадлежала к украинской литературе», – такую не вполне вразумительную трактовку карпаторусской литературы дает О.Мишанич, признающий в то же время, что «процесс формирования украинской модели культуры Закарпатья завершился в 20–30 годы XX века».[50] Подобным недугом страдали и советские историки. Советская «Краткая история Чехосло-

[49] См. напр.: Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. Москва, 2001.

[50] Мишанич О. Політичне русинство і що за ним. С. 14, 16.

вакии», перечисляя проживавшие в межвоенной Чехословакии народы, приводит «461 тысячу украинцев»[51] вопреки тому факту, что в чехословацких переписях эти люди определяли себя в основном как русины или русские. По данным чехословацкой переписи 1930 года, число тех, кто указал именно «украинскую» национальность на территории Подкарпатской Руси, составило лишь немногим более двух тысяч человек.

Украинский взгляд на взаимоотношения русинов и межвоенной Чехословакии прямо противоположен русинскому. Представители русинов, в целом позитивно оценивая пребывание Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, отрицательную сторону этого периода времени усматривают в активной украинизации русинского населения. В отличие от них, украинские авторы, трактуя русинов как априори украинцев с «неправильной» самоидентификацией и «не разбуженным» украинским национальным самосознанием, обвиняют чехословацкие власти в поддержке «политического русинства» и «удушении национального самосознания украинцев»[52]. Гневные обвинения в адрес чехословацких властей в «удушении» украинского национального самосознания вряд ли справедливы по двум причинам. Во-первых, «душить украинское самосознание» было невозможно по причине его полного отсутствия у подавляющего большинства русинского населения Подкарпатской Руси и особенно Восточной Словакии. Во-вторых, как будет показано ниже, чехословацкие официальные лица, опираясь преимущественно на формально-языковые критерии, также рассматривали русинов как часть украинского народа. При этом чехословацкие власти, исходя из собственных политических и культурных приоритетов, способствовали украинизации русинского населения не столь активно и прямолинейно, как этого хотелось бы украинским

[51] Краткая история Чехословакии. Москва: «Наука», 1988. С. 298–299.

[52] Сірка Й. Розвиток національної свідомости лемків Пряшівшини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980. С. 14.

деятелям. Несоответствие между собственными ожиданиями и практическими действиями чехословацких властей и порождало у украинских идеологов ощущение того, что политика Праги имела антиукраинскую направленность.

В то же время, украинские исследователи обоснованно обращают внимание на явные ассимиляторские тенденции в политике Чехословакии по отношению к Подкарпатской Руси в межвоенный период. Так, по мнению современных украинских историков из Словакии, «чехословацкие власти всячески тормозили развитие культурно-национальной жизни украинского Закарпатья ... откладывали решение национального вопроса ... проводили такую политику в отношении существовавших ориентаций, чтобы ни одна из них не пропала, но и не одержала победу ... Поддерживая языковую неразбериху ... власти на самом деле проводили в Закарпатье активную чехизацию образования и государственной администрации»[53].

Русины и Подкарпатская Русь занимают устойчивое место в чешском массовом сознании, которое склонно особенно выделять период нахождения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, трактуя это как один из самых успешных и благоприятных эпизодов в истории русинского народа. Идеализированный образ межвоенной чехословацкой республики и Масарика создают эффект очков с розовыми стеклами, через которые чешское общественное мнение рассматривает положение русинов и Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии. В целом чехи обнаруживают устойчивую тенденцию к идеализации положения русинов в межвоенной республике и к акцентированию внимания на социально-экономическом прогрессе и прочих успехах, достигнутых русинами в рамках Чехословакии. По утверждению одного из чешских авторов, «двадцать лет нахождения Подкарпатской

[53] Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як ? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехословаччини. Пряшів — Київ, 1992. С. 33–34.

Руси в Чехословакии нельзя рассматривать как нечто случайное. В 1919–1939 гг. было доказано, что и в крае, сохраняющем пережитки феодализма, могут быть проведены реформы и осуществлены глубокие общественные перемены. Чехословакия ввела здесь образование для девяти национальных общин; радикальный поворот произошел в сфере здравоохранения; удалось снизить смертность среди детей; успешно решалась проблема безграмотности ... основывались новые заводы и фабрики при поддержке чешского капитала ... развивались политические, культурные, спортивные организации как гражданский фундамент демократии»[54]. Подобная лестная оценка своего влияния на русинов широко распространена в чешском обществе.

Столь впечатляющий альтруизм должен был бы осчастливить русинское население, однако знакомство с источниками, в том числе с русинской публицистикой межвоенного периода, свидетельствует скорее о недовольстве и раздражении русинов самыми разными аспектами пражской политики. Безусловно, влияние Чехословакии на русинов имело свои несомненные плюсы и положительные стороны, но они были не единственным и вряд ли главным компонентом реальной политики Праги в отношении Подкарпатской Руси. Действительное положение русинов в Чехословакии мало походило на идиллическую картинку, о чем свидетельствует большое количество критических и крайне нелестных отзывов в адрес русинской политики официальной Праги на страницах межвоенной русинской прессы. Чешские исследователи и чешское массовое сознание склонны не замечать многочисленные проблемы и отрицательные стороны во взаимоотношениях чехословацких властей и русинов, поскольку это плохо вписывается в культуртрегерскую миссию «цивилизатора», усвоенную чешским обществом по отношению к своим восточным сосе-

[54] Jaromír Hořec. Poselství Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha 1997, s. 10.

дям и наложившую сильный отпечаток на русинскую политику чешской политической элиты. Так, в рамках первой чехословацкой республики не было реализовано главное обещание чешских политиков русинам о предоставлении Подкарпатской Руси широкой автономии. Между тем, по мнению венгерского исследователя Иштвана Тота, «Чехословацкая республика могла бы дать автономию Подкарпатской Руси, если бы это было ее искренним желанием; тем более, что к этому Прагу обязывали не только международные договора, но и собственная конституция ... Однако пражские правящие круги оттягивали ее введение, ссылаясь на неготовность к этому русинского общества. В определенной степени, – признает венгерский исследователь, – подобная аргументация имела смысл, но правда заключалась и в том, что Прага не проявляла заметных усилий по ликвидации существующей экономической и политической отсталости. «Подкарпатская Русь не является частью единой экономической системы», – заявляла чешская буржуазия. Неудивительно поэтому, что чешской бюрократии казалось более удобным и выгодным удерживать эту отдаленную провинцию, присоединенную к Чехословакии без всяких этнических и исторических оснований, на уровне колонии»[55]. Критически отзывался о русинской политике Чехословакии и Я.Бугайски, по мнению которого, «хотя отношение Праги к русинскому и украинскому меньшинствам было в целом благоприятным, тем не менее, чехословацкое правительство строило централизованное государство, а не федерацию, отправляя чешских чиновников и учителей в преимущественно аграрные восточные области. Подобная политика вызывала определенное недовольство местного населения, включая обвинения в пражском колониализме»[56]. Культурно-

[55] István Tóth. Podkarpatsko: území na křižovatce zájmů // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 35.

[56] Janusz Bugajski. Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe, p. 46.

языковая политика Праги в отношении русинского населения также имела ряд существенных изъянов, о чем и пойдет речь в этой книге.

После «бархатной революции» 1989 г. и падения социализма в Чехословакии русинская тема вызвала новый всплеск заинтересованного внимания со стороны чешской общественности. Определяющей доминантой этого интереса были ностальгические настроения, связанные с идеализацией межвоенной Чехословакии, и сетования по поводу политики «агрессивного и коварного» сталинского СССР, «отобравшего» у Чехословакии Подкарпатскую Русь после Второй мировой войны. «Речь шла о единственном случае после Второй мировой войны, когда государство-победитель было лишено 10% своей территории другим государством-победителем»[57], – утверждает чешский исторический словарь. Между тем, образ Чехословакии как пассивной жертвы московского диктата в данном случае не совсем корректен, поскольку первым о возможности передачи Подкарпатской Руси Советскому Союзу заговорил сам Э. Бенеш, затронувший эту тему по собственной инициативе еще в сентябре 1939 г. в ходе беседы с советским послом в Великобритании Майским. Этот примечательный факт ускользает от внимания чешских исследователей, столь бескомпромиссных и цепких в разоблачении советской внешней политики. Кроме того, во время переговоров с Молотовым 19 марта 1945 г. в Москве Бенеш, будучи заинтересованным в поддержке СССР в вопросе выселения судетских немцев из Чехословакии, вновь подтвердил готовность чехов уступить Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину) Советскому Союзу, предложив заключить договор о передаче Карпатской Украины СССР и отметив, что в течение 20 лет он никогда не считал вопрос Карпатской Украины «окончательно решенным». 24 марта 1945 г. Бенеш прямо заявил, что Карпатская Украина должна стать частью СССР и что он «не имеет

[57] Libor Vykoupil. Slovník českých dějin. Brno 2000, s. 452.

возражений против установления советской системы в Чехословакии, поскольку самое главное заключается в освобождении от немецкого ига»[58]. Предложения Бенеша о присоединении Карпатской Украины к СССР в Москве были очень быстро услышаны; что касается введения советской системы в Чехословакии, с чем Бенеш выражал согласие 24 марта 1945 г., то эта примечательная инициатива чехословацкого демократа была тогда отклонена самим И. Сталиным[59]. Нельзя не отметить и то, что культурно-языковую почву для столь неприятного чехам «воссоединения» Подкарпатской Руси с Советской Украиной в течение всего межвоенного периода добросовестно готовила сама чешская политическая элита, поддерживавшая украинофильское направление среди русинов Подкарпатской Руси в ущерб русофилам.

На фоне всплеска политической активности в Чехословакии после «бархатной революции» эпизодически возникали и весьма экстравагантные политические планы в отношении Закарпатской Украины со стороны некоторых чешских политиков. Так, лидер праворадикальной и националистической Республиканской партии Чехословакии – «Объединения за Республику» Мирослав Сладек в начале 1990-х годов неоднократно озвучивал идею о необходимости возвращения Закарпатской Украины в лоно чехословацкой республики, аргументируя это «незаконностью» присоединения Закарпатья к СССР. В 1991 г. Сладек даже посетил закарпатский город Мукачево, где при большом стечении народа собственноручно развернул чехословацкий флаг и призвал к проведению референдума в Закарпатье, будучи уверенным в том, что большинство местных русинов выскажется за присоединение к экономически благополучной Чехословакии. Подобные скандальные заявления с интересом воспринимались

[58] Rudolf Ströbinger. Dvakrát o Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 42–43.

[59] Ibidem.

лидерами закарпатских русинов, недовольных централизаторской политикой Киева. Наиболее радикальные представители русинского движения в Закарпатской области в начале 1990-х годов требовали провозгласить недействительным договор между ЧСР и СССР от 29 июня 1945 г. о передаче Подкарпатской Руси Советскому Союзу и восстановить юрисдикцию Чехословакии на территории Закарпатья в соответствии с Сен-Жерменским договором 1919 года. В конце октября 1991 г. активисты русинского движения прибыли в Прагу и, пытаясь добиться своих политических требований, объявили бессрочную голодовку у памятника святому Вацлаву на Вацлавской площади в Праге. Однако быстро разочаровавшись в позиции чехов, большинство участников акции вскоре прекратили голодовку и покинули чехословацкую столицу. Отношение официальной Праги к требованиям русинских радикалов в то время ясно обозначил тогдашний министр иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбир, заявивший, что «правительство ЧСФР не может быть связано с судьбой Подкарпатской Руси»[60]. После распада федеративного чехословацкого государства и появления 1 января 1993 г. на политической карте Европы независимых Чехии и Словакии идея о возвращении Закарпатья Чехословакии окончательно потеряла актуальность.

[60] Lidová demokracie 3.09.1991.

Глава I
«Я русин был, есмь и буду...»

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РУСИНОВ ДО 1918 г.

«Я ... теперь занимаюсь составлением русской грамматики, но на великорусском; на нашей Угорской Руси большая часть ученых хочет принять эту письменность ... В том деле украинском писал я господину редактору Дедицкому, чтобы они не кокетировали с Украиною ... чтоб не позволяли раскол делать ... Это упрямство против России и языка русского, инспирированное поляками или фанатичными униатами ... Я сын 82-миллионного ветвистого кедра, на котором питается больше веток одним соком.... Это сообщение Славянское; оно здание одноплеменное, над которым уже не заходит Божье солнце».

(Из письма профессора филологии ужгородской гимназии П.И.Яновича журналу «Словенин» от 6 июня 1864 г. // Францев В.А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С.9–10.)

Современные закарпатские и восточнословацкие русины являются потомками восточнославянских племен белых хорватов, занимавших обширные области к западу и юго-западу от Карпатского хребта и представлявших собой крайнюю западную часть гигантского восточнославянского этнического материка. Топонимика современной Закарпатской области Украины, Юго-Восточной Польши и Восточной Словакии свидетельствует о восточнославянском этническом облике коренного населения этих

территорий. Большое количество деревень и населенных пунктов этого региона содержит корень «русь», являющийся надежным индикатором этнической принадлежности автохтонного населения. Так, среди населенных пунктов Восточной Словакии можно встретить такие названия, как Руська Воля, Руська Поруба, Руськи Грабовец, Руська Быстра, Руськи Поток, Руська Нова Вес и др. Данные археологии и лингвистики позволяют говорить о том, что область расселения русинов в средние века была значительно более обширной, постепенно уменьшаясь в процессе ассимиляции. По мнению многих авторитетных ученых-славистов, включая П. Й. Шафарика и академика Л. Нидерле, «вся территория Восточной Словакии в сущности представляет из себя словакизированную Русь»[1]. Помимо Восточной Словакии, этническая территория русинов захватывала часть современной Венгрии и Румынии. «Русская область распространяется дальше на запад, где часть нынешней Словакии ранее была русской, – писал академик Л. Нидерле, – тянулась далее на юг в ныне венгерскую область и даже занимала значительную часть внутренней Трансильвании»[2].

Хотя Карпатские горы, отделявшие населенное белыми хорватами Закарпатье от остальных восточнославянских племен, создавали серьезное препятствие для установления власти Киевской Руси над этой территорией, на ранних этапах она была связана с восточнославянским политическим организмом. По словам П. П. Толочко, «Карпатские горы были русско-венгерским пограничьем, которое периодически принадлежало то одной, то другой стороне. В состав Галицкого княжества входила также Закарпатская Русь, издревле населенная восточными славянами»[3]. Современные украинские историки из Словакии занимают довольно осторожную позицию в этом

[1] Slovanský svět. Praha 1909, s. 93.

[2] L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Praha 1925, IV, s. 162–163.

[3] Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 120.

вопросе, констатируя, что «наука еще не располагает достаточным количеством фактов о территориальной принадлежности закарпатских украинцев Киевской Руси ... Что касается границ Киевской Руси в районе Карпат, то, скорее всего, естественным рубежом Киевской Руси был сам Карпатский хребет, ширина которого в некоторых местах достигала 100 км»[4].

Влияние Галицкого княжества распространялось и на восточную часть области расселения русинов-лемков с городами Санок и Перемышль; западная часть Лемковины с самого начала оказалась в составе Польши. Территории к югу от Карпатского хребта, т. е. современная Закарпатская область Украины и Восточная Словакия постепенно переходили под власть кочевых венгерских племен, которые, преодолев в конце IX – начале X вв. Карпаты и нанеся поражение славянскому князю Лаборцу у г. Ужгород в 903 г., начали устанавливать господство над местным русинским населением. Первоначально кочевники-венгры не проявляли особого интереса к Закарпатью, отдавая предпочтение плодородным степям придунайской низменности. Только в первой половине XI вв. при короле Стефане Венгерское королевство окончательно утверждает свою власть над населенной словаками и русинами территорией к югу от Карпат.

Вопреки мнению многих авторитетных историков, некоторые современные русинские публицисты отрицают связь Закарпатья с Киевской Русью, с энтузиазмом замечая, что на изданных в Чехии и Словакии картах Великой Моравии «Ужгород входит в ее состав»[5]. Это представляет собой явное смещение акцентов в сравнении с русинскими политиками и публицистами начала XX века и межвоенного периода, которые были склонны рассматривать русинов как единый культурный организм и подчеркивали тесную связь русинов с «остальной Русью». Так, авторы «Меморандума русского конгресса в Амери-

[4] Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехословаччини. Пряшів – Київ, 1992. С. 8.

[5] Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 17.

ке», созванного «Союзом освобождения Прикарпатской Руси» 13 июля 1917 г. в Нью-Йорке, писали, что «от своего появления в истории в IX столетии до половины XIV столетия ... Прикарпатская Русь составляла одно целое с остальной Русью не лишь в национальном отношении, как теперь, но она была тогда и политически соединена с русской державой и жила с ней одной общей политической жизнью»[6].

Русинское население находилось в постоянном и прямом контакте с численно преобладавшим словацким этническим элементом, что приводило к взаимопроникновению языков и культур и постепенным ассимиляционным процессам. Сохранению русинами своего языка, культуры, обычаев и православной веры способствовала географическая изолированность русинских регионов, а также постоянный приток русинских колонистов с галицкой стороны Карпат. Христианство начинает проникать в карпатский регион во второй половине IX в. Местные народные легенды о том, что карпатские русины приняли христианство уже в 860-е годы от славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые по пути в Великую Моравию крестили Подкарпатскую Русь, находят определенные подтверждения в научных исследованиях. После разделения церквей в 1054 г. карпатские русины остались частью православного мира. Важную роль в укреплении православия в Закарпатье сыграл основанный в 1360 г. Мукачевский монастырь.

Монголо-татарское нашествие, превратившее в руины некогда цветущие древнерусские княжества, оставило свой след и в Закарпатье. Путь монголов в Центральную Европу в 1241 г. лежал в том числе и через карпатские перевалы, преодолев которые, монголо-татарское войско разорило земли закарпатских русинов. В результате монгольского нашествия территории к югу от Карпат подверглись опустошению и надолго обезлюдели. Численность населения медленно восстанавливалась за счет новой волны колонизации, которая

[6] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 512.

поддерживалась венгерскими властями и в которой принимали участие не только русины и словаки, но и немцы, а также румыны. Плодородные южные области Закарпатья привлекали венгерских колонистов.

Большую роль в политической истории закарпатских русинов сыграл князь Федор Корятович, выходец из Великого Княжества Литовского, который вместе со своей дружиной пришел в Закарпатье из Подолии во второй половине XIV века. Князь Корятович и его приход в Закарпатье в интерпретации русинских историков стали одним из ключевых событий средневековой истории русинов. По договоренности с венгерским королем Сигизмундом, резиденцией Корятовича стал мукачевский замок, имевший важное оборонительное значение в защите восточных рубежей Венгерского королевства. Русины, жившие на восточных границах Венгрии, выполняли пограничные функции и получали за это различные привилегии от венгерских монархов. С начала XVI в. феодальные повинности распространяются и на приграничное русинское население, привилегии которого постепенно ликвидируются.

«Второе издание крепостничества» и связанные с ним процессы, затронувшие в XVI в. территорию тогдашней северо-восточной Венгрии, способствовали социальной унификации местного населения и сближению русинов и словаков, которые оказались в одинаковых социально-экономических условиях. Это обстоятельство, а также почти полное отсутствие у русинов собственной аристократии и мещанства, благоприятствовали активизации взаимных контактов и диффузии словацкого и русинского населения. Другим важным фактором, ускорившим этот процесс, стала Ужгородская церковная уния 1646 г., заключенная ровно 50 лет спустя после Брестской унии 1596 г.[7]

После протестантской реформации, оказавшей сильное влияние на мадьяров и словаков, и последовавшей за этим анти-

[7] См. Ludovit Haraksim. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava 1961.

реформации, аристократия Речи Посполитой и Венгрии в конце XVI – начале XVII вв. активизировала ассимиляторские усилия, выразившиеся в попытках подчинить православных русинов господствовавшей римско-католической церкви. 24 апреля 1646 года собравшиеся в часовне Ужгородского замка православные священники заключили унию с Римом. Это событие, вошедшее в историю как Ужгородская уния, положило начало существованию униатской церкви в закарпатском регионе Венгрии, подобно тому, как Брестская уния 1596 г. положила начало униатству на Западной Украине и в Беларуси. В момент заключения Ужгородской унии подавляющее большинство священников и прихожан Мукачевской епархии были этническими русинами. В XIX в. под влиянием усилившихся ассимиляционных процессов культурно-языковой облик и национальный состав Мукачевской епархии начинает меняться. Тысячи грекокатоликов-русинов, проживавших в равнинных областях тогдашней северо-восточной Венгрии, постепенно принимали словацкую или венгерскую национально-языковую идентичность, сохраняя при этом грекокатолическую веру своих предков. К началу XX в. грекокатолическая община Закарпатья приобрела многонациональный облик, поскольку включала не только русинов, но и словаков, а также венгров, которые в основной своей массе были ассимилированными русинами. По данным специалистов, с 1841 по 1890 г. на территории Восточной Словакии 176 русинских сел было словакизировано; 37 сел мадьяризировано и лишь 1 словацкая деревня была русинизирована.[8]

П. Р. Магочий полагает, что грекокатолическая церковь сыграла большую позитивную роль в истории русинского народа, в течение трех с половиной столетий демонстрируя способность эффективно адаптироваться к меняющимся внешним условиям, не теряя при этом своей сути. По словам Магочего, «из всех вариантов христианства, которые играли и продол-

[8] См. Jaromír Korčák. Etnický vývoj československého Potisí // Národnostní obzor, III, Praha 1933, s. 270.

жают играть роль в Карпатской Руси, включая римское католичество, православие и протестантизм ... именно грекокатолическая церковь проявила себя как идеальное воплощение русинской культуры»[9].

Не отрицая колоссального значения грекокатолицизма в духовной жизни русинов и выдающейся роли униатского духовенства в культурном развитии русинского народа, нельзя не обратить внимание на то, что темпы ассимиляции русинов ускорились как раз после принятия унии. Кроме того, в период резко усилившейся мадьяризации во второй половине XIX в. грекокатолическое духовенство все хуже справлялось с задачами защиты языка и культуры русинского народа, что проявлялось в росте интереса к православию и участившимся переходам в православную веру среди русинского населения. Несмотря на достаточно длительную культурно-историческую традицию и приобретенную видимость религиозной самодостаточности, униатство всегда рассматривалось инициировавшей его римскокатолической церковью в качестве утилитарно-второсортного явления – как эффективный инструмент управления коренным восточнославянским населением и одновременно как орудие его постепенной денационализации. Эти тенденции со всей отчетливостью проявились во второй половине XIX в., что выразилось в усилении давления на униатов со стороны римскокатолической церкви, о чем писал такой авторитетный современник, как Иван Франко. Характеризуя непростые взаимоотношения униатов и римских католиков в Восточной Галиции, Франко отмечал в 1884 г., что если русины понимают под унией такое объединение восточной и западной церквей, которое, наряду с единством основных догматов, обеспечивает восточной церкви полную автономию в обрядах, то иезуиты именно в этом усматривают наибольший грех русинского духовенства. Франко констатировал стремление верхушки римскокатолической церкви, для которой уния перестала быть дос-

[9] Magocsi P. R. Adaptace bez asimilace // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 22.

таточной, «привести народ наш от унии к полному латинству и духовенство наше к целибату ... Католицизм ... потребовал бы от русинов отречения от руськой национальной истории с ее «гайдамацкими героями» ... от руськой письменности – «московской гражданки», от руських праздников и, кто знает, может быть и от руського языка.... Латинизация русинов, – подводил итог Франко, – означала бы отречение от руськой народности, их ополячивание»[10]. Что же касается католичества как такового, то Франко откровенно характеризовал его как «заклятого врага славянства, который, возможно, принес ему больше вреда, чем все кровавые войны с мадьярами, немцами и татарами»[11]. Ситуация в Закарпатье была во многом схожей с положением в Галиции; отличие заключалось лишь в том, что если давление римскокатолической церкви на галицких униатов преследовало цель их полонизации, то в Закарпатье речь шла об ускоренной мадьяризации.

Один из лидеров русинского движения в Восточной Словакии в межвоенный период доктор К.П.Мачик, отвечая в 1924 г. на упреки чехов в денационализации и мадьяризации русинской интеллигенции, одну из причин этого явления усматривал именно в том, что униатские священники русинов с самого начала считались «заместителями» римскокатолического духовенства. После 1867 г. с ужесточением мадьяризации униатская церковь была поставлена под прямой надзор католических епископов; употребление русского языка грекокатолическими священниками преследовалось, что способствовало ускоренной денационализации русинской интеллигенции[12]. Большинство грекокатолического духовенства с готовностью играло отведенную ему венгерскими властями роль инструмента денационализации русинского населения.

[10] Франко Іван. Воскресіння чи погребіння // Іван Франко. Публіцистика. Вибрані статті. Київ, 1953. С. 67, 69–70.

[11] Франко Іван. Католицький панславізм // Ук. соч. С. 32.

[12] Народная Газета. 1924, № 1.

Символом русинского мадьяронства стал грекокатолический епископ Иштван Панкович, возглавлявший Мукачевскую епархию в 1867–1874 гг. В полемике с И. Сильваем, одним из представителей национально ориентированной русинской интеллигенции, Панкович заявил, что «поскольку нами управляют мадьяры, мы должны стать мадьярами»[13].

* * *

Будучи составной частью восточнославянского культурно-языкового пространства, закарпатские русины никогда не имели устойчивой традиции пребывания в составе восточнославянских государственных образований и уже на заре своей политической истории оказались в составе Венгерского королевства, образовавшегося после прихода кочевых мадьярских племен на Паннонскую равнину в конце IX века. Географическая изоляция русинов от своих восточнославянских соплеменников (труднопреодолимый в эпоху средневековья Карпатский хребет) дополнилась политической. Подобная изолированность в сочетании с жесткой ассимиляционной политикой венгерских властей постепенно сформировали у русинов потребность в мощном славянском покровителе-единоверце, что стало одной из особенностей русинского менталитета. С формированием славянского самосознания у русинов роль духовного покровителя в их глазах естественным образом приобретает Россия, единственное к началу XIX века мощное и независимое славянское государство.

Глубокое русофильство было характерно уже для первых поколений русинской интеллигенции, положивших начало русинскому национальному возрождению. Основой этого русофильства стала идея о существовании единого и неделимого русского племени от Карпатских гор до Тихого океана, одной из ветвей которого являлись подкарпатские руси-

[13] Цит. по: Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 56.

ны. Появление этой теории среди русинских будителей было закономерно, поскольку сказалась как близость языков, так и схожесть этнонимов, которая указывала на общие корни, уходящие во времена Киевской Руси. Кроме того, определенное значение имело и конфессиональное родство – грекокатолическое духовенство русинов испытывало дискриминацию со стороны господствовавшей римскокатолической церкви и всегда помнило об изначально православном прошлом своих прихожан, тем более, что языком богослужений продолжал оставаться церковнославянский язык. Большую роль в развитии образования и подъеме культурного уровня грекокатолического русинского духовенства в конце XVIII – начале XIX вв. сыграл епископ А. Бачинский. В 1830 г. Михаил Лучкай на основе церковнославянской грамматики написал грамматику славяно-рутенского языка. В 1847 г. Александр Духнович издал карпаторусинский букварь.

В начале XIX в. многие представители русинской интеллигенции учились и работали в России, которую они считали своей родиной. Большой вклад в развитие русской науки и культуры внесли русины по происхождению И. Орлай, бывший директором гимназии Безбородько в Нежине; М. Балудянский, ставший первым ректором Санкт-Петербургского университета; П. Лодий, возглавлявший юридический факультет Санкт-Петербургского университета; известный историк-славист И. Гуца-Венелин, именем которого названа одна из улиц в Софии. Известные русинские будители XIX в. развивали теорию принадлежности русинов к единому русскому племени. Так, самый видный представитель русинского возрождения XIX в. Александр Духнович создал учение о высоком и низком стилях в литературе. К первому Духнович относил современный ему русский литературный язык, пропагандистом которого он выступал, ко второму – местные народные диалекты. Стремясь привить народным массам «правильный», но не совсем понятный для них русский литературный язык, Духнович писал свои произведения так называемым «язычием», т. е. смесью церков-

нославянского и русского литературного языков со значительной долей местных диалектизмов. По сути, этот культурно-лингвистический эксперимент, направленный на распространение среди русинов русской «высокой культуры», которую русинские будители считали своей и которую, по их мнению, нужно было просто «освоить», был началом реализации на практике идеи о принадлежности русинов к единому русскому народу. В то же время, в произведениях, предназначенных для широких народных масс, Духнович прибегал к использованию местных диалектов, хотя идеалом для него оставался русский литературный язык. «Кто из немцев, французов или англичанин пишет так же, как говорит простолюдин? Никто! – утверждал Духнович. – Мы должны освободиться от ошибок крестьянских вульгаризмов и не опускаться в трясину крестьянской фразеологии».[14] Авторитет Духновича и его произведений был настолько велик, что они стали краеугольным камнем формирующейся национальной идеологии русинов, а стихотворение Духновича «Я русин был, есмь и буду, Я родился русином...» было положено на музыку и стало национальным гимном русинов.

«Я русин был, есмь и буду!» – это то решающее слово, которое изрекла на уста ... А.Духновича до дна души израненная Подкарпатская Русь в XIX столетии в свою защиту от мадьяризации тогдашнего режима, – писал один из русинских религиозных деятелей в сборнике, посвященном 120-летнему юбилею самого известного русинского будителя. – Александр Духнович вложил в письменность Подкарпатской Руси народную идею, народную душу. Он положил широкую основу руськой письменности своей педагогической, поэтической и драматургической деятельностью»[15]. По мнению словацкого исследователя Л.Гараксима, ориентация русинов на русскую культуру и принятие ими русского литературного языка было совер-

[14] Ibidem, p. 50.

[15] Др. Д. Нярадій. О. Александръ Духновичъ // В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923. С. 9–11.

шенно естественным явлением в силу «локального характера и неразвитости» украинского языка в XIX веке[16].

Представления Духновича об историческом прошлом русинского народа и о его взаимоотношениях с соседними народами наиболее рельефно отразились в его стихотворении «Русин», где он писал:

О роде мой, роде,
Где твоя подоба,
Кто ввалив тя в ничто?
Кто поверг до гроба?
...
Первые поляки,
Род иногда власный,
Выкоренить хотев
Вас – сам несогласный.
...
Похитила его
Запальчивость ума,
Як бежив злобою
Пышно без розума.

Мадьярам вы были
Всегда ненавистне,
В отечестве власном.
Чужим не известне..[17]

В своем письме в редакцию пражского журнала «Словенин» в 1862 году А.Духнович весьма пессимистично отзывался об исторической судьбе и перспективах русинского народа: «Некогда самостоятельный, по горам карпатским в Венгрии живший и ... еще промыслом Божиим существующий народ русский, тиском соседних племен уничтожен, да и самого человечья права лишен ... Оставило нас высшее сословие, слава пра-

[16] Ludovít Haraksim. Z dejin ukrajincov na vychodnom Slovensku. Martin 1957, s. 20.

[17] В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923. С. 13–14.

дедов наших перешла в чужие страны, и мы сей час остались без руководителей, лишены судьбе и бедности, и уже слава наша без надеждна лежит в темных могилах»[18].

Идеи Александра Духновича были продолжены последующими поколениями русинской интеллигенции. Деятели русинского национального возрождения XIX в. активно использовали русский литературный язык и ориентацию на русскую культуру как эффективное средство противостояния мадьяризации и сохранения национального самосознания. «Наша Угорская Русь, – говорил священник И. Раковский, один из самых известных русинских культурных деятелей середины XIX века, – никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас ... никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка ... Сия мысль столь овладела нашими писателями, что они ... были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении»[19].

Впрочем, прорусская ориентация русинов имела однонаправленный характер, не встречая сколько-нибудь заметного понимания и поддержки в России. Отсутствие взаимности со стороны России в отношении карпатских русинов, входивших в состав Венгрии, неудивительно, поскольку в первой трети XIX в. российские власти не оказывали поддержки даже населению Белоруссии и Правобережной Украины, которое и после вхождения в состав Российской империи продолжало подвергаться дискриминации со стороны польского католического духовенства и польской шляхты. «Мечтательное «полонофильство» Александра I, – отмечает М. Шевченко, – привело к тому, что православный народ Украины и Белоруссии, имевший позади более чем двухсотлетнюю историю борьбы за Православие, перед продолжавшимся прозелитическим нажимом

[18] Цит. по: Францев В. А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С. 7.

[19] Там же. С. 3.

польского католического духовенства и полонизаторскими устремлениями местных ... деятелей просвещения остался ... без должной поддержки государя и правительства Империи, в которой Православная Церковь официально имела статус господствующей»[20]. Ситуация стала меняться только при Николае I, который «в отличие от брата ... изначально рассматривал Западный край не как ареал непременного доминирования польской культуры, а как исторические русские земли – древнее наследие Киевской Руси»[21].

Усиление русофильства среди закарпатских русинов в середине XIX в. было связано и с конкретными событиями. Современники свидетельствовали, что местное славянское население современных Закарпатья и Восточной Словакии восторженно встречало русскую армию под командованием генерала Паскевича, вступившую в пределы Австрийской империи в 1849 г. для подавления венгерского антигабсбургского восстания. На местных русинов произвело ошеломляющее впечатление то, что солдаты самой мощной армии в Европе «по-нашему говорят» и «по-нашему молятся». Все это резко контрастировало с венгерской пропагандой эмиссаров лидера венгерской революции Лайоша Кошута, изображавших русскую армию как неуправляемое полчище свирепых дикарей, одетых в звериные шкуры и сметающих все на своем пути. Сам Александр Духнович вспоминал позднее, что наибольшей радостью в его жизни был момент, когда он в 1849 г. «впервые увидел славную русскую армию. Я не могу описать чувство восторга, которое возникло при виде первого казака на улице Прешова, – вспоминал А.Духнович. – Я плясал и плакал от радости»[22]. Очень теплые воспоминания о пребывании русской армии в Словакии сохранил

[20] Шевченко М. М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. Москва: «Три квадрата», 2003. С. 98.

[21] Там же. С. 101.

[22] Цит. по: Paul R. Magocsi. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey. Wien 1983, p. 25.

и лидер словацкого национального движения Людовит Штур. В своем письме И.И.Срезневскому 15 декабря 1850 г. из Вены Штур писал, что «с радостью лицезрел каждый славянский взор северных братьев на дунайских нивах ... Начали исполняться слова песни «Ехал казак за Дунай». Русские победили мадьяр. Это знает Европа, знает каждый у нас. Русские войска очень хорошо относились к нашему народу ... Особенно бросалась в глаза нашему народу доброта русских воинов, которую они особенно ярко проявляли по отношению к детям. Когда они видели бедного человека, они давали ему все, что имели: хлеб, мясо и водку. Русский народ ушел от нас, благословляемый нами, уважаемый венграми, а офицеры его ушли с ненавистью к немцам»[23].

Позднее представители украинофильского течения среди русинов связывали стремление русинских будителей принять русский литературный язык исключительно с победами русской армии над венгерскими повстанцами в 1849 году. Августин Волошин, один из наиболее влиятельных украинофилов в межвоенной Чехословакии, писал, что «победа русской армии над мадьярскими повстанцами вызвала у подкарпатских русинов желание перейти на русский литературный язык. Но употребление этого языка, весьма отдаленного от народного диалекта, оказалось очень затруднительным и уже в 1870-е годы мы сталкиваемся в журналах с попытками упростить литературный язык путем использования элементов народного языка ... Когда же Россия помогла православным сербам и румынам добиться церковной автономии, а грекокатолических русинов, гораздо более близких России в смысле народности, оставила без поддержки ... русофильство среди русинов пошло на убыль»[24]. Другой видный представитель украинофилов филолог Иван Панькевич среди причин обращения русинов к рус-

[23] Славяне: Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. № 4, Апрель 1944. С. 23.

[24] Augustin Vološin. Počátky národního probuzení na Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě 1936, s. 54.

скому литературному языку помимо русских военных побед называл и «влияние венского кружка во главе с протоиереем русского посольства в Вене Раевским»[25]. Победы русской армии, опыт общения с русскими солдатами, которые «по-нашему говорят» и «по-нашему молятся» и влияние венского кружка действительно способствовали подъему русофильских настроений среди закарпатских русинов. Однако приверженность русинских будителей русскому литературному языку и корни русофильских настроений подкарпатских русинов лежали значительно глубже, что нашло свое выражение еще до событий 1849 года. По справедливому замечанию П. Р. Магочего, «лидеры, возглавившие национальное возрождение во второй половине XIX в., не возникли в вакууме, а являлись продуктами длительной исторической и культурной традиции»[26].

С революционными событиями 1848–1849 гг. в Австрийской империи связаны и первые проявления политической активности галицких и закарпатских русинов, представители которых приняли участие в Славянском съезде, состоявшимся 2–12 июня 1848 г. в Праге. Делегаты русинского населения Галиции, представляя созданную во Львове Главную Русскую Раду (Головну Руську Раду), использовали Славянский съезд как трибуну для выражения своего недовольства галицкими поляками и предлагали разделить Галицию на Восточную (русинскую) и Западную (польскую) части. Предложение галицких русинов не нашло поддержки ни у поляков, ни у чешских делегатов съезда, ни у М. Бакунина, который полагал, что разделение Галиции может быть на руку «реакционной» австрийской бюрократии. Достигнутый на Славянском съезде компромисс между галицкими поляками и русинами предполагал сохранение административного единства Галиции, равенство поляков и русинов

[25] Dr. I. Pankevič. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha 1923, s. 147.

[26] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 21.

в языковых вопросах и предоставление униатскому русинскому духовенству равных прав с римскокатолическим духовенством. Участие в подготовке Славянского съезда приняли и представители закарпатских русинов во главе с Адольфом Добрянским, который, будучи депутатом венгерского парламента, активно боролся за равноправие не только русинского, но и словацкого населения северо-восточной Венгрии. Добрянский и его последователи рассматривали все русинское население Галиции, Буковины и северной Венгрии как единый народ и считали, что русины должны образовать единый административный округ, созданный по национальному принципу и входящий в состав реформированной Австрийской империи. Решения Славянского съезда, который был прерван пражским восстанием, имели скорее декларативное значение и не оказали реального влияния на последующий ход событий в Австрии.

Венгерское революционное движение в Австрийской империи, сразу обнаружившее четкую антиславянскую направленность, вынудило славянские народы Венгрии, вставшие на защиту своих национальных прав от посягательств венгерских революционеров, сделать ставку на австрийские власти, которые остро нуждались в союзниках для подавления венгерского антигабсбургского восстания. Национальные деятели словаков и русинов связывали с Веной и с пришедшей ей на помощь Россией надежды на реализацию своих национально-культурных стремлений. Так, лидер закарпатских русинов Адольф Добрянский принял активное участие в венгерском походе русской армии «в качестве комиссара ... При продвижении русских войск вглубь края Добрянский как комиссар освобождал из тюрем заключенных, назначал должностных лиц в занятых местах из соплеменников ... Русские войска ... приветствовались везде с радостью южнокарпатским населением и славянами Венгрии как освободители и единокровные братья.... Добрянский, присутствуя при капитуляции мадьярских войск у Вилагоша, принимал пленных и оружие сдавшихся. Этот успех русского оружия и поражение врага ... вос-

принималось населением Пряшевщины и южных склонов Карпат как счастливое завершение своей борьбы ... за свободу края»[27].

В это время Адольф Добрянский выступил инициатором плана создания русинской административной единицы в рамках Австрийской империи. Некоторое время казалось, что планы Добрянского начинают воплощаться в жизнь. В 1949 г. австрийские власти образовали ужгородский военный округ, в управлении которым большую роль играли местные русины, а в административной сфере некоторое время использовался русский язык. Хотя ужгородский округ был вскоре упразднен, он создал важный прецедент, к которому русинские общественные деятели обращались во второй половине XIX в., предлагая венгерскому правительству создать карпаторусинскую автономную область. Любопытно, что и впоследствии в гораздо менее благоприятных условиях Добрянский активно отстаивал мысль не только административного объединения всех русинских территорий, но и их возможного обособления от Австро-Венгрии. Так, «в 1878 году накануне русско-турецкой войны Добрянский был вызван, как знаток славянского вопроса, на совещание в Петербург к Александру II, где он выступил с планом обмена между Россией и Австро-Венгрией русской Польши на южное Прикарпатье, а также Галичину и Буковину ... В этом он видел разрешение вопроса о своей родине»[28].

Впрочем, М.С.Грушевский склонен объяснять политические неудачи Добрянского его «ошибочной» внешнеполитической ориентацией. По мнению Грушевского, деятельность Добрянского обещала хорошие результаты, но «все испортило» его русофильство; «он был сторонник единства русского народа и вместо украинского языка (Ruthenische Sprache) вводил русский, распространял русское влияние. Поэтому венгерская ари-

[27] Геровский Г. Историческое прошлое Пряшевщины // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 86.

[28] Там же. С. 91.

стократия, снова приобретя влияние в государственных делах, под впечатлением русской оккупации ... прежде всего обратилась против Добрянского. Скоро его отстранили от всего, и все, что отзывалось русофильством в украинских землях, окружено было самым подозрительным надзором»[29].

После подавления венгерской революции с помощью русской армии Вена не спешила выполнять свои обещания лидерам славянских национальных движений Венгрии. Разочарование и пессимизм венгерских славян политикой австрийских властей ярко выразил словак Людевит Штур. В своем письме И.И.Срезневскому 21 января 1851 г. Штур сообщал о трудностях словацкого национального движения после подавления венгерской революции: «До сих пор мы кое-как жили под мадьярским ярмом ... Теперь же, при немецком режиме, мы лишены всего и прозябаем ... Немцы обещали нам после победоносной борьбы национальное равноправие. Мадьяры поражены, но равноправие наше выглядит как насмешка. Вместо господствовавшего до сих пор мадьярского языка у нас сейчас равноправны все языки, только не словацкий ... В судах господствует ... мадьярский язык, в административной жизни – только немецкий ... Словацкие деятели устранены от власти, унижены, преследуются ... При этих обстоятельствах словацкий дух и дух братских племен ... поддерживается надеждой, что они вырвутся из состояния упадка. Уже во многих южнославянских газетах предлагался в качестве общего языка в одних газетах русский язык, а в других старославянский, – сообщал Штур. – Нашим старым догматом остается: с кем Бог, с тем и святые. А нам кажется, что Бог со святою Россией. В одном из наших церковно-католических журналов «Кирилл и Мефодий», издаваемом католическим священником Яном Поляриком ... на православную церковь указывалось как на единственное средство для объединения католических и протестантских славян. За это ... автора заперли в монастырь к монахам ордена Фран-

[29] Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. Москва, 2001. С. 501.

циска»[30]. Положение русинского населения в рамках венгерского государства было еще более тяжелым, чем положение словаков.

* * *

Мощные прорусские настроения среди русинов выделялись даже на фоне общей русофилии, свойственной в то время всем славянским народам Австрийской империи за исключением поляков. Примерно в это время часть галицкой интеллигенции во Львове начинает активную работу по кодификации и созданию независимого от русского отдельного украинского литературного языка на основе местных восточногалицких диалектов. Примечательно, что Духнович, Добрянский, Павлович и другие деятели закарпатских русинов крайне отрицательно отнеслись к попыткам создания украинского литературного языка, восприняв это как опасный сепаратизм. В своем письме галичанам в 1863 г. Духнович осудил украинскую ориентацию и выразил удивление над тем, как «чистый русский язык» галичан «мог превратиться в украинский»[31]. Отсюда, пожалуй, и можно вести отсчет началу существования двух различных национальных идеологий – украинской, которая, опираясь на поддержку австрийских властей, постепенно побеждала в Галиции, и русинской, по-прежнему преобладавшей в Закарпатье и сохранявшей верность идее общерусского единства и русскому литературному языку. С этого времени окончательно разошлись пути закарпатских и галицких русинов, единого ранее этноса, раскол которого был следствием разных культурно-политических условий, предопределивших различные векторы развития. Если Галиция со Львовом входила в австрий-

[30] Славяне^ Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. № 4. Апрель 1944. С. 23.

[31] Ludovit Haraksim. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867, s. 182.

скую часть империи Габсбургов, то земли, населенные закарпатскими русинами, входили в венгерскую часть Австро-Венгрии, которая обладала значительной автономией во внутренней политике. Поддержка галицких украинофилов со стороны австрийских властей сыграла существенную роль в их окончательной победе над местными москвофилами, которые отстаивали те же идеи, что и представители закарпатских русинов.

Впрочем, ни галицкие народовцы-украинофилы, ни их оппоненты-москвофилы долгое время не могли похвастаться особыми успехами в достижении декларируемых ими целей. В 1878 г. Иван Франко иронично замечал, что «галицкие народовцы уже давно кричат о независимости малорусского языка, но до сих пор для подтверждения этой независимости не издали ни словаря, ни грамматики»[32]. Не менее критично отзывался Франко и о галицких москвофилах, которые, «хотя издавна кричат о единстве «русского» языка и о необходимости введения великорусского литературного языка ... сами до сих пор не умеют говорить по-великорусски, не знают абсолютно никого из ведущих великорусских писателей ... а пишут таким языком, которого никто в мире не слыхал и который сами великорусы должны переводить на великорусский»[33]. Литературные попытки галицких москвофилов писать по-русски не встретили особого понимания и в самой России. Известный славист и литературовед А.Н.Пыпин отвергал «искусственный язык галицко-русских писателей», который он характеризовал как «нечто обоюдное, не выясненное, колеблющееся между двумя разными элементами ... Пыпин находил, что язык той части галицко-русских писателей, которые желают писать на русском литературном языке, напоминает скорее язык Ломоносова, Сумарокова и других писателей XVIII века, чем язык Пушкина или Тургенева ... К сожалению, – отмечал позднее В.А.Францев, – он

[32] Франко Іван. Критичні письма про галицьку інтелігенцію // Іван Франко. Публіцистика. Вибрані статті. С. 3.

[33] Там же. С. 3–4.

не оценил по справедливости этих усилий писать по-русски, сблизиться с русскою литературою, он ... не пожелал признать, что тут важнее сама идея сближения ... чем несовершенное осуществление этой мысли на практике»[34].

Добрым словом о позиции российских интеллигентов-прогрессистов отзывался М.С. Грушевский, писавший, что «прогрессивные представители русского общества в целом ряде вопросов почувствовали себя союзниками и единомышленниками украинцев и ... не раз выступали в защиту украинских нужд. Так, петербургский комитет грамотности в 1862 г. обратился к правительству с ходатайством о введении в народные школы Украины преподавания на украинском языке ... Русские писатели, – с удовлетворением замечал Грушевский, – даже галицким сторонникам книжного славяно-русского языка давали советы бросить мертвый язык и держаться живого народного украинского языка».[35]

Со временем украинская ориентация в Галиции усиливалась, что способствовало увеличению культурного разрыва между галицкими и закарпатскими русинами. Так, попытки украинских культурных деятелей В. Гнатюка и М. Драгоманова установить в конце XIX в. контакты с «братьями» к югу от Карпат окончились разочаровывающим для них конфузом. Украинские активисты жаловались на резко отрицательное отношение к ним со стороны закарпатских русинов[36].

Различные технологии этнической инженерии в Галиции, призванные трансформировать русинскую идентичность, отождествлявшую себя с Россией и пользовавшуюся русским этимологическим письмом, и привить населению новую антироссийскую идентичность начинают активно применяться австрийскими властями и местными польскими политиками

[34] Францев В.А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. С. 2.

[35] Грушевский М.С. Ук. соч. С. 504.

[36] См. Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 60–63.

с середины XIX века. В 1852 г. австрийский император Франц Иосиф II приказал отвечать на обращения галицких русинов в органы власти на местном диалекте латинскими буквами. В 1859 г. чешский ученый и политик Й. Йиречек выступил с инициативой переориентации галицких русинов с церковнославянского и русского языков на латинскую графику, что, по мнению Йиречека, способствовало бы отрыву галицких русинов от церковнославянской культурной традиции и развитию особой идентичности населения Восточной Галиции. Проект Йиречека был поддержан влиятельным наместником Галиции графом А. Голуховским и министром просвещения графом Л. Туном. План латинизации русинского населения закончился тогда полным провалом из-за энергичного сопротивления галицко-русинских общественных деятелей, справедливо воспринявших инициативу австро-польских властей как «польскую интригу» и «покушение на руську народность и тысячелетнюю культурную традицию». Неудачей закончилась и предпринятая сразу после этого попытка реформы местной кириллицы, из которой власти намеревались убрать несколько букв, в том числе «ъ»[37]. В результате противодействия галицко-русинской интеллигенции эта реформа была отменена в 1861 г.

Закарпатские русины следили за перипетиями языковой борьбы в соседней Галиции и за австрийской политикой искоренения русского литературного языка и русского самосознания у галицких русинов с тревогой и беспокойством, осознавая, что это означает непосредственную угрозу и для них самих. «В исходе 1850-х годов ... злейшим гением для Галичско-русской братии нашей был гр. Агенор Голуховский, наместник Галичины, а в 1859 году министр внутренних дел Австрии. У него зародилась роковая мысль уничтожить кириллицу у австрийских русских ... и завести латинское а-бе-цадло, – писал в своих «Воспоминаниях» А. Ф. Кралицкий, известный беллетрист и публи-

[37] См. В. Сімович. Йозеф Їречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933.

цист Угорской Руси второй половины XIX века, печатавшийся в закарпатских и галицких периодических изданиях. – Не будь тогда в Галичине таких народолюбивых мужей, какими были Яхимович, Куземский, Головацкий, Петрушевич и др., это легко удалось бы полякам ... Коноводом всей этой мнимой реформы был чех Йиречек. Быть может, заметит кто-нибудь: ведь это не касается нас, закарпатских русских. Ничуть нет. Душевную пищу тогда получали мы из Галичины. Газету, книги оттуда получали. Стало быть, уничтожится кириллица в соседстве, повлекла бы она пропажу ее и у нас»[38].

Русинская общественность Угорской Руси активно выступала против аналогичных планов мадьярских властей и мадьяронов ввести латинскую графику в письменность закарпатских русинов. Подобные планы возникали во второй половине XIX века, когда после трансформации Австрии в Австро-Венгрию в 1867 году политика мадьяризации славянских народов Венгрии резко усилилась. В своей острой полемической статье «Неужели писати нам абецадлом» известный поэт и публицист Угорской Руси второй половины XIX века Ю.И. Ставровский-Попрадов вопрошал: «Неужели мы иначе не можем преуспевать в культуре, но только так, если изменим сами себе? ... Если вместо своей совершенной и языку нашему как нельзя лучше соответствующей кирилловской азбуки примем языку нашему несоответствующие латинские знаки ... Если бы абецадло годилось для нашего языка, святые Кирилл и Мефодий ... не искали бы новых письмен для славянского языка, – замечал Ставровский-Попрадов и подводил итог. – Кирилловские буквы, нам ... родные, переменить на чужие – значило бы изменить себе»[39].

Политика австрийских властей, направленная на культурное отчуждение русинов от России и русского литературного

[38] Кралицкий А.Ф. Воспоминания // Пряшевщина: Историко-литературный сборник. С. 195–196.

[39] Ставровский-Попрадов Ю.И. Неужели писати нам абецадлом? // Пряшевщина: Историко-литературный сборник. С. 198.

языка, находила свое выражение в открытой дискриминации тех русинских печатных изданий, которые пытались отстаивать идею единого русского литературного языка для всех русинов. Так, литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е годы, подвергалась давлению австрийских властей за «чрезмерное использование московских слов»[40]. «Церковная Газета», издававшаяся общественным и культурным деятелем закарпатских русинов И. Раковским на литературном русском языке с 1856 года, была вскоре приостановлена, а затем закрыта австрийскими властями. В письме Я. Головацкому 1 июня 1858 г. Раковский так объяснял причины приостановки «Церковной Газеты»: «Декретом здешнего Генерального Губернаторства, мною 9 мая полученным, мне приказано было пользоваться малорусским, а не великорусским языком при издании ее, под опасением немедленного прекращения концессии и конфискации первого номера, который выйдет после сего запрещения на великорусском языке»[41]. Поскольку Раковский и после вынесенного ему предупреждения пытался прибегать к русскому литературному языку, судьба его издания была предрешена. Объясняя причины закрытия властями своего издания, Раковский в декабре 1858 года писал, что «Церковный Вестник» (*так после приостановки была переименована «Церковная Газета» – К. Ш.*) «в глазах правительства ... становился колючим тернием ... угрожающим безопасности государства. Не находя в содержании его ничего против законов, оно заблагорассудило отрешить меня от должности единственно на том основании, что я, несмотря на сделанный мне уже по сему предмету выговор, продолжаю пользоваться русским языком»[42]. Впрочем, борьба с русским печатным словом в Австрии имела длительную и устойчивую

[40] Францев В.А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. С. 23.

[41] Там же. С. 23

[42] Там же. С. 49.

традицию. Так, еще в 1727 году, опасаясь, что русская православная литература может представлять «идеологическую угрозу» для австрийских русинов, австрийские власти запретили приобретение печатной продукции в России без специального разрешения, хотя собственных кириллических типографий в Австрии в то время не существовало и книги из Российской империи продолжали ввозиться контрабандой[43].

С изобретением украинской фонетической письменности Пантелеймоном Кулишом (так наз. «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австропольские этнокультурные технологи в Галиции получили новое эффективное орудие воздействия на самосознание местного населения. Если в Российской империи развитию украинской фонетической письменности ставились серьезные преграды («запреты украинского языка» в 1863 и 1876 гг. русскими властями[44] были в первую очередь запретами не столько украинского языка как такового, сколько запретами фонетического

[43] См. Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 28.

[44] Стремление российских властей гомогенизировать родственные восточнославянские диалекты, подведя их под общий знаменатель русского литературного языка, было схоже с аналогичной политикой французских властей, насаждавших литературный французский язык и искоренявших многочисленные диалекты (patois). В отличие от России, во Франции, где власти действовали более продуманно, решительно и последовательно, эти попытки увенчались успехом. По словам А. Миллера, «трактуя украинский так же, как французы трактовали patois, а это естественная позиция для сторонников концепции триединой русской нации, российские власти запрещали использование украинского в администрации, школе ... в чем совершенно не отличались от властей французских. Иначе говоря, преследования украинского языка в Российской империи выделяются своей жестокостью только на фоне отношения ... российских властей к языкам других народов империи, но не на фоне французского опыта. Система наказаний и издевательств, которым подвергались во французской школе ученики, сказавшие хоть слово на patois, повергла бы в ужас ... российских преподавателей». См.: Миллер А. Россия и Украина в XIX – начале XX вв.: непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. Выпуск 1. Москва, 1997. С. 78.

правописания), то австрийские власти активно способствовали распространению «кулишивки» в Галиции. В 1892 г. при поддержке польских политиков Крайова школьная рада Галиции приняла решение о введении украинского фонетического письма («кулишивки») в систему местного образования. Это решение вызвало волну недовольства среди преобладавших тогда в Галиции москвофилов. Помимо москвофильких культурных обществ в кампании протеста приняли участие и многочисленные галицкие сельские общины. Вопреки массовым протестам русинского населения, украинское фонетическое правописание было не только оставлено в учебных заведениях Галиции, но и введено на территории Буковины. По мере того, как выпускники галицких школ, воспитанные на украинском фонетическом алфавите, вступали в общественную жизнь, сфера русского этимологического письма сужалась за счет расширения сферы украинского. По мнению современных галицко-украинских исследователей, именно благодаря новому поколению, воспитанному на «фонетике», некогда полностью русофильская Галиция превратилась в «украинский Пьемонт»[45]. Любопытно, что к методам этноязыковой инженерии в славянском культурном пространстве активно прибегал и Берлин. Так, в протекторате Богемия и Моравия, образованном Гитлером после окончательной оккупации Чехии в марте 1939 года, немецкие власти активно поддерживали этническую и культурно-языковую неоднородность населения и поощряли региональные моравские диалекты[46] с целью ослабить влияние чешского литературного языка и нарушить чешское национальное самосознание.

В своей интерпретации древнегреческого мифа о царе Кадме, посеявшем зубы дракона, из которых впоследствии выросли воины, канадский социолог М.Маклюэн сравнивал

[45] См. Чорновол І. Польсько-українська угода 1890–1894 рр. Львів, 2000.

[46] См. František Mezihorák. Hry o Moravu. Separatisté, iredentisté a kolaboranti 1938–1945. Praha 1997.

зубы дракона с буквами фонетического алфавита, который, сменив доалфавитное письмо, по мнению Маклюэна, способствовал становлению новых форм общественного устройства. Здесь более чем очевидна аналогия с украинским фонетическим алфавитом, также выступившим в роли своего рода «зубов дракона», которые очень быстро дали всходы в виде воинов. Впрочем, стараниями опытных садовников, присматривающих за всходами в своем саду, эти воины никогда не представляли собой самостоятельную и самодостаточную силу, выступая лишь в подчиненной роли пушечного мяса в венских и берлинских внешнеполитических проектах, а форма этих воинов варьировалась от мундиров галицких сичевых стрельцов до военнослужащих дивизии СС «Галичина».

Борьба между украинофилами и москвофилами в Галиции и Буковине за влияние на местное население имела ярко выраженный пропагандистско-публицистический уклон. Множество недорогих печатных изданий в простой и доступной широким массам форме тиражировали требуемые идеи, втолковывая разницу между «русскими» и «руськими» и формируя тем самым новые мыслительные и поведенческие стереотипы. «Наши люди все хорошо знают, что Русин – это одно, а Москаль – что-то другое. Однако же Москали также называют себя «русскими» и чтобы отличаться от нашего «руського» пишут два «с» ... Наши кацапы хвалят Москалей и говорят, что Москали – это настоящий «русский» народ и что мы должны принять их язык, ибо московский язык хороший, а наш – только «российское наречие», – обрушивались на местных москвофилов авторы брошюры «Русины а Москали», изданной в 1911 г. в Черновцах. – Это утверждение кацапов – неправда»[47]. Здесь же было опубликовано повествование о поездке в Киев двух галичан, которые делились своими крайне неблагоприятными впечатлениями от России, жалуясь на бюрократический произвол,

[47] Русини а Москалї. Видавництво полїтичного товариства «Руска Рада». Чернівцї, 1911. С. 3.

взяточничество и на проблемы с устройством в киевские гостиницы, которые не хотели селить у себя австрийских подданных без полицейского разрешения. Разочарование от знакомства с российскими реалиями так повлияло на одного из героев очерка, что он «изменился и стал убежденным противником москвофильства»[48].

По мнению исследователей, при ином складывании внешнеполитической ситуации в Восточной Европе вектор этнокультурного развития галицких русинов мог приобрести совершенно другую направленность. «Определенно можно сказать, что Вена разрабатывала планы использования галицийских русинов в борьбе с панславистской пропагандой Петербурга и что в некоторых случаях эти планы обсуждались и координировались с поляками, – отмечает А. Миллер. – Д.-П. Химка, наиболее авторитетный из современных специалистов по истории Галиции, вообще считает, что, если бы Россия получила Восточную Галицию после Венского конгресса или даже оккупировала ее в 1878 г. в ходе Балканского кризиса, «украинская игра была бы закончена не только в Галиции, но и в надднепрянской Украине»[49].

Создание украинского литературного языка на основе фонетики имело очень важные последствия для всего восточнославянского культурного пространства. Касаясь взаимоотношений русского литературного языка и украинского языка, Н. Трубецкой замечал, что русский литературный язык возник в результате естественного и органичного симбиоза церковнославянского языка и местных восточнославянских диалектов, подчеркивая при этом исключительно большую роль киевских ученых в формировании русского литературного языка и русской культуры в целом. По словам Трубецкого, представители

[48] Там же. С. 81.

[49] Миллер А. Россия и Украина в XIX —начале XX вв.: непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. Выпуск 1. Москва, 1997. С. 76–77.

«всех основных восточнославянских диалектов приняли участие в развитии общерусского литературного языка ... который в своей церковнославянской части в большей степени принадлежит к украинской сфере, чем к великорусской»[50].

Становление современного украинского литературного языка во второй половине XIX в., наоборот, основывалось на полном отказе от церковнославянской традиции, что одновременно означало разрыв со всем ранее накопленным культурным наследием, тесно связанным с церковнославянским языком. «Украинская интеллигенция ... порвала с церковнославянской культурной традицией и стала создавать литературный язык, полностью основанный на народных диалектах и как можно меньше напоминающий русский язык, – писал Н. Трубецкой. –... Связь с длительной литературной традицией дает значительные преимущества русскому языку. Прежде всего это внешняя единообразность, постоянство и стабильность, основанные на длительной устоявшейся традиции и не зависящие от народных диалектов. Это становится очевидным при сравнении с теми языками, которые не имеют подобных традиций и развились из разговорных диалектов. В еще большей степени это касается литературного украинского языка, где нестабильность столь велика, а различия столь важны, что под общим названием украинского языка практически существует несколько языков, сильно отличающихся друг от друга, – галицийский, буковинский, карпаторусский, восточноукраинский»[51].

Одна из важных причин этнокультурной фрагментации и сепаратизма, характерных для современной Украины и создающих серьезные преграды в создании украинской «высокой культуры», заключается именно в этих особенностях и принципах создания современного украинского литературного языка. Похожие принципы сейчас воспроизводятся представителями альтернативных этнокультурных движений, бросаю-

[50] Trubetzkoy N. The Common Slavic Element in Russian Culture, p. 24.

[51] Ibidem, p. 29.

щих вызов «украинской идее» и выступающих по отношению к ней в роли своеобразного «исторического бумеранга». Сделав упор на важности разговорных диалектов в процессе языкового строительства, современные этнокультурные движения следуют той самой логике, которой в свое время пользовались их украинские предшественники, отстаивавшие право на собственный литературный язык. Вызов, брошенный украинскому языку со стороны русинского и полесского движений, выглядит так же естественно и логично, как и аналогичные шаги, предпринятые деятелями украинского национального движения в XIX в., которые похожим образом бросали в то время вызов русскому литературному языку.

К началу Первой мировой войны проавстрийская украинская ориентация в Восточной Галиции уже пустила достаточно глубокие корни. Мощная волна верноподданических манифестаций, прокатившаяся в Австро-Венгрии в поддержку правящей династии в конце июля 1914 г., затронула не только собственно австрийские и венгерские земли, но и славянские народы дунайской монархии, включая галицких русинов. Вечером 30 июля 1914 г. во Львове толпа местных русинов «двинулась к городской площади, распевая патриотические песни. Оркестр исполнял гимн австрийских народов и марш Радецкого; народ пел гимн с обнаженной головой ... Вышедший на балкон наместник поблагодарил манифестантов за их лояльность, на что народ ответил громогласным: «Да здравствует Австрия! Да здравствует наш император!»[52] Переполненные пламенным австрийским патриотизмом львовяне вряд ли предполагали в то время, что уже через несколько месяцев Галиция будет занята русской армией. Однако связанные с этим мрачные ожидания галичан не оправдались. Чешские газеты со ссылкой на жителей западной Галиции сообщали о в целом корректном поведении русской армии. Так, заняв город Санок, «русские не жгли и не грабили ... не было проявлений какого-либо явно-

[52] Čas. 1.08.1914. číslo 213.

го насилия ... Впрочем, не обошлось без некоторых связанных с казаками инцидентов, за что их виновники были отстеганы нагайками ... В деревнях русские реквизировали скот и зерно, но в большинстве случаев за это платили»[53].

Разница между русинами и украинцами Восточной Галиции проявилась в их отношении к русской армии, которая с осени 1914 до весны 1915 г. занимала австро-венгерские территории, населенные русинами. Если австрийские воинские части, сформированные из украинских «сичевых стрельцов» Галиции, оказывали русским войскам наиболее ожесточенное сопротивление, то после преодоления Карпат части русской армии встретили доброжелательное отношение закарпатских русинов, которые не только помогали русским продовольствием, но и добровольно вступали в русскую армию. Весьма сочувственное отношение русская армия встретила и со стороны русинов-лемков Западной Галиции, населявших территории к Западу от реки Сан. После отступления русской армии русины-лемки подверглись массовым преследованиям со стороны австрийских властей. Главной жертвой преследований стала русинская русофильская интеллигенция, представители которой были брошены в австрийские концлагеря Талергоф и Терезин. В результате массовых репрессий со стороны австро-венгерских властей погибли тысячи русинов-лемков.

* * *

После трансформации Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 г. политика мадьяризации славянских народов Венгрии резко усиливается. Юридической основой для ужесточения ассимиляционной политики венгерских властей стал принятый в 1868 г. в Венгрии закон номер XLIV, провозглашавший, что все граждане Венгрии составляют единую и неделимую венгерскую нацию. Признание существования в Венг-

[53] Lidové Noviny. 26.10.1914. číslo 296.

рии только венгерской нации исключало юридические основания для создания каких-либо организаций национальных меньшинств. Печальные результаты последовательной политики денационализации славянских народов Венгрии сказались к концу XIX – началу XX веков. Если в 1874 г. на территории Восточной Словакии (венгерские области Спиш, Шариш и Земплин) существовало 237 начальные школы, использовавшие русинский язык в обучении, то к 1906 г. число таких школ упало до 23. С начала XX века политика мадьяризации приобрела еще более агрессивные формы, затронув прежде всего сферу образования. Так, обучение русинскому языку в начальных школах ограничивалось лишь общим знакомством с кириллицей и чтением церковных книг. «В конце XIX столетия ... на южных склонах Карпат умирало всякое проявление национальной жизни. Выходившие тут русские газеты прекращались одна за другой ... – писал русинский исследователь Г. Геровский. – Мрачная картина удушения была завершена школьным законом графа Аппоньи 1907 года, когда обучение на мадьярском языке было предписано даже для церковно-приходских школ».[54]

Перед началом Первой мировой войны началась кампания по изменению славянских названий русинских населенных пунктов в Закарпатье на чисто венгерские. Наряду с политикой мадьяризации венгерские власти предпринимали усилия для ослабления традиционно сильных русофильских настроений среди русинского населения. С этой целью всячески пропагандировалась идея особности русинов как отдельного народа, не имеющего ничего общего с русскими. Для борьбы с влиянием церковнославянского и русского литературного языков в 1880 г. при поддержке Будапешта был издан русинско-венгерский словарь профессора Л. Чопея, который также являлся автором школьных пособий, написанных исключительно

[54] Геровский Г. Историческое прошлое Пряшевщины // Пряшевщина: Историко-литературный сборник. С. 91.

на местных русинских диалектах. На рубеже XIX – XX вв. в творчестве некоторых представителей нового поколения русинских литераторов, среди которых были Е. Сабов, А. Волошин, Ю. Жаткович и др., начинает проявляться некоторое дистанцирование от русофильских традиций своих предшественников и большая ориентация на местные разговорные диалекты и фольклор, что являлось предвестником будущих языковых споров. Однако вследствие усиления мадьяризации русинская культурная жизнь едва теплилась и новые тенденции в литературе оставались в зачаточном состоянии.

Со второй половины XIX в. вплоть до конца Первой мировой войны русинское национальное движение было практически заморожено. Особенно сильно в это время мадьяризация затронула русинскую и словацкую интеллигенцию. К концу XIX – началу XX вв. угроза полной ассимиляции не только русинов, но и словаков становится вполне реальной. «Истреблением церковнославянского языка надеялись стереть память о русском происхождении народа ... Мадьярское господство основывалось в нашем краю на двух началах – алкоголь и невежество»[55], – вспоминал в 1925 г. один из активистов русинского движения в Восточной Словакии.

Резкое усиление национального гнета в сочетании с тяжелыми социально-экономическими условиями привели к массовой эмиграции закарпатских русинов в Северную Америку. В период с 1894 до 1914 г. «эмиграция из Угорской Руси и галицкой Лемковины в Америку приняла массовый характер. Голод гнал безземельную и безработную молодежь из бедных крестьянских хат в Карпатах за океан – в богатую Америку. За это двадцатилетие, – отмечал представитель карпаторусской эмиграции в США, – из многих сел галицкой Лемковины и западных областей Угорской Руси (Пряшевщины) переселилось в Америку до 50% всех жителей. Первые карпаторусские эмигранты перенесли в Америке очень трудные условия жизни.

[55] Народная Газета. 1925, № 10.

Не владея английским языком ... они могли получить только самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Но по сравнению с голодным существованием дома, под произволом венгерских и австрийских властей, жизнь в Америке представлялась им прямо благодатью»[56].

Формой протеста против политики венгерских властей стало все более частое обращение русинов к православию, что жестоко преследовалось официальным Будапештом. Один из наиболее крупных и скандальных антирусинских политических процессов в Венгрии состоялся в 1913 г. в Мармарош-Сигете, где 98 русинским крестьянам было предъявлено обвинение в стремлении отделить Угорскую Русь от Венгрии в сотрудничестве с православной церковью и Россией. 32 человека на основании этого надуманного обвинения было осуждено к многолетнему тюремному заключению и крупным денежным штрафам. Авторы «Меморандума Русского конгресса в Америке», созванного «Союзом Освобождения Прикарпатской Руси» в июле 1917 г., писали, что «не лишь за политические стремления и народные идеи, но и за религиозные убеждения русский народ в Прикарпатье подвергался жестоким преследованиям. Крестьяне в Угорской Руси, за нежелание остаться при унии и папизме, были приговорены в Мармарош-Сигете к долгим годам тюрьмы»[57].

Новый виток преследований и террора австро-венгерских властей по отношению к русинскому населению наступил во время Первой мировой войны. Летом 1915 г. венгерское правительство создало специальную комиссию грекокатоликов, призванную внести изменения в церковную литературу, ввести грегорианский календарь и заменить кириллический алфавит латиницей. Хотя эти попытки потерпели неудачу, мадьяронские иерархи грекокатолической церкви, включая главу

[56] Кичура С. Карпаторусская эмиграция в США // Славяне: Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. № 4, апрель 1943. С. 25.

[57] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 514.

прешовской епархии епископа И. Новака и главу мукачевской епархии епископа А. Паппа, по собственной инициативе стали заменять кириллицу венгерской латиницей в школах и в церковной прессе[58].

В наибольшей степени репрессии затронули русинскую интеллигенцию и духовенство, которые подозревались австровенгерскими властями в русофильских настроениях и политической неблагонадежности. Во второй половине 1914–1915 гг. австрийские военные власти депортировали почти всю интеллигенцию русинов-лемков в концентрационный лагерь Талергоф неподалеку от Граца. «Как только Австро-Венгрия объявила войну России, – сообщали летом 1917 года североамериканские русинские деятели – авторы «Меморандума Русского Конгресса в Америке», – более 30.000 русских людей (австрийских подданных) в Галичине, Буковине и Угорской Руси были арестованы, избиты австрийскими жандармами, полицией и войском, подвержены неописуемым мучениям и заключены в ... концентрационные лагеря, военные тюрьмы и крепости: Талергоф, Терезиенштадт, Куфштейн, Шпильберг, Арад, Вена, Линц и другие. В одном лишь Талергофе, в продолжение нескольких недель, их умерло 1.500 человек от побоев, болезней и голода ... Над мирным русским населением в Прикарпатской Руси ... немцы и мадьяры издевались таким нечеловеческим образом и сделали над ним столько насилий и зверств, что они ни в чем не уступают зверствам турок в Армении ... Лишь за первые девять месяцев войны немцы и мадьяры расстреляли и повесили в Галичине, Буковине и Угорской Руси 20.000 людей. Сколько русского народа перевешали они во время своего наступления в 1915 и вообще в продолжение 1915, 1916 и 1917 годов, не поддается никакому исчислению. Мы, карпатоpуссы, – заключали представители американских русинов, – сознаем, что под австро-мадьярским игом нашему народу угрожает поголовное истребление ... Наша родина, Прикарпатская Русь, будет свободной лишь тогда,

[58] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 72.

если вся она, в ее этнографических границах, будет освобождена от немцев и мадьяр и будет находиться под протекторатом России или же совершенно будет воссоединена с великой, демократической Россией»[59].

Массовые репрессии против русинского населения, осуществлявшиеся в крайне жестоких формах, позволяют говорит о том, что антирусинская политика австро-венгерских властей с началом Первой мировой войны начала приобретать формы геноцида. Главной жертвой австро-венгерского террора стала русофильская часть русинского общества, которая в результате широкомасштабных репрессий была сильно ослаблена, а в Восточной Галиции даже перестала существовать как культурный слой, что облегчило окончательную победу поддерживаемых Веной украинофилов. Трагический опыт массового преследования русинского населения австро-венгерскими властями во время Первой мировой войны вызвал рост антиавстрийских и антивенгерских настроений среди русинов и радикализировал русинских политиков, которые все чаще связывали политическое будущее русинского народа с выходом из состава Австро-Венгрии. Неблагоприятный для Центральных держав ход Первой мировой войны создавал питательную почву для подобного рода настроений. Инициативу радикального решения русинского вопроса взяли на себя влиятельные политические организации американских русинов, которые, в отличие от своих соотечественников в Австро-Венгрии, имели возможности для активной политической деятельности.

[59] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 515–516.

Глава 2
Случайность или закономерность?

ВХОЖДЕНИЕ РУСИНОВ В СОСТАВ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1918–1919 ГГ.

«Весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и ... воссоединения ... Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией ... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси Подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь».

(Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 517–518).

«Мы ... чувствуем и сознаем себя ... гражданами единого, великого Русского Государства, не признаем на нашей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти».

(Меморандум Народного Совета Русского Прикарпатья. 26 декабря 1918 года, город Санок // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 530).

Независимая Чехословакия, возникшая 28 октября 1918 г. на обломках австро-венгерской империи, была скорее результатом благоприятного для чешских политиков стечения внешнеполитических обстоятельств, прежде всего поражения Германии и Австро-Венгрии в войне и благосклонности Антанты, чем итогом последовательной

и целенаправленной национально-освободительной борьбы. По словам Ф. Пероутки, «элемент радикализма стал проникать в чешскую политику только тогда, когда это позволила конъюнктура. До тех пор, пока сохранялась возможность победы Австро-Венгрии, оппортунизм чешской политики был неистребимым явлением»[1].

Несмотря на критику и колкости в адрес Австро-Венгрии, чехи были одним из самых лояльных народов империи Габсбургов. Дилемма между чешскими национальными чувствами и служением Вене и габсбургской династии зачастую решалась чешским чиновничеством по формуле гашековского героя поручика Лукаша: «Останемся чехами, но никто не должен об этом знать». До Первой мировой войны «все влиятельные политические силы в Чехии рассматривали Австро-Венгрию как весьма удобное государственное образование для достижения своих политических, социально-экономических и культурных целей ... В отличие от немцев, югославов, румын и итальянцев, чехи не были охвачены влиянием объединительного движения собственного национального большинства, образовавшего свое собственное государство за пределами Австро-Венгрии. Как финансово-промышленные круги, так и социал-демократы ... считали Австро-Венгрию экономически жизнеспособным и выгодным государственным образованием, в рамках которого ... было возможно достижение прогресса»[2].

Именно поэтому большинству чехов была чужда мысль о возможности краха Австро-Венгрии, а радикализм чешских политиков отличался «умеренностью и аккуратностью», ограничиваясь лишь планами демократизации и федерализации дунайской монархии. 13 июля 1914 г. чешская пресса

[1] Ferdinand Peroutka. Budování státu 1918–1923. Nakladatelství Lidové noviny 1998, s. 17.

[2] Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. V Praze 1993, s. 3.

в качестве курьеза упомянула опубликованное одной сербской газетой предсказание о гибели австро-венгерской империи в 1917 году[3]. Между тем, показавшееся тогда чехам фантастическим пророчество ошиблось лишь на один год в предсказании судьбы империи Габсбургов, которая исчезла с политической карты Европы в 1918 году.

В роли «отца чехословацкой независимости» Пероутка усматривал «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери – «распад австро-венгерской империи»[4]. Активное отцовское начало в виде «стремления к свободе» очень долго – вплоть до последнего года Первой мировой войны – проявляло себя в основном за рубежом в дипломатической деятельности Масарика и Бенеша, в то время как в самой Чехии подавляющее большинство политиков занимало пассивно-выжидательную и предельно расчетливую позицию, отваживаясь лишь на то, что позволяла делать без особого риска для собственного благополучия складывающаяся обстановка. Облик, характер и границы чехословацкого государства определялись в кабинетах министров государств Антанты и зависели как от их расположения, так и от дипломатических талантов и политической интуиции Масарика и его окружения и от их способности находить общий язык с западными лидерами, оказываясь в нужное время в нужном месте. Благодаря установлению эффективной коммуникации с руководством Антанты и дипломатическим талантам Масарика и Бенеша чехословацкое государство возникло сначала на бумаге и лишь существенно позднее – в реальности. Так, чехословацкий Национальный Совет в Париже объявил себя правительством независимого чехословацкого государства и был признан Антантой уже 14 октября 1918 г., т.е. на две недели раньше, чем в действительности возникло возглавляемое этим правительством государство.

[3] Čas. 13.07.1914. číslo 191.

[4] Ferdinand Peroutka. Budování státu 1918–1923, s. 13.

Кабинетные условия рождения чехословацкого государства и его полнейшая зависимость от Антанты наложили сильный отпечаток как на решение вопроса о территориальном составе и будущих границах Чехословакии, так и на ее последующую внешнеполитическую жизнеспособность.

Среди территорий, которые должны были войти в состав чехословацкого государства, чешские политики усматривали как исторические земли короны чешской, так и Словакию в ее довольно размытых этнографических границах. Масарик также высказывал мысль о возможности присоединения к будущему чехословацкому государству территории Лужицы, ранее входившей в состав земель чешского королевства, если этого захотят сами лужицкие сербы. О присоединении к Чехословакии земель, населенных русинами, первоначально не помышляли ни русины, ни чешские политики. Но стремительное изменение международной обстановки и положения в России, присоединения к которой первоначально добивались закарпатские русины, а также развитие событий в населенных русинами областях бывшей Венгрии заставило как чешских, так и русинских политических деятелей внести серьезные коррективы в свои первоначальные замыслы.

* * *

В последние годы Первой мировой войны, когда поражение Германии и Австро-Венгрии становилось все более очевидным, многочисленная и влиятельная русинская эмигрантская община в США начинает играть все более заметную роль в решении политических судеб карпатских русинов. Первоначальные представления лидеров русинской эмиграции в США о послевоенном политическом устройстве своих соотечественников в Австро-Венгрии определялись сильными русофильскими настроениями, доминировавшими среди американских русинов.

В мае 1917 г. в Нью-Йорке был создан Союз Освобождения Прикарпатской Руси, главная цель которого была четко

продекларирована в его названии. 13 июля 1917 г. на конгрессе американских русинов, созванном Союзом Освобождения Прикарпатской Руси, был принят меморандум, «посвященный свободному русскому народу в России, русскому Учредительному Собранию и русскому правительству». Среди многочисленных подписантов этого документа были русинские политические организации Америки («Союз Освобождения Прикарпатской Руси», «Русская Народная Организация в Америке» и «Американско-Русская «Народная Обрана»); карпаторусинские газеты, издававшиеся в США («Новая Русь», «Свет», «Правда», «Народная Обрана», «Американский Русский Вестник» и др.); а также русинские рабочие, культурные и религиозные общества («Соединение Греко-Католических Русских Братств», «Русское Православное Общество Взаимопомощи», «Грекокатолическое Православное Соединение», «Американский Русский Сокол», «Русско-Галицкий Клуб», «Товарищество Русских Галичан» и многие другие). Кроме того, меморандум был подписан 51 представителем православного и грекокатолического духовенства, имевшим большое влияние на американских русинов.

Авторы меморандума констатировали, что «великий русский народ в России уже сам скинул тяготы ненавистного старого режима и ... пользуется всеми благами свободы», подчеркнув при этом продолжающееся «тяжелое иноземное рабство четырех миллионов русских людей в исконно русских землях, находящихся еще в тяжелой австро-мадьярской неволе»[5]. Подробно остановившись на самых жестоких проявлениях антирусинской политики Вены и Будапешта и на страданиях русинского населения в Австро-Венгрии, авторы документа провозглашали: «Весь карпаторусский народ всей душой протестует против того, чтобы Прикарпатская Русь, под каким бы то ни было видом, входила в состав немецкой, мадьярской или будущей польской державы ... Наоборот, – говорилось в меморандуме, – Русский Конгресс от имени всего своего

[5] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 512.

народа торжественно и единодушно заявляет, что весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и, при предоставлении ей широкого самоуправления, воссоединения ... Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией ... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь»[6].

Настроение участников Русского Конгресса удачно передал один из его организаторов и председатель Петр Гаталяк, который, вспоминая о событиях лета 1917 г., писал в тридцатые годы, что «это была настоящая революция в сердцах и в мыслях ... Те, кто до этого времени боялись венгров, начали открыто агитировать за отделение Угорской Руси от Венгрии. Лозунг «долой Венгрию» стал массовым ... Было вполне естественно, что мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России. Мне с большим трудом удалось убедить конгресс в том, чтобы присоединение Карпатской Руси к России было обусловлено предоставлением Карпатской Руси широкого самоуправления»[7]. Самое первое проявление политической активности карпатских русинов, таким образом, апеллировало к единству с Россией и усматривало политическое будущее русинского народа в составе «великой, демократической» России, хотя и на условиях «широкого самоуправления». Примечательно, что лидеры американских русинов в это время практически отождествляли карпатских русинов с русскими и говорили не просто о единстве с русским народом, но о «воссоединении» с «великой, демократической Россией». Однако неустойчивость положения в России после Февральской революции и приход к власти большевиков заставили американских русинов изменить их первоначальное решение.

[6] Ibidem, s. 517–518.

[7] Petr Hatalák. Jak vznikla myšlenka připojiti Podkarpatskou Rus k československu. Užhorod 1935, s. 13–14.

Любопытно, что предостережения американским русинам по поводу их стремления присоединить Карпатскую Русь к России были высказаны сотрудниками британского посольства в США. На встрече с русинскими деятелями британские дипломаты поставили под сомнение надежды американских русинов на стабилизацию положения в России после Февральской революции, предсказав анархию и хаос и высказав мысль, что Карпатской Руси было бы спокойнее в составе «другого государства, например, Польши». П. Гаталяк, вспоминая о контактах с британскими дипломатами, восторгался их способностью «видеть дальше, чем все остальные люди»[8].

Единодушие, с которым представители различных русинских обществ и организаций Америки, объединившись на Русском Конгрессе в июле 1917 г., выступали за присоединение карпатских русинов к России, моментально улетучилось после прихода к власти в России большевиков. Это событие надолго спутало карты русинским политикам. Общественные деятели американских русинов внимательно наблюдали за развитием ситуации на фронтах Первой мировой и за положением в Австро-Венгрии, пытаясь определиться в своих внешнеполитических предпочтениях.

«После длительных раздумий мы пришли к выводу о том, что строить планы в отношении независимого украинского государства было бы неверным ... поскольку такое государство долго не продержится, – вспоминал П. Гаталяк. – Возможность присоединения к польскому государству мы вообще не рассматривали. Собственную независимость мы тоже всерьез не обсуждали ... Мы не обладали ни армией, ни собственным чиновничеством; народ также не был подготовлен к независимости»[9]. Одним из первых мысль о создании славянского чехословацко-русинского государства высказал сам П. Гаталяк в начале 1918 г. в меморандуме секретарю чехословацкой

[8] Ibidem, s. 16–17.

[9] Ibidem, s. 21.

Национальной Рады в Нью-Йорке К. Перглеру, который переправил этот документ Масарику, находившемуся в то время на юге России[10].

30 мая 1918 г. лидеры Американско-Русской «Национальной Обраны» в Питтсбурге обратились к Масарику с предложением принять русинские земли, включая территорию Галиции, в состав будущего Чехословацкого государства. Однако данная инициатива в то время оказалась невостребованной. К середине 1918 г. среди различных русинских организаций в Америке наметились и другие ориентации. Группа вокруг епископа Ортинского выступала за объединение русинов Галиции, Угорской Руси и Буковины и за их вхождение в состав Украины. «Американский Греко-Католический Союз» во главе с питтсбургским адвокатом Григорием Жатковичем первоначально склонялся к автономии русинов в рамках Венгрии. П. Гаталяк позднее упрекал Жатковича в провенгерских настроениях, которые изменились лишь к сентябрю 1918 г.

23 июля 1918 г. в Хоумстеде (Homestead) была основана Американская Народная Рада угрорусинов, в которой ведущую роль играл Г. Жаткович. От имени Американской Народной Рады 1 сентября 1918 г. Жаткович направил меморандум президенту США Вильсону. Первый пункт меморандума требовал признания Карпатской Руси независимым суверенным государством. Второй пункт предусматривал образование общего государства карпатских, галицких и буковинских русинов в случае невозможности создания карпаторусского государства. Наконец, третий пункт меморандума Жатковича содержал положение о том, что Карпатская Русь останется в составе Венгрии в качестве автономной единицы в том случае, если оба предыдущих пункта не будут реализованы. По вполне обоснованному мнению П. Гаталяка, меморандум Жатковича в действительности был хитростью, преследовавшей цель оставить Карпатскую Русь в составе Венгрии, поскольку требования

[10] Ibidem, s. 22.

какой-либо независимости русинов, содержавшиеся в двух первых пунктах, были заведомо невыполнимыми[11].

21 октября 1918 г. состоялась встреча Вильсона с Жатковичем, на которой американский президент сообщил, что Карпатская Русь будет отделена от Венгрии и порекомендовал установить связь с каким-либо другим государством кроме Венгрии в форме автономии, поскольку возникновение независимого русинского государства было нереальным. Поняв намек американского президента, Жаткович установил связи с Масариком, который к тому времени прибыл из России в США, где, пользуясь тесными связями с Вильсоном и другими американскими политиками, готовил учредительный съезд Среднеевропейского Союза угнетенных народов. Внешнеполитическая интуиция Масарика и его умение завязывать отношения с нужными политическими лидерами явились одним из существенных факторов, предопределивших возникновение независимого чехословацкого государства. «Вильсон, будучи философом, играл решающую роль, важность которой возрастала; Масарик, тоже философ, из всех чехов обладал наибольшей способностью правильно выбрать именно тот язык, который мог затронуть сердце американского президента, – отмечал Ф. Пероутка. – Контекст, в который он включил чешский вопрос и правду, право и демократию, в 1918 г. имел наибольшие дипломатические успехи»[12].

Русины вошли в Среднеевропейский Союз угнетенных народов, приняв участие в учредительном съезде Союза, который состоялся в конце октября в Филадельфии. 25 октября 1918 г., т. е. за три дня до провозглашения независимой Чехословакии, русинские политические деятели обратились к Масарику с предложением о присоединении подкарпатского народа к чехословацкому государству на условиях автономии. Во время встречи русинской делегации с Масариком в Филадельфии

[11] Ibidem, s. 32.

[12] Ferdinand Peroutka. Budování státu 1918–1923, s. 41.

в конце октября 1918 г., где обсуждались детали предстоящего объединения, один из членов делегации заявил, что русины требуют для себя территорию «от Попрада до Тисы», выразив при этом сомнение в возможности договориться о границах со словаками, поскольку на чехословацких картах они забрали себе «половину русинских земель». В ответ на это замечание Масарик лишь невразумительно пообещал, что «границы будут определены удовлетворительным для русинов образом»[13]. В любом случае никаких письменных соглашений по вопросу будущей русинско-словацкой границы в составе Чехословакии заключено не было, что создало питательную почву для последующих споров русинских и словацких политиков по поводу границы между Подкарпатской Русью и Словакией.

12 ноября 1918 г. в Скрэнтоне (Scranton) Американская Народная Рада угрорусинов одобрила план вхождения подкарпатских русинов в состав Чехословакии и приняла решение о проведении референдума среди проживавших в Америке венгерских русинов. Референдум состоялся в ноябре 1918 г. уже после провозглашения независимой Чехословакии. 67% участников референдума высказались за присоединение к ЧСР, 28% – за присоединение к Украине и только по 1% – за присоединение к Венгрии и большевистской России[14]. Голосование было непрямым; по предложению Жатковича, каждая русинская община или приход получали один голос на каждые 50 своих членов. Серьезным изъяном механизма голосования было то, что в нем приняло участие менее половины существовавших в то время в США русинских общин и приходов. Так, из 837 приходов Грекокатолического Союза только 372 приняли участие в плебисците[15]. Тем не менее, итоги референду-

[13] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 84.

[14] Raušer Alois. Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě 1936, s. 63.

[15] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 85.

ма активно использовались впоследствии чехословацкими политиками как одно из главных свидетельств легитимности присоединения русинов к Чехословакии.

В отличие от американских русинов, прочехословацкой ориентации которых в известной степени способствовала «подсказка» президента Вильсона, процесс переориентации на Прагу карпатских русинов протекал значительно медленнее. В самой Венгрии русины стали проявлять политическую активность уже после распада австро-венгерской империи. В результате активизации русинского национального движения были образованы три русинские народные рады в Прешове, Ужгороде и Хусте.

Прешовская Русская Народная Рада во главе с известным русофилом Антонием Бескидом, образованная 8 ноября 1918 г. в восточнословацком г. Любовня и позднее перенесшая свою деятельность в Прешов, первоначально обходила стороной вопрос о присоединении русинских земель к какому-либо государству. В своей декларации от 19 ноября 1918 г. Русская Народная Рада в Прешове, ссылаясь на пункты Вильсона, требовала «для русинов в этнографических границах право свободного самоопределения», «полную национальную свободу» и возможность изложить свои требования на мирной конференции. Кроме того, лидеры Прешовской Народной Рады протестовали против того, чтобы «нас по отдельности или против нашей воли к чужим народам присоединяли»[16]. Декларация призывала к единству всех русинов и к основанию в каждом селе сельских рад, которые должны были присоединиться к центральной русинской раде. О каком-либо стремлении присоединиться к Чехословакии в этом документе не упоминалось.

Активную политическую деятельность в это время развернули и северные соседи пресовских русинов – русины-лемки, населявшие гористые карпатские области западной Галиции.

[16] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 524.

5 декабря 1918 г. в Лемковской Руси был образован Русский Совет Лемковщины, который с самого начала проявлял интерес к объединению русинов-лемков с угорскими русинами. 21 декабря 1918 г. на съезде в восточнословацком г. Кошице Русский Совет Лемковщины объединился с Прешовской Русской Народной Радой, в результате чего возникла единая Карпато-русская Народная Рада, которая на съезде в Прешове 31 января 1919 г. приняла решение о необходимости добиваться присоединения Подкарпатской Руси и Лемковской Руси к Чехословакии. Таким образом, вплоть до конца января 1919 г., т.е. до того момента, когда в Прешове стало известно о решении американских русинов присоединиться к Чехословакии, карпатские русины не обнаруживали стремления войти в состав чехословацкого государства, подчеркивая вместо этого свое право на самоопределение и заявляя о необходимости общерусинского единства.

Более того, некоторые политические организации русинов-лемков и в это время, несмотря на революционную смуту и гражданскую войну в России, продолжали строить планы о присоединении к России, надеясь на «восстановление порядка в Русском Государстве». Так, Народный Совет Русского Прикарпатья, образованный в русинско-лемковском г. Санок, в своем меморандуме от 26 декабря 1918 г. писал: «Прежнее царское правительство, заступавшееся многократно за германские, австрийские, армянские, болгарские и другие интересы, долго не обращало внимания на своих единокровных русских братьев в Прикарпатье. И только в последнее время, стараясь исправить свою роковую ошибку, после искупления русской кровью нашего родного Прикарпатья, устами министра Сазонова ... провозгласило в 1914 г. торжественное присоединение Прикарпатья к великой Русской Империи. Имеем полную надежду, что Державная Русь останется в эту важную минуту верной своим словам ... а то опять может повториться история с украинским лже-Пьемонтом и его печальными деяниями в Брест-Литовском. Мы, – завершали свое послание

представители русинов-лемков г. Санок, -... чувствуем и сознаем себя ... гражданами единого, великого Русского Государства, не признаем на нащей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти... и ожидаем, что победоносные коалиционные Государства, поддерживая русский народ в его усилиях к восстановлению порядка в русском Государстве, уже в непродолжительном времени дадут русскому народу Прикарпатья, как самой западной части этого государства, возможность избавиться от посягающих на его землю алчных соседей»[17]. Примечательно, что этот документ был подписан не только представителями местных русинов-лемков (бывший депутат австрийского парламента Владимир Курылович, товарищ председателя Саноцкой Русской Народной Рады Александр Савюк и др.), но и представителями Прешовской Русской Народной Рады (товарищи председателя Прешовской Народной Рады Е.Невицкий, М.Михалич и др.). Это свидетельствует о том, что ряд руководителей Прешовской Народной Рады еще в конце декабря 1918 г. склонялся к вхождению в состав России, все еще рассчитывая, что такая возможность может возникнуть.

Не только Прешовская, но и две другие русинские рады – Ужгородская и Хустская – первоначально не проявляли желания войти в состав Чехословакии. Более того, в отличие от Прешовской Русской Народной Рады, первоначально обходившей молчанием вопрос о присоединении к какому-либо из соседних государств, деятели Ужгородской Народной Рады открыто обнаруживали свои венгерские предпочтения, в то время как руководители Народной Рады в Хусте стремились присоединиться к Украине. Позднее чехи объясняли поведение Народной Рады в Хусте тем, что она «была изолирована от западных территорий и не получала информации об итогах плебисцита в Америке»[18]. Вместе с тем очевидно, что Хуст-

[17] Ibidem, s. 530.

[18] Chmelař Josef. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz

ская Рада не могла не испытывать влияние соседней Галиции, где в ноябре 1918 г. была провозглашена Западноукраинская Народная республика (ЗУНР).

Другой важной причиной украинской ориентации немногочисленной части русинов (в основном гуцулов раховского района Закарпатья) были материальные соображения. Гуцулы были административно разделены между австрийской Галицией (центром австрийских гуцулов был г. Коломыя) и Венгрией (центром венгерских гуцулов было село Ясиня Раховского района Закарпатья). «Продукты питания в Галичине были дешевле, чем в гуцульском районе Венгрии, где не хватало пахотной земли. Поэтому жители гуцульского региона Мараморошского комитата Венгрии ездили за продуктами на базар в расположенную по соседству Коломыю, т.е. в австрийскую Галичину, – отмечают П. и С. Годьмаш. – Не удивительно, что с распадом Австро-Венгрии не только умом, но и «желудком» гуцулы Венгрии хотели объединиться со своими соплеменниками – гуцулами в составе Галичины»[19]. В начале декабря 1918 г. в центре венгерских гуцулов селе Ясиня представители прилегавшего к Галиции гуцульского района, насчитывавшего около полутора десятка сел, образовали Гуцульскую Народную Раду, которая обратилась к лидерам провозглашенной в Галиции Западноукраинской республики (ЗУНР) с просьбой о присоединении. Поначалу проигнорировав просьбу венгерских гуцулов, руководство ЗУНР вскоре стало строить планы присоединения не только гуцулов, но и всей остальной русинской территории к югу от Карпат. Воспользовавшись бездействием и деморализацией венгерских властей, вооруженный отряд ЗУНР 14 января 1919 г. занял г. Рахов, в то время как другие воинские части ЗУНР попытались предпринять наступление на Ужгород и Мукачево. Попытки руководства ЗУНР присое-

poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha 1923, s. 186.

[19] Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 55.

динить территории венгерских русинов очень быстро провалились по причине крайне негативного отношения местного русинского населения к украинским войскам из Галиции, которые нередко занимались открытыми грабежами местного населения. По признанию одной львовской газеты, «везде на Венгерской Руси ... нападают на украинцев, ругают Петрушевича и открыто требуют русинских школ, носят трехцветные русинские бантики, а сине-желтые срывают и топчут»[20].

Опыт общения с галицкими отрядами ЗУНР заметно усилил антиукраинские настроения среди закарпатских русинов. «Авантюрный план по насильственному присоединению русинской территории Венгрии к ЗУНР позорно провалился, – констатируют П. и С. Годьмаш. – Практически эти события заставили изменить свое мнение об Украине даже тех немногих русинов, которые были готовы на присоединение к ней»[21].

Что касается деятельности Хустской Народной Рады, то П. и С. Годьмаш категорически не согласны с устоявшимся мнением о том, что 21 января 1919 года съезд русинских делегатов в Хусте принял решение о присоединении к Украине. Ссылаясь на то, что оригиналы протоколов этого съезда до сих пор не найдены, они высказывают любопытную мысль о том, что написанный председателем этого съезда адвокатом М. Бращайко «по памяти» после Второй мировой войны протокол съезда был им сознательно сфальсифицирован под давлением советских спецслужб для обоснования вхождения Закарпатья в состав Украины. «Как этот написанный по памяти протокол, так и якобы принятое на Хустском «Всерусинском» съезде решение о присоединении к Украине сфальсифицированы уже после Второй мировой войны для того, чтобы аргументировать утверждения Москвы и Киева о вековечном стремлении русинов присоединиться к своей Матери-Украи-

[20] Там же. С. 62.

[21] Там же.

не»[22], – полагают П. и С. Годьмаш. Как бы то ни было, но проукраинские настроения участников Русинской Народной Рады в Хусте, которая «высказалась за украинское решение проблем Подкарпатской Руси»[23], отмечали в начале 1920-х годов и чехословацкие современники этих событий.

Если русины Пряшевской и Лемковской Руси долгое время сохраняли иллюзии о возможности присоединения к России, то ужгородские русины не исключали вероятности достижения компромисса с Будапештом. Вплоть до января 1919 г. часть русинских политиков – представителей Ужгородской Рады вела активные переговоры в Будапеште, обсуждая с венгерскими руководителями условия, на которых русины могли бы остаться в составе реформированного венгерского государства. В условиях распада Австро-Венгрии венгерские правящие круги предпринимали судорожные шаги, направленные на сохранение территориальной целостности Венгрии. Закарпатье, имевшее важное стратегическое значение и населенное многочисленным венгерским меньшинством, представляло особый интерес для Будапешта. 23 декабря 1918 г. правительство графа Карольи опубликовало закон № 1918: X, который гарантировал венгерским русинам территориальную автономию. Предполагалось, что автономная русинская область получит название «Руська Краина». Однако быстрое падение правительства Карольи и нараставший внутриполитический кризис в Венгрии не позволили венгерским политикам реализовать на практике положения данного закона. Провал венгерской инициативы о создании Руськой Краины и сохранении русинских земель в составе венгерского государства был вызван и недоверием русинских деятелей к предложениям Будапешта. Августин Волошин, принимавший активное уча-

[22] Там же. С. 63–64.

[23] Josef Chmelař. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, s. 186.

стие в переговорах с венгерскими политиками в конце 1918 г., вспоминал: «Организовавшись в Народные Рады, мы приняли приглашение будапештского революционного правительства графа Карольи на переговоры о Руськой Краине. Но как только появился закон о Руськой Краине, консервативная мадьярская пресса обрушилась на нас с резкими нападками, и мы увидели, что все это лишь пустые обещания. Поэтому мы требовали от правительства, чтобы автономия, как международный договор, была зафиксирована в мирном договоре. Но когда правительство Карольи с этим не согласилось ... то в тот же день, 1 января 1919 г. мы посетили пана доктора Милана Годжу, тогдашнего посла Чехословакии в Будапеште и просили его, чтобы Чехословакия заняла всю руськую территорию под Карпатами»[24]. По признанию Волошина, только в конце января 1919 г. от чехословацких офицеров, посланных в Ужгород Масариком, русинские политики узнали о решении американских русинов присоединить земли карпатских русинов к Чехословакии[25].

15 января 1919 г. чехословацкие войска вступили в Ужгород. Поступившее в конце января известие о том, что американские русины проголосовали за присоединение их исторической родины к Чехословакии, оказало решающее влияние на местных русинских политиков. 31 января 1919 г. Карпаторусская Народная Рада в Прешове «как законная выразительница воли русского народа, живущего в северных комитатах бывшей Венгрии и в южных частях бывшей австро-галицкой провинции» выступила с заявлением о том, что поскольку «присоединение этих земель к единой России неосуществимо, желаем жить долей и недолей братьев Чехословаков. Это желание совпадает с общим желанием 500.000 карпаторуссов, эмигрантов в Америке, объявившим уже свою волю компетентным лицам. Славянская политика Чехословаков, их демокра-

[24] Волошин Августин. Две политичне розмовы. В Ужгороде, 1923. С. 6–7.

[25] Там же. С. 7.

тизм, беспрерывные проявления ими симпатии к русскому народу ... дают нам полное ручательство национально-культурного и экономического свободного развития, – так объясняли свой внешнеполитический выбор руководители Прешовской Карпаторусской Народной Рады. – Поэтому заявляем всему культурному миру, что с сегодняшнего дня считаем себя автономной русской частью Чехословацкой республики»[26]. В этом же документе лидеры прешовских русинов выражали энергичный протест против действий «ненавистного нам польского империализма» и «сепаратизма украинских политиков», который был охарактеризован авторами документа как «явление временное, антиславянское, антикультурное, антисоциальное» и являющееся «плодом австро-германского империализма»[27].

В феврале 1919 г. в Париже состоялась встреча представителя американских русинов Г.Жатковича и лидера Прешовской Карпато-русской Народной Рады А.Бескида. В ходе этой встречи была образована русинская комиссия, которая совместно с чехословацкой делегацией на мирной конференции представила план вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии как автономной области. В феврале 1919 г. во французской столице начались заседания комиссии по чехословацким вопросам, в состав которой входили представители США, Великобритании, Франции и Италии. На заседаниях комиссии обсуждались 11 меморандумов чехословацкого руководства, авторами которых были министр иностранных дел Чехословакии Бенеш и премьер-министр Крамарж; однако при обсуждении меморандума №6, посвященного «венгерским русинам», в насущный для русинских политиков вопрос о русинских границах не было внесено никакой ясности. В начале 1919 г. чехословацкие войска заняли территории бывших венгерских жуп Спиш, Шариш и Зем-

[26] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 532.

[27] Ibidem.

плин, где проживало значительное количество русинского населения. Эти территории были вскоре отданы под юрисдикцию министра по делам Словакии в Братиславе, став частью Словакии. Позднее словацкие политики в своем стремлении к сохранению территориального статус-кво отвергали любые предложения, направленные на ревизию восточной границы Словакии, что стало источником постоянных противоречий между русинскими лидерами и чехословацкими властями.

8 мая 1919 г. в Ужгороде была созвана Центральная Русинская Народная Рада, сформированная из представителей всех трех местных русинских рад – прешовской, ужгородской и хустской. Этот высший русинский орган одобрил решение американских русинов и санкционировал присоединение русинских земель к Чехословакии. То обстоятельство, что вопреки требованиям русинских политиков в состав Чехословакии вошли лишь венгерские русины, в то время как западногалицкие русины-лемки были вынуждены противостоять натиску Польши, вызывало острое недовольство русинских лидеров. 1 мая 1919 г. Прешовская Карпато-русская Народная Рада направила обращение президенту США Вильсону, выражая неудовлетворенность сложившейся ситуацией. «Одна часть Карпатской Руси, часть угорская, признана на мировой конференции как автономная часть Чехословацкой республики, – говорилось в обращении Вильсону, подписанном руководителями Прешовской Карпато-русской Народной Рады А. Бескидом, Д. Вислоцким, А. Цеханским, Д. Собиным и Вл. Туркиняком. – Но этим еще не исполнена воля Карпаторуссов, так как другая часть, часть австрийская, т. з. Лемковщина, отрезана старой австро-угорской границей от живого народного тела. А вся Карпатская Русь, это одно неделимое, русское тело как в этнографическом, так и в географическом отношении ... За свои страдания не просят Карпаторуссы от мировой конференции ничего, одной справедливости! Просят, чтобы не были разорваны на части, чтоб не оставить часть Карпатской Руси под польским владением, так как в Польше их доля

не только не улучшилась бы, но еще ухудшилась ... После развала Австрии, захватив часть Карпатской Руси, Лемковщину, органами польского правительства допускаются те же насилия, гонения и зверства над беззащитным, отрезанным от мира русским населением, как во время австрийского деспотизма ... Мы решительно протестуем против польских притязаний на какую бы то ни было часть Карпатской Руси, – завершали свое послание американскому президенту лидеры прешовских русинов, – протестуем против дележа карпатских земель, заселенных ... русским населением»[28].

Несмотря на протесты русинских политиков, земли карпатских русинов остались разделенными между Чехословакией и Польшей, государственной границей между которыми стала бывшая административная граница в рамках Австро-Венгрии, отделявшая австрийскую провинцию Галиция от Венгрии. Сен-Жерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г., юридически закрепил новые межгосударственные границы в этой части Европы и санкционировал вхождение Подкарпатской Руси в состав Чехословакии на условиях широкой автономии. Очень скоро внимание русинов, вошедших в состав чехословацкого государства, к судьбе русинов-лемков, оказавшихся под властью Польши, переключилось на собственное положение в Чехословакии, где русинское население оказалось административно разделенным между Словакией и Подкарпатской Русью. Кроме того, конкретные проявления славянской политики чехословаков оказались не вполне соответствующими завышенным ожиданиям русинских лидеров, которые вскоре начали проявлять недовольство целым рядом аспектов политики официальной Праги.

Процесс присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии был осложнен революцией в Венгрии, приходом к власти коммунистов во главе с Бела Куном и образованием в конце марта 1919 г. Венгерской Советской республики, которая пред-

[28] Ibidem, s. 533–534.

приняла энергичные попытки восстановить контроль над утерянными территориями. Стремление к восстановлению территориальной целостности Венгрии и возмущение требованиями Антанты от 20 марта 1919 г. об установлении новой демаркационной линии, которая должна была стать новой государственной границей Венгрии, оставлявшей в составе Чехословакии значительную часть этнических венгров, объединило венгерских националистов и коммунистов. Особый интерес лидеров венгерской революции вызывали Восточная Словакия и Подкарпатская Русь как территории, позволявшие установить связь с большевистской Россией, что было существенным условием выживания Венгерской Советской республики. Наступление венгерской Красной Армии, начатое 20 мая 1919 г., опрокинуло плохо организованные части чехословацкой армии, отступление которой местами переходило в паническое бегство. «Ход боевых действий обнаружил неполноценность тогдашней чехословацкой армии ... венгры продемонстрировали численное, материальное и психологическое преимущество»[29], – признавал Ф. Пероутка. 2 июня 1919 г. венгерская армия взяла г. Нове Замки в Южной Словакии; 6 июня – центр Восточной Словакии г. Кошице; передовые отряды венгерских войск появились в окрестностях Братиславы. Вскоре около двух третей территории Словакии и вся территория Подкарпатской Руси оказались под контролем венгерской Красной Армии. В Восточной Словакии при поддержке венгров была провозглашена Словацкая Советская республика с центром в г. Прешов. Попытки венгерских революционеров начать создание сельскохозяйственных кооперативов и провести мобилизацию в Красную Армию встретили сопротивление местного населения.

15 июня 1919 г. последовала нота Антанты венгерскому правительству с требованием отвести войска за линию, определенную в качестве будущей границы между Венгрией и Чехо-

[29] Ferdinand Peroutka. Budování státu 1918–1923, s. 181.

словакией; 24 июня начался отвод венгерских войск с территории Словакии. К началу июля венгерская армия полностью очистила Словакию. Контроль над Подкарпатской Русью был полностью восстановлен чехословацкой армией, возглавлявшейся французскими и итальянскими генералами, только в конце августа – начале сентября 1919 г. Подобно возникновению чехословацкого государства, установление границ Чехословакии также проходило при решающем влиянии внешнего фактора – фактора Антанты. Победа Праги в борьбе с Венгрией была одержана не столько собственными силами, сколько апелляцией к союзникам и постоянным дипломатическим давлением Антанты на Будапешт.

* * *

Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии было очень позитивно воспринято чехословацкими политиками и общественным мнением, переживавшими период радостной эйфории после обретения собственного государства. Большую популярность в чешском обществе приобрели строки «От Ясини до Аша вся республика наша». Эти географические названия указывали на необъятность нового чехословацкого государства и на его более чем тысячекилометровую протяженность с Запада на Восток (Ясиня – большое гуцульское село в восточной части Подкарпатской Руси; Аш – городок в самой западной точке Чехословакии на границе с Германией). Явные географические диспропорции новорожденного чехословацкого государства, длина которого во много раз превышала его ширину, дополнялись этническими диспропорциями. По данным переписи 1930 года, в Чехословакии проживало 14 миллионов 730 тысяч человек, из которых 9 миллионов 689 тысяч составляли «чехословаки», 3 миллиона 232 тысячи – немцы, 692 тысячи – венгры, 549 тысяч – русины, 357 тысяч – евреи и 81 тысячу – поляки. Любопытно при этом, что численность немцев, официально считавшихся нацио-

нальным меньшинством, значительно превышала количество словаков, являвшихся наряду с чехами государствообразующим народом Чехословакии.

Чехи особенно подчеркивали добровольность вхождения русинов в состав Чехословакии, где «этот северо-восточный край бывшей Венгрии оказался не в результате захватнических аппетитов нашего народа, а по своему собственному решению»[30]. Присоединение русинов к Чехословакии было действительно добровольным решением, но оно было принято не в результате их изначального осознанного стремления, а выкристаллизировалось постепенно в ходе воздействия целого ряда факторов, которые сделали недостижимой первоначальную цель русинских лидеров – присоединение к России. В число факторов, вынудивших деятелей русинского движения изменить свои планы, входили революционный кризис и гражданская война в России, на которую вначале ориентировались русинские лидеры; влияние американских политиков и президента США Вильсона; а также поражение Австро-Венгрии в войне и последующие революция и дестабилизация положения в Венгрии. Кроме того, Чехословакия как славянская страна, лидеры которой декларировали идеи «славянской политики», была по ряду причин более приемлемой для русинов, чем любое другое из соседних государств. Мотивация, которой руководствовались русинские лидеры, принимая решение о присоединении к Чехословакии, была четко и ясно выражена в заявлении Прешовской Карпаторусской Народной Рады 31 января 1919 г., где прямо говорилось о том, что русины желают присоединения к Чехословакии постольку, «поскольку присоединение к единой России неосуществимо»[31].

[30] Karel Kadlec. O právní povaze poměru Podkarpatské Rusi k republice Československé // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, s. 9.

[31] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s. 532.

Большую ценность для чехословацких политиков представляло геополитическое положение Подкарпатской Руси, территория которой позволяла Чехословакии иметь общую границу с Румынией – союзником Праги по Малой Антанте. «Миссия Подкарпатской Руси в чехословацкой республике имеет особую важность, – писал в 1936 г. Я.Затлоукал. – Она служит связующим звеном со странами Малой Антанты, а также является мостом, соединяющим нас с Россией, что имеет стратегическое значение ... Важность Подкарпатской Руси для нашей республики прекрасно осознают мадьяры, поляки и немцы, которые с помощью своих агентов все больше распространяют здесь семена беспорядков и смуты»[32].

Хотя важность геополитического положения Подкарпатской Руси для Чехословакии была моментально оценена официальной Прагой, чехословацкое руководство не в полной мере осознавало всю сложность социально-экономических, национальных и культурно-языковых проблем, определявших положение Подкарпатской Руси после Первой мировой войны. Поверхностность и дилетантизм чешских политиков распространялись не только на Подкарпатскую Русь, но и в значительной степени на Словакию, что сразу стало приводить к явным сбоям пражской «славянской политики». Реалии межвоенной Чехословакии показали, что непоколебимая уверенность чешских политических деятелей в собственной монополии на правильное проведение «славянской политики», в отсутствии которой по отношению «к полякам и малороссам» Масарик обвинял Россию, была во многом необоснованной.

Так, уже первые контакты чешских чиновников и официальных лиц со словацким населением обнаружили не только элементарное незнание многими чехами словацких особен-

[32] Dr. J.Zatloukal. Za hlubším a objektivním poznáním Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě 1936, s. 9.

ностей, но и их высокомерное отношение к местному населению. Касаясь поведения чехов в Словакии, Пероутка отмечал, что «некоторые чехи не обладали даже самыми примитивными знаниями и совершали такие психологические ошибки, как ниспровержение статуй святых ... Антиклерикализм, который кое-кто из чешских энтузиастов стремился распространить в Словакии ... был здесь новым явлением и вызывал неприятие не только у католиков, но и у протестантов. Часть радикально настроенных чешских учителей считала своим долгом зачеркивать слово бог везде, где оно встречалось. Некоторые фанатики подвергли такой обработке и учебные пособия...»[33] Чехословацкий министр по делам Словакии В. Шробар, словак по национальности, признавал, что «чиновники, которые прибывают сюда из Чехии ... допускают различные проступки ... Многие чехи приходят сюда как на оккупированную территорию и думают, что здесь они могут поживиться. Подобное отношение должно быть изменено»[34]. Неудивительно поэтому, что подобная чешская «культурная революция» в Словакии вызывала противодействие населения и создавала социальную базу для автономистского движения.

Еще более серьезные культурные барьеры отделяли чехов от русинского населения Подкарпатской Руси. Яромир Нечас, в 1920 г. работавший секретарем первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича, в своем пространном письме президенту Масарику о ситуации в Подкарпатской Руси летом 1921 г. отмечал, что «русинские мужики никогда не интересовались общественной жизнью и вплоть до сегодняшнего дня являются, лишь с незначительными исключениями, полностью аморфной массой в политическом отношении. Чехословацкая республика должна иметь в виду тот факт, что население, на которое она опирается и на основе которого она хочет построить новую Подкарпатскую Русь, в политическом смыс-

[33] Ferdinand Peroutka. Budování státu 1918–1923, s. 191.

[34] Ibidem.

ле представляет собой абсолютно несознательный элемент ... легко доступный любой агитации. Необходимо расстаться с представлениями о том, что мужицкие массы в своей основе подчинены каким-либо политическим симпатиям или даже традициям ... У русинских мужиков решающее значение имеют их материальные требования».[35] Касаясь отличительных черт карпаторусского мужика, Нечас указывал на сочетание широко распространенных антиеврейских настроений с экономической зависимостью от евреев, а также на непривычно глубокую для чеха религиозность русинов. Изумление Нечаса вызвало то, что в Хусте «даже большевистские вожди» регулярно посещали церковь, русинские социал-демократы «с почтением» приветствовали священников, а одно из антиклерикальных собраний в Ужгороде началось приветствием «Слава Иисусу Христу!»[36]. Оценка Нечасом интеллигенции Подкарпатской Руси с точки зрения ее лояльности чехословацкой республике была крайне скептической, свидетельствуя о широко распространенном недоверии чехов к тем, кто получил высшее образование и сделал карьеру при венграх. «Подкарпатская интеллигенция ... в своем подавляющем большинстве отравленная мадьярско-феодальным духом старого режима, старается сохранить свою прежнюю популярность и власть над народом, используя для этого любые средства, – такую нелестную характеристику русинской интеллигенции давал Нечас в послании Масарику. – Автохтонная интеллигенция, не только русинская, но и мадьяронская, а также мадьярская ... еще не полностью утратила свое влияние. Она способна использовать в своих целях очень хорошее знание психологии мужика и его слабости»[37].

Главным критерием политической лояльности для чехов в 1920-е годы были отношения с прежним венгерским режи-

[35] Jaromír Nečas. Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921). Praha 1997, s. 6.

[36] Ibidem, s. 6–7.

[37] Ibidem, s. 7–9.

мом. В этом смысле «отравленная мадьярско-феодальным духом» русофильская интеллигенция, многие представители которой получили образование и заняли видное общественное положение при венграх, вызывала наибольшее подозрение у чешских чиновников. Недоверие к местной, в основном русофильски настроенной русинской интеллигенции, побудило чехословацкие власти обратиться к украинофилам, многие из которых были эмигрантами из Галиции и которые первоначально казались Праге предпочтительнее с точки зрения политической благонадежности. Большое влияние на формирование политики Праги в отношении Подкарпатской Руси оказал сам Я. Нечас, с 1921 по 1924 г. работавший в канцелярии президента республики, где он занимался вопросами Подкарпатской Руси. Позднее Нечас был избран депутатом чехословацкого парламента от социал-демократической партии.

К сложной и деликатной задаче интеграции в едином государстве столь отличающихся от чехов народов пражские чиновники, имевшие довольно поверхностное представление о Подкарпатской Руси, подошли с набором идеологических догм, позаимствованных из либеральной западноевропейской общественной мысли, а также с красивым, но весьма туманным лозунгом «славянской политики», определявшим идеологический облик межвоенной чехословацкой республики. Все это плохо срабатывало в условиях Подкарпатской Руси, где с самого начала образовался серьезный разрыв между декларативными заявлениями и реальными действиями чехословацкого руководства.

Глава 3
Первый опыт русинов в межвоенной Чехословакии

ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

«Крайне неблагоприятным образом влияют на политическую ситуацию в Подкарпатской Руси некоторые чешские политические партии (прежде всего аграрная, национально-демократическая и социалистическая), которые при разумной тактике и хорошем знании обстановки могли бы оказать положительное влияние ... но до сих пор принесли более вреда, нежели пользы».

(Jaromír Nečas. Politická situace na Podkarpatké Rusi (Rok 1921). Praha 1997, s. 9).

«Радость недолго продолжалась ... Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую – словакизируют наши чехословацкие славянофилы».

(Парох Эмилий Левканич, 15 мая 1928 г. // Народная Газета. 1928. № 10).

К моменту вхождения в состав Чехословакии в землях, населенных карпатскими русинами, в целом преобладало традиционное русофильство. Специфика территорий, населенных русинами и вошедших в состав ЧСР, нашла свое отражение в их официальном названии – Подкарпатская Русь. В этническом и религиозном отноше-

нии население Подкарпатской Руси было довольно пестрым. По данным чехословацкой статистики, в начале 1920-х годов на территории Подкарпатской Руси проживало 370.368 русинов и русских, 103.791 венгров, 79.715 евреев, 21.853 чехословаков и 10.348 немцев. Среди господствующих конфессий наиболее многочисленными были грекокатолики (329.698), иудеи (93.008), православные (60.599), представители римскокатолической церкви (55.001) и протестанты-евангелисты (64.699)[1].

Начало 1920-х годов было отмечено резким ростом числа православных в Подкарпатской Руси. Если в 1910 г. среди подкарпатских русинов насчитывалось лишь 577 приверженцев православия, то к 1921 г. их число увеличилось до 60.986, а к 1930 г. – до 112.034[2]. Массовый переход русинских грекокатоликов в православие объяснялся как национально-религиозными мотивами (с ликвидацией венгерского режима многие русины решили вернуться к «истинно русской» вере своих предков), так и чисто экономическими соображениями. Если в пользу грекокатолического священника русинские крестьяне должны были нести повинности в натуральной форме или в виде отработок (так наз. *коблина* и *роковина*), то православные священники этого не требовали. Чехословацкие власти первоначально относились к массовому переходу русинов в православие очень лояльно, рассчитывая получить в лице православного духовенства противовес численно преобладавшему грекокатолическому духовенству, настроенному в основном мадьяронски. Кроме того, сказалось и негативное отношение официальной Праги к Риму и католицизму. Позднее, когда массовый переход в православие стал сопровождаться насилием и анархией, Прага была вынуждена

[1] Stanislav Klima. Zeměpisný obraz Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, s. 21.

[2] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 179.

внести организующее начало в этот процесс. В 1931 г. была образована православная Мукачевско-Прешовская епархия под юрисдикцией Сербской Православной церкви.

В социально-экономическом отношении Подкарпатская Русь имела ярко выраженный аграрный облик, заметно отставая от промышленно развитых Чехии и Моравии. Бедность, малоземелье, высокая безработица и широко распространенная неграмотность были самыми острыми социальными проблемами Подкарпатья и Восточной Словакии, население которых и в рамках Чехословакии продолжало активно эмигрировать по экономическим причинам главным образом в Северную Америку. Наибольшее развитие в Подкарпатской Руси получила лишь тесно связанная с сельским хозяйством лесная и лесообрабатывающая промышленность, в которой было занято около 12% трудоспособного населения. Социальная структура населения Подкарпатской Руси была довольно отсталой, отражая аграрный характер ее экономики. Если в целом более 40% самодеятельного населения Чехословакии было занято в промышленности, на транспорте и в торговле и только 37% – в сельском хозяйстве, то в Подкарпатской Руси удельный вес населения, занятого в промышленности, был примерно в четыре раза ниже, чем в чешских землях. В 1930 г. 83,1% русинов было занято в сельском и лесном хозяйстве и лишь 5,8% – в промышленности. В Ужгороде, культурном и административном центре Подкарпатской Руси, к 1918 г. русины составляли около 4% населения; к 1930 г. их численность возросла только до 25%[3]; большинство городского населения по-прежнему составляли евреи и венгры.

Низкий уровень жизни и многочисленные социально-экономические проблемы сказались на популярности различных политических партий в Подкарпатской Руси. Самой влиятельной партией в течение практически всего межво-

[3] Ibidem, p. 15.

енного периода оставалась коммунистическая партия Чехословакии. В ходе парламентских выборов 1924 г. компартия получила в Подкарпатской Руси рекордное число голосов – 39,4%. Во время выборов в 1925 г. коммунисты получили 30,8% голосов; в 1929 г. – 15,2% голосов и в 1935 г. – 24,4% голосов избирателей. Второй по популярности была республиканская партия земледельцев и мелких крестьян (аграрная партия), получившая на выборах 1924 г. 6,4% голосов; в 1925 г. – 14,2% голосов; в 1929 г. – 29,1% и в 1935 г. – 19% голосов избирателей. Большим влиянием среди русинского населения Подкаратской Руси пользовался Автономный Земледельческий союз, выражавший интересы русинских крестьян и русофильски настроенного греко-католического духовенства и опиравшийся на русофильское культурно-просветительское общество имени Александра Духновича. Если на выборах 1924 г. Автономный Земледельческий союз получил 8,4% голосов, то в 1925 г. число проголосовавших за союз возросло до 11,6%, а в 1929 г. – до 18,2%. В 1935 г. за Автономный Земледельческий союз проголосовало 13,9% избирателей. Определенным влиянием в Подкарпатской Руси пользовалась также чехословацкая социал-демократическая партия. Популярность всех остальных чехословацких политических партий, включая национальных социалистов и национальных демократов, была крайне низкой, распространяясь лишь на находившихся в Подкарпатской Руси чехов[4].

С появлением Чехословакии положение русинов резко изменилось. Чехословацкая республика, славянский характер которой подчеркивался ее лидерами, стремилась извлечь конкретную пользу от абстрактной идеи славянской взаимности. В результате русинская интеллигенция получила значительно большее пространство в области национальной

[4] См. Jan Brandejs. Vývoj politických poměrů na Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě 1936, s. 76–81.

и культурной деятельности, чем это было в составе Венгрии, хотя чехословацкие власти имели действенные рычаги влияния как на определение векторов этой деятельности, так и ее допустимых границ. В рамках ЧСР среди русинов постепенно оформились три главных течения, которые соперничали друг с другом, ориентируясь на различные идентификационные модели. Самым старым и первоначально наиболее влиятельным было традиционное русофильство. Быстро набирало силу молодое украинофильство. Наконец, третьим было собственно русинское течение, считавшее русинов отдельным народом, а не частью русских или украинцев.

* * *

Международным основанием присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии стал Сен-Жерменский мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 г. и обязывавший Прагу предоставить Подкарпатской Руси самую широкую автономию. Десятая статья Сен-Жерменского договора предполагала создание в рамках чехословацкого государства самоуправляющейся русинской административной единицы с обширной автономией, которая была бы совместима с единством и территориальной целостностью Чехословакии. Одиннадцатая статья договора, конкретизируя права Подкарпатской Руси как автономной области, предусматривала наличие парламента Подкарпатской Руси с законодательными функциями в языковых, школьных и религиозных вопросах, а также в вопросах местного самоуправления.

Положения Сен-Жерменского договора нашли свое отражение в конституции первой чехословацкой республики, принятой в 1920 году. Но широкие либеральные свободы и демократические институты, провозглашенные чехословацкой конституцией по примеру западных демократий, в отношении Подкарпатской Руси имели скорее декларативно-пропагандистский характер и не являлись ориентиром для пражских

чиновников. Так, предусмотренный конституцией парламент (сейм) Подкарпатской Руси так и не был созван за все время существования первой чехословацкой республики. Характерной чертой взаимоотношений чехословацких властей и русинов в течение всего двадцатилетнего периода их нахождения в едином государстве было нарастающее разочарование русинов в Праге, вызванное невыполнением чехословацкими лидерами тех обещаний, которые щедро раздавались ими русинским деятелям в процессе переговоров о присоединении Подкарпатской Руси к Чехословакии. Завышенные ожидания русинских общественных деятелей в отношении чехословацкой политики в своем большинстве не оправдались, что психологически способствовало распространению настроений разочарования, раздражения и обиды.

Конституционные нормы, содержавшиеся в шестой главе чехословацкой конституции, посвященной защите национальных и религиозных меньшинств, провозглашали широкие гражданские и политические права представителей меньшинств, хотя о коллективных правах речь не шла и не исключались определенные ограничения в реализации декларированных прав. Конституционные положения были сформулированы в достаточно общем виде, что позволяло органам власти обходить провозглашенные конституцией права[5]. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что правовое пространство, полученное русинами в Чехословакии в области политической и культурной деятельности, было настолько широким, что они не смогли использовать его в полной мере[6].

Языковые права национальных меньшинств Чехословакии регулировались законом № 122/1920, принятым в феврале 1920 г., и конкретизировались правительственным поста-

[5] Stanislav Konečný. Rusíni na Slovensku a štátoprávne zmeny v Československu do roku 1938 // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 100.

[6] Ibidem.

новлением от 3 февраля 1926 г., в соответствии с которым государственным языком Чехословакии был провозглашен «чехословацкий» язык; при этом в местах, где численность национальных меньшинств составляла как минимум 20%, органы власти были обязаны принимать запросы населения и отвечать на них помимо государственного языка также и на языке соответствующего меньшинства. Чехословацкое законодательство при соблюдении некоторых четко определенных условий также позволяло создавать школы, где языком обучения мог быть не государственный язык, а язык национального меньшинства[7]. Впрочем, практическая реализация предусмотренных чехословацким законодательством прав нацменьшинств в случае с русинами осложнялась целым рядом объективных и субъективных обстоятельств. Самыми важными из них были разный территориальный и правовой статус русинского населения (Прешовская Русь в составе Словакии, русинское население которой было в положении национального меньшинства, и Подкарпатская Русь как отдельная административная единица), а также наличие нескольких соперничающих между собой идентификационных моделей среди русинов. Большую роль играли и практические действия местных властей, которые, опасаясь венгерского ирредентизма и подрывной политики соседних государств, часто приносили формальное право в жертву национальным интересам Чехословакии.

В ноябре 1919 г. французский генерал Эннок, провозглашенный в качестве представителя чехословацкой армии «диктатором» Подкарпатской Руси, на основании решения правительства Чехословакии издал Генеральный статут, положивший основы временной организации управления на территории Подкарпатья. Касаясь языкового вопроса, Генеральный статут провозглашал, что местный «народный язык» является «языком преподавания и официальным языком вооб-

[7] Ibidem.

ще»[8]. Право окончательного решения вопроса о национальной принадлежности и языке местного населения отводилось будущему сейму Подкарпатской Руси. Затрагивая проблему административной раздробленности русинов, Генеральный статут констатировал, что «поскольку часть русинского народа является меньшинством ... на территории Словакии, правительство чехословацкой республики рекомендует представителям обеих народов вести переговоры о возможном присоединении части русинских земель к автономной русинской области»[9].

Один из приказов генерала Эннока, изданный осенью 1919 г., требовал, чтобы все венгерские вывески в Ужгороде были заменены вывесками на одном из славянских языков. «В течение нескольких дней ... появился на улицах нашего города, знавшего до сих пор только мадьярские вывески, целый ряд «русских» вывесок, – вспоминала летом 1921 г. ужгородская газета «Карпатская Русь» и, критикуя плохое знание русского языка местным населением, приводила примеры этих вывесок. – «Повозка фабрикантъ», «Продажа Гробныя Каменья», «Складъ и направа шияция машинъ» и т.д.»[10]. Газета констатировала, что высказанное тогда пожелание городскому управлению обратить внимание на недопустимость «небрежного и свободного» обращения с русским языком по происшествии более чем года так и не возымело действия. Впоследствии русинская пресса уделяла большое внимание теме русского языка и его употреблению в общественной и административной сфере.

Период «диктатуры военной и гражданской администрации» в Подкарпатской Руси продолжался с 1919 по 1923 год. Наряду с «диктатором» в лице французского генерала Эннока, управление Подкарпатской Русью первоначально осуществ-

[8] Slovenský Dennik. 17.12.1919.

[9] Ibidem.

[10] Карпатская Русь. 26.08.1921, № 11.

ляли доктор Ян Брейха, назначенный в августе 1919 г. министерством внутренних дел Чехословакии «администратором» Подкарпатской Руси, а также пятичленная Директория, состоявшая из наиболее авторитетных русинских политиков в лице Г. Жатковича, А. Волошина, Ю. Гаджеги, Э. Торонского и Е. Пузы. С самого начала члены Директории поддержали проукраинские шаги чехословацкой администрации в культурной и образовательной политике, что привело к мобилизации и активизации местных русофилов во главе с А. Бескидом, которые выступили против украинофилов и проукраинской политики Праги. Однако вскоре крайне ограниченные функции Директории, являвшейся по сути лишь совещательным органом при чешском «администраторе», вызвали недовольство главы Директории Жатковича, который в феврале 1920 г. подал в отставку. В ответ Прага отменила должность администратора и назначила Жатковича первым губернатором Подкарпатской Руси. С 1923 года механизм демократического парламентаризма был распространен и на Подкарпатскую Русь, где стали регулярно проводиться выборы в законодательные органы власти[11]. Генеральный статут, игравший по сути роль конституции Подкарпатской Руси, в 1920 г. был изменен и дополнен решениями правительства Чехословакии. В измененном виде этот основополагающий документ продолжал действовать вплоть до 1937 г., когда был принят новый закон[12].

Во главе Подкарпатской Руси формально находился губернатор, назначаемый Прагой из представителей местного населения. Однако реальным носителем исполнительной власти был не губернатор, являвшийся во многом формальной фигурой, а не предусмотренный положениями кон-

[11] Jan Brandejs. Vývoj politických poměrů na Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi, s. 72.

[12] См. Pavel Peška. K ústavnímu postavení Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 76.

ституции вице-губернатор. На должность вице-губернатора, выполнявшего одновременно функции земского президента и обладавшего реальными рычагами управления Подкарпатской Русью, обычно назначались представители чешского чиновничества[13]. Вице-губернатор осуществлял непосредственное руководство гражданской администрацией Подкарпатской Руси и главами ее отделов (финансового, образования и пр.), которые также были чехами. Наряду с губернатором, вице-губернатор подписывал все важные документы, а в случае разногласий между ними окончательное решение по данному вопросу принимало правительство в Праге. Во время губернаторства Г. Жатковича в 1920–1921 г. большую роль в управлении Подкарпатской Русью играл вице-губернатор П. Эренфельд, продолжавший руководить провинцией и после отставки Жатковича вплоть до назначения губернатором А. Бескида в 1923 году. Во время губернаторства Бескида в 1923–1933 г. роль вице-губернатора, которым стал представитель аграрной партии А. Розсыпал, еще более возросла.

Куцые полномочия губернатора Подкарпатской Руси и политика Праги, направленная на дальнейшее ограничение и без того скромных губернаторских прерогатив, были предметом постоянной критики русинских деятелей. В начале 1930-х годов особое возмущение русинской общественности вызвало ограничение прав губернатора в области назначения учителей в школы Подкарпатской Руси и передача этого права министерству просвещения Чехословакии[14]. «Губернатор при нынешнем положении ... является чиновником, носящим титул без компетенции, – резюмировал в июне 1933 г. «Карпаторусский Голос», оценивая деятельность умершего 16 июня 1933 г. второго губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида. – Мы уже пережили время, когда после отставки Жатковича место губернатора не было заполнено в тече-

[13] Ibidem.

[14] См. Карпаторусский Голос. 18 мая 1932, № 3.

ние двух лет ... Выборы в автономный сейм откладываются, права губернатора переданы частью министерствам, частью земскому президенту. А.Г.Бескиду, лишенному возможности осуществлять свои автономные права, ничего больше не оставалось, как протестовать перед правительством и подавать требования, в ответ на которые получались только обещания, что «автономия проведется». А в то время ... школьный реферат антидемократическим способом продолжал украинизацию и денационализацию наших детей»[15].

Предусмотренная Сен-Жерменским договором и конституцией Чехословакии автономия Подкарпатской Руси так и не была воплощена в жизнь за время существования первой чехословацкой республики. Только в ходе внутриполитических потрясений после Мюнхенского сговора и образования второй чехословацкой республики Подкарпатская Русь получила долгожданную автономию в октябре 1938 г. При этом первое автономное правительство Подкарпатской Руси во главе с А.Бродием вскоре было смещено на основании обвинений в провенгерской ориентации; второе правительство украинофила А.Волошина, переименовавшего Подкарпатскую Русь в Закарпатскую Украину, было в большей степени ориентировано на Берлин, нежели на Прагу. Тем не менее, это не спасло Закарпатскую Украину от венгерской оккупации в марте 1939 г., последовавшей сразу после занятия Чехии и Моравии германским вермахтом и образования независимой Словакии.

Управление Подкарпатской Русью в рамках чехословацкого государства игнорировало многие важные положения чехословацкой конституции и в известной мере выпадало из правового поля Чехословакии. Среди причин, объясняющих это обстоятельство, чешские авторы упоминают сложные социально-экономические, религиозные и культурно-языковые условия; низкий образовательный уровень

[15] Карпаторусский Голос. 24 июня 1933, № 137.

населения, недостаток собственной интеллигенции, а также популярность леворадикальных сил[16]. Довольно откровенно отношение чехов к автономии Подкарпатской Руси выразил в 1921 г. в своем обстоятельном донесении президенту Масарику Я. Нечас. «В большей степени, чем мадьяры и евреи, добиваются автономии Подкарпатской Руси мадьяронская интеллигенция и все те автохтоны, которые считают, что их рождение в Подкарпатской Руси дает им право на ведущее положение ... Поскольку в Подкарпатской Руси лишь незначительное число русинской интеллигенции и поскольку так называемая автохтонная интеллигенция происходит из мадьяризированных или мадьярских городов и не была воспитана на родном языке большинства народа, немедленное введение автономии ... означало бы в нынешних условиях передачу края в руки бывших венгерских чиновников и еврейства ... которые воспринимают нынешнее соединение Подкарпатской Руси с Чехословакией как временное явление ... – утверждал в своем письме Масарику Нечас. – Введение полной автономии в Подкарпатской Руси означало бы отказ от выполнения великой задачи, которую мы приняли на себя как освободители неграмотного и веками угнетаемого славянского населения»[17].

Любопытно, что пятнадцать лет спустя министр иностранных дел Чехословакии Бенеш, объясняя опасность автономии и невозможность ее введения в Подкарпатской Руси, повторил, по сути, те же аргументы. «Наряду с двумя третями славян треть населения Подкарпатской Руси составляют венгры и евреи, которые еще со времен прежнего режима занимают прочные политические и социальные позиции, – писал Бенеш в 1936 году, объясняя нежелание Праги предоставить автономию Подкарпатской Руси. – Поэтому можно легко представить,

[16] Pavel Peška. K ústavnímu postavení Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus..., s. 76.

[17] Jaromír Nečas. Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921), s. 45.

что при немедленном введении автономии возникла бы абсурдная и недемократичная ситуация, когда меньшинство получило бы власть над большинством ... Только абсолютно неинформированный человек может упрекать наше правительство в том, что в этих условиях не была введена автономия»[18]. При всей обоснованности данных аргументов нельзя не заметить, что пятнадцать лет – вполне достаточный срок для подготовки квалифицированных и лояльных кадров из местного населения. Все это подтверждает мнение тех, кто полагает, что чехословацкие власти целенаправленно тормозили создание условий для введения автономии, предпочитая управлять Подкарпатской Русью непосредственно из Праги.

Несмотря на пребывание в составе Чехословакии, русинское население Подкарпатской Руси, занятое в основном в сельском хозяйстве, как и во времена Австро-Венгрии, продолжало подвергаться интенсивной эксплуатации со стороны экономически господствующего венгерского и еврейского капитала. Чешская пресса в 1920-е годы нередко затрагивала тему «мадьярского и еврейского засилья» и злоупотреблений в Ужгороде и других городах Подкарпатья и Восточной Словакии. Так, в приложении к газете «Моравская Орлица» 8 декабря 1920 г. была опубликована статья о еврейском произволе по отношению к русинам в Ужгороде. В качестве примера в статье приводились сведения о том, что местные адвокаты-евреи за оформление паспорта в Америку, которое занимало всего несколько часов работы, требовали от бедных русинских крестьян по 1000–2000 крон, что было огромной суммой в тогдашней Чехословакии[19].

В гораздо большей степени, чем дискриминация русинского большинства венгерско-еврейским меньшинством, чехов

[18] Dr. Eduard Beneš. Podkarpatská Rus z hlediska zahraničně-politického // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi, s. 18.

[19] Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Ministerstvo zahraničních věcí – výstřižkový archiv, sign. 902, kart. č. 1759. Podkarpatská Rus – Zakarpatská Ukrajina 1919.

беспокоила перспектива дестабилизации в этом стратегически важном для них регионе, который связывал Чехословакию с Румынией – союзником Праги по Малой Антанте. Чехословацкие политики не без оснований опасались, что введение автономии могло быть использовано сепаратистскими венгерскими и провенгерскими силами для подрыва чехословацких позиций в Подкарпатской Руси. Готовность Будапешта разыграть «подкарпатскую карту» проявилась уже в октябре 1921 года, когда венгерское правительство обратилось в Лигу Наций с жалобой на Чехословакию, подняв вопрос о несоблюдении Прагой своих международных обязательств по предоставлению автономии Подкарпатской Руси. Впрочем, снисходительное отношение тогдашнего «мирового сообщества» к масариковской Чехословакии позволило Праге без особых проблем оправдаться указанием на многочисленные трудности, которые препятствовали предоставлению автономии. Амбивалентность пражской политики в Подкарпатской Руси состояла в том, что, старательно декларируя либеральные свободы, пражские чиновники в то же время всячески их ограничивали, не вполне доверяя местному населению и опасаясь активизации ирредентистского движения, в первую очередь венгерского.

«Неграмотный, до недавнего времени жестоко эксплуатируемый народ лишь инстинктивно чувствовал свои насущные потребности, – описывал ситуацию в Подкарпатской Руси один из чешских современников. – Мадьяры вместе с евреями и в новых условиях держали в своих руках промышленность, торговлю и землю ... целый ряд чиновников не скрывал своих антигосударственных настроений. Чехословацкое правительство не могло не учитывать эти настроения. Его политика исходила из того, что прежде всего необходимо создать предпосылки для введения самоуправления»[20].

[20] Josef Chmelař. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, s. 187.

Второй важной проблемой, решение которой было обещано чехословацкими лидерами, но так и не выполнено, являлось административно-территориальное единство русинов в рамках чехословацкого государства. Специфика положения русинского населения в межвоенной Чехословакии заключалась в том, что новая административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью, проходившая по реке Уж, разделила компактно населенную русинами территорию на две части, оставив значительную часть русинского населения (более 100.000 человек) в составе Словакии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, русины Восточной Словакии оказались в роли национального меньшинства без собственного административно-территориального образования и какой-либо автономии. Права словацких русинов регулировались параграфом № 6 конституции Чехословакии, который гарантировал каждому национальному меньшинству право пользоваться родным языком в общественной сфере и в прессе. В тех регионах, где проживало «значительное количество» граждан, относящихся к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, разрешалось использование родного языка в сфере образования[21].

В отличие от русинов Словакии, управление Подкарпатской Русью осуществлялось напрямую из Праги на основании Генерального статута, изданного чехословацким правительством 18 ноября 1919 г. Этот основополагающий для Подкарпатской Руси правительственный документ провозглашал официальным языком «народный» язык местного населения и декларировал нежелание чехословацких властей вмешиваться в местные межнациональные и языковые споры. Генеральный статут оставлял право окончательного решения вопроса о национальности и языке местного населения «законно избранному» сейму Подкарпатской Руси. Но поскольку сейм Подкарпатской Руси так и не был созван за все время существования первой чехосло-

[21] Ústava československé Republiky. Praha 1921, s. 30–32.

вацкой республики, национальные и языковые споры, продолжавшиеся в Подкарпатье весь межвоенный период, регулировались чехословацкими властями, реальная политика которых в Подкарпатской Руси скоро стала обнаруживать определенные проукраинские тенденции. Наиболее заметно это проявлялось в сфере образования, где власти отдавали явное предпочтение украинофилам. Упоминая о «части русинов, живущих в Словакии», Генеральный статут рекомендовал представителям обеих народов «вести переговоры относительно возможного присоединения русинских территорий в Словакии к автономному русинскому образованию»[22].

Эти обстоятельства оказали серьезное влияние на культурную и политическую эволюцию русинов в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии. По мнению П. Магочего, ситуация восточнословацких русинов была отмечена тремя отличительными чертами: 1) нерешенный вопрос единства с Подкарпатской Русью и постоянные трения со словаками по поводу политической лояльности, цензуры, языка обучения в школах; 2) тяжелая экономическая ситуация, еще более ухудшившаяся после экономического кризиса 30-х годов; 3) культурное возрождение, принесшее с собой проблему приемлемой национальной идентичности[23].

Еще в процессе переговоров о присоединении русинских земель к Чехословакии русинские лидеры получили согласие чехословацких политиков в том, что русины Пресовской области Восточной Словакии войдут в состав автономной Подкарпатской Руси. Хотя с образованием Чехословакии и это обещание пражских политиков было не выполнено, чехословацкие власти на словах не исключали возможности изменения административной границы между Словакией и Подкарпатской Русью с учетом пожеланий русинов, что сти-

[22] Slovenský Dennik, 17.12.1919.

[23] См. Paul R. Magocsi The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey. Wien 1983, p. 36.

мулировало активность русинских политиков в этом направлении. Ревизия словацко-подкарпатской границы и воссоединение прешовских русинов с русинами Подкарпатской Руси было принципиальным пунктом всех русинских требований, объединявшим русинских политиков независимо от их ориентации.

Первый губернатор Подкарпатской Руси Г.Жаткович постоянно поднимал вопрос об автономии и объединении русинских земель Восточной Словакии с Подкарпатской Русью во время своих переговоров с пражскими чиновниками. Нотки недовольства позицией Праги в этом вопросе заметны уже в меморандуме Жатковича жителям Подкарпатской Руси от 16 июня 1920 года. Призывая население Подкарпатской Руси к «самой строгой лояльности» по отношению к чехословацкой республике и обещая употребить все влияние «своего уряда для общего блага Подкарпатской Руси и Чехословацкой республики», Жаткович с заметным разочарованием сообщал о том, что «конечное решение границы Словакии и Подкарпатской Руси, которое по условиям Генерального статута оставлено было русинам и словакам, не осуществилось и передано на рассмотрение конституционному правительству и парламенту Чехословацкой республики и сейму Подкарпатской Руси»[24]. Нежелание Праги пойти навстречу русинам как в вопросе предоставления автономии, так и в объединении прешовских русинов с Подкарпатской Русью вынудило Жатковича в марте 1921 г. уйти в отставку.

«Во время моего пребывания в Ужгороде ... при личном общении с доктором Жатковичем я пришел к печальному заключению о том, что это человек упрямый и своенравный, который не желает видеть невозможность исполнения своих требований и который подходит к неграмотному мужику Подкарпатской Руси с теми же мерками, что и к просвещенному и образованному американскому гражданину, – делился свои-

[24] Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931, Číslo 3, Roč. 5, s.534–535.

ми впечатлениями о Жатковиче его бывший секретарь Нечас в письме Масарику в 1921 году. – Доктор Жаткович не хочет и не может понять, что для автономии нужен образованный и зрелый народ, который смог бы управлять самостоятельно»[25]. Чехов больше беспокоил не столько уход Жатковича с поста губернатора, сколько то обстоятельство, что он, будучи убежденным сторонником быстрого введения автономии в Подкарпатской Руси, мог использовать в этих целях свои широкие связи в Америке. «Его опасность состоит в том влиянии, которое он имеет у американских русинов, располагающих мощными организациями и способных оказать акциям Жатковича финансовую поддержку», – предостерегал Нечас Масарика. Впрочем, главными причинами отставки Жатковича Нечас считал не столько его разногласия с чехами, сколько соображения личного и материального характера. По словам Нечаса, в США в качестве адвоката Жаткович зарабатывал в несколько раз больше денег, чем на посту губернатора Подкарпатской Руси; кроме того, его жена-американка настаивала на возвращении в США[26]. Опасения чехов впоследствии оправдались. Вернувшись в США, Жаткович неоднократно выступал с публичной критикой русинской политики чехословацких властей.

* * *

Политический оппонент Жатковича русофил А. Бескид, возглавлявший Центральную Народную Раду в Ужгороде, также энергично поддерживал требования автономии и объединения русинских земель. В начале 1920-х годов Бескид и возглавляемая им Центральная Народная Рада направили ряд меморандумов правительству Чехословакии и президенту Масарику, в которых содержались требования автономии Подкарпатской Руси, изменения русинско-словацкой гра-

[25] Jaromír Nečas. Op. cit., s. 46.

[26] Ibidem, s. 47.

ницы и обеспечения прав русского языка как в Подкарпатской Руси, так и в русинских областях Восточной Словакии. По инициативе Бескида и его сторонников организовывались массовые выступления русинского населения, на которых принимались соответствующие резолюции. Так, в середине июня 1922 г. в восточнословацком местечке Медзилаборце состоялся многочисленный митинг русинского населения. «В митинге приняло участие около трех тысяч человек, – сообщал «Час» 15 июня 1922 года. – Среди выступавших были доктор Бескид, доктор Гагатко и доктор Каминский ... Все выступавшие протестовали против действий пражского и братиславского правительства. В принятых резолюциях содержались следующие требования: присоединение западных русинских жуп к автономной Подкарпатской Руси; введение русского языка в учреждения и школы; обеспечение доступа местного населения к государственной службе»[27].

Политическая активность прешовских русинов очень болезненно воспринималась словацкими властями, общественностью и прессой. Крайне негативная оценка русинского съезда, состоявшегося 24 ноября 1922 г. в Прешове, содержалась в газете «Словенски виход». Газета обрушилась с резкой критикой на участников съезда за их «античехословацкие настроения», определив характер этого мероприятия как «антигосударственный». Особое недовольство автора статьи о русинском съезде вызвало требование русинской общественности расширить границы Подкарпатской Руси «вплоть до Попрада», а также ее критическое отношение к отправке словацких учителей в русинские села, где они, по мнению русинской интеллигенции, «словакизируют русский народ». Газета обвиняла русинов в «неспособности оценить» усилия чехословацких властей, «стремящихся преодолеть отсталость местного населения»[28].

[27] Čas, 15.07.1922.

[28] E. Bohuň. Poznámky k rusínskému sjezdu // Slovenský Východ, 26.11.1922.

По инициативе А. Бескида, назначенного в 1923 г. вторым губернатором Подкарпатской Руси, в 1921 г. в Пресове была создана Русская Народная партия, лидеры которой отстаивали традиционные русофильские взгляды, трактуя русинов как часть русского народа и выступая за объединение русинов и в защиту культурно-языковых прав русинского населения Словакии. В апреле 1922 г. члены Русской Народной партии направили в Лигу Наций меморандум с требованием объединения русинов Подкарпатской Руси и Восточной Словакии, проведения выборов в парламент Подкарпатской Руси и обеспечения автономии Подкарпатья. В ответ на это требование чехословацкое руководство заявило о неготовности и недостаточной зрелости Подкарпатской Руси к введению автономии. Впоследствии этот аргумент в различных версиях постоянно использовался чехами для полемики с теми, кто обвинял Прагу в невыполнении обязательства по предоставлению автономии Подкарпатской Руси. В 1921 г. в Сенат Чехословакии был избран первый представитель русинов русофил Ю. Лажо, который продолжал ставить вопрос о русинском единстве, а также требовал представительства русинов в местных органах власти и знания русского языка местными чиновниками.

Назначение русофила А. Бескида, противника проукраинской политики чехословацких властей и оппонента Г. Жатковича, вторым губернатором Подкарпатской Руси в 1923 г., было связано с изменением политических декораций в Праге, где на смену правящим социал-демократам пришли аграрии. Стремление лидеров аграрной партии к консолидации политической ситуации в Подкарпатской Руси выразилось в некоторых уступках местным русофилам, результатом чего и стало назначение популярного среди русинов Бескида, который рассматривался правящими аграриями как наиболее подходящая фигура на должность губернатора. Реальная власть, однако, в большей степени принадлежала не Бескиду, а представителю аграрной партии вице-губернатору А. Розсыпалу. Со сменой руководства Подкарпатской Руси прежний полностью проук-

раинский курс Праги подвергся определенной корректировке в пользу русофилов, поскольку и губернатор Бескид, и вице-губернатор Розсыпал были противниками украинской ориентации. Тем не менее, корректировка проукраинской политики Праги носила косметический характер, поскольку такая принципиально важная сфера как образование и школьная политика по-прежнему была под контролем украинофилов.

Вопреки стремлению подкарпатских и прешовских русинов к воссоединению, новый административный закон, вступивший в Чехословакии в силу в 1928 г., окончательно утвердил и легализовал существовавшую границу между Словакией и Подкарпатской Русью, которая до этого считалась временной. В соответствии с законом 1928 г., территория Чехословакии делилась на четыре провинции: Чехию, Моравию-Силезию, Словакию и Подкарпатскую Русь; при этом границей между Словакией и Подкарпатской Русью осталась старая административная граница, в которую внесли незначительные изменения, но которая по-прежнему оставляла земли прешовских русинов в составе Словакии. Обещания пражских политиков изменить словацко-подкарпаторусскую границу в пользу русинов в очередной раз оказались нарушены, что вызвало сильное разочарование среди русинских общественных деятелей.

Важным фактором, усиливавшим стремление восточнословацких русинов к воссоединению с Подкарпатской Русью, была внутренняя политика словацких властей, с самого начала обнаруживавшая все более явные ассимиляторские тенденции. В 1922 г. министерство образования в Братиславе приняло решение о переходе с венгерского языка обучения в начальных грекокатолических школах Восточной Словакии на словацкий язык. В 1874 г. в период нахождения этих территорий в составе Венгрии русинский язык использовался в 237 начальных школах и, если бы соблюдалось положение чехословацкой конституции о защите национальных меньшинств, по меньшей мере именно это количество школ

должно было стать русинскими. Однако начиная с 1923–1924 учебного года лишь в 95 начальных школах Восточной Словакии использовался русинский язык, что свидетельствовало об интенсивной словакизации системы образования в Восточной Словакии[29].

Ассимиляционное давление на русинское население Восточной Словакии, когда власти настойчиво побуждали местное население идентифицировать себя как «чехословаков», проявилось в результатах переписей. В августе 1919 г. была проведена предварительная перепись населения в Словакии, в ходе которой лишь 93.411 жителей заявили о себе как о русинах. Это количество было на 16% меньше, чем число русинов на той же территории, зафиксированное венгерской довоенной переписью 1910 г., в соответствии с которой на территории Восточной Словакии проживало 111.280 русинов. Последующая перепись населения в Чехословакии в 1921 г. зафиксировала лишь 85.628 восточнословацких русинов, что было даже меньше результатов предварительной переписи 1919 г. Явно заниженное количество восточнословацких русинов в чехословацких переписях по сравнению с предшествовавшим периодом в значительной степени было результатом давления местных чиновников. Определенная дискриминация со стороны чехословацких властей в ходе переписей облегчалась тем, что часть местного населения, опасаясь за возможные неблагоприятные последствия венгерской оккупации и нахождения в составе Словацкой Советской республики, центр которой в июне 1919 г. находился в Пряшеве, легко принимала «чехословацкую» самоидентификацию, поскольку это могло быть интерпретировано властями как проявление политической лояльности.

Формулировки вопросов, задававшихся в ходе переписей местному населению, предоставляли чехословацким властям

[29] См. Paul R. Magocsi The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey, p. 37.

дополнительную возможность интерпретировать этническую принадлежность жителей Восточной Словакии в выгодном для себя смысле. Так, в ходе переписей населения в Чехословакии в 1921 и 1930 годах задавался вопрос о национальности, а не о родном языке, как это было во время предыдущих венгерских переписей. Между тем, вопрос о родном языке позволял более точно определить этническую принадлежность населения, в то время как вопрос о национальной принадлежности нередко запутывал респондентов, которые при ответе зачастую указывали гражданство, а не национальность. Отвечая на вопрос о своей национальности, респондент имел возможность выбора из заранее определенных вариантов ответов, предусматривавших «чехословацкую национальность», а также немецкую, мадьярскую, русинскую или еврейскую. Категория «чехословацкой национальности» в ходе переписи на территории Словакии играла коварную роль, выступая в качестве приемлемого варианта ответа для тех, кто не считал себя словаком, но имел чехословацкое гражданство. В результате часть русинского населения, являясь гражданами Чехословакии, выбирала «чехословацкую» национальность, путая гражданство и этническую принадлежность. При этом ситуация осложнялась тем, что словацкие власти были склонны трактовать всех указавших «чехословацкую национальность» на территории Словакии как словаков.

Все это обостряло отношения между словацкими властями и русинской общественностью, испытывавшей все большее разочарование от пребывания в составе чехословацкого государства. «Словаки ... – наши ближайшие по крови и духу славянские братья и соседи. С ними соединяет нас тяжкая, тысячелетняя неволя, в которой держали нас ... мадьяры ... Мы, руснаки, добровольно присоединились к чехословацкой республике и мы надеялись, что заживем с нашими братьями-словаками в добром славянском согласии ... К сожалению, так не случилось, – писала 3 ноября 1921 года издававшаяся в Прешове газета «Русь». – Уже три года мы свободны, а в русских селах школы

закрыты, русского урядника ... не найдешь, нашу веру и язык мало уважают, в урядах его не признают. Наши братья-словаки дошли до того, что заявили: «Русского народа в Шарише, Земплине и Спише нет». При недавней переписи в отношении к нам совершили страшную несправедливость. Чисто русские села записали словацкими. Высокие словацкие урядники вели агитацию против русского народа. Наших патриотов ... словацкие газеты называли мадьяронами ... Братья-словаки, что это значит? – вопрошала прешовская «Русь». – Опомнитесь! Словаками мы никогда не будем, а вы напрасно лишь посеете раздор между двумя братскими славянскими народами»[30].

Административное навязывание властями «чехословацкой» идентификации населению Восточной Словакии было связано и со стремлением окончательно «словакизировать» местных словаков, диалекты которых (спишский, шаришский и земплинский) заметно отличались от словацкой литературной нормы, что создавало предпосылки для культурно-языкового сепаратизма. Некоторые местные деятели отстаивали идею существования отдельного восточнословацкого («словяцкого») народа, что находило поддержку в соседней Венгрии. В декабре 1918 г. была даже провозглашена независимая восточнословацкая республика с центром в Кошице, которая вскоре была ликвидирована чехословацкими властями[31]. Культурно-языковые особенности местного русинского и восточнословацкого населения, создававшие питательную почву для сепаратистских настроений, и напряженные отношения с Венгрией, стремившейся использовать это в своих интересах, вызывали повышенное внимание чехословацких властей, которые активно боролись с проявлениями локального своеобразия, пытаясь гомогенизировать местное население в духе чехословацкой лояльности.

[30] Русь. Пряшев, дня 3 ноября 1921. Год I.

[31] Paul R. Magocsi The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey, p. 38–39.

Чехословацкая пресса нередко обнаруживала тенденцию ставить под сомнение само существование русинов и стремилась представить их лишь как этнографическую разновидность восточных словаков. Например, «Час» трактовал русинское национальное самосознание как «результат венгерской пропаганды, которая изобрела новую русинскую национальность в качестве противовеса развивающемуся словацкому движению, искусственно разжигая ненависть между грекокатоликами и римскими католиками ... Грекокатолики не принимали участия в национальном движении, их попы выступали против словаков, а когда была изобретена новая народность, руснацкая, дело раскола было завершено»[32]. С особой тревогой «Час» писал о русинском требовании ревизии границы между Подкарпатской Русью и Словакией. «Насколько мы информированы, – с удовлетворением заключал «Час», – в управлении восточными жупами не предполагается никаких изменений. Правительство решительно настроено противостоять русинским требованиям. Граница между Словакией и Подкарпатской Русью пока меняться не будет»[33]. Стремясь доказать «искусственность» русинов, «Час» утверждал, что диалект восточнословацких русинов более похож на словацкий, чем на русский или украинский языки. В качестве примера «Час» ссылался на некую русинскую листовку, которая распространялась в русинских областях Восточной Словакии перед переписью населения и утверждала, что численность русинов в Восточной Словакии составляет двести тысяч человек. Листовка была написана латинскими буквами. На этом основании «Час» доказывал, что язык листовки «с некоторыми оговорками можно считать восточнословацким диалектом» и что азбуку русинское население почти не понимает[34].

Тема венгерского засилья в Словакии и Подкарпатской Руси и потенциальной опасности венгерского ирредентизма, свя-

[32] Čas. 8.3.1921.

[33] Ibidem.

[34] Čas. 22.3.1921.

занной с угрозой большевизма, была очень популярна в чешской и русинской прессе в двадцатые годы. Особенно часто в этой связи чешские газеты критиковали Словацкую людовую партию А. Глинки за чехофобию и за то, что чехи воспринимали как «скрытое мадьяронство»[35]. Раздражение чешских журналистов вызывал и «полностью венгерский» облик Ужгорода и других подкарпатских и восточнословацких городов.

В январе 1926 года большой шум в чехословацкой и русинской прессе вызвала скандальная информация об участии высокопоставленных венгерских чиновников в изготовлении фальшивой валюты, которая впоследствии переправлялась за границу в соседние с Венгрией государства для финансирования деятельности провенгерских сил. «Мадьярские высшие урядники делали фальшивые гроши с согласия мадьярского правительства ... За фальшивые гроши проводили мадьяры свою пропаганду в других державах, – сообщал орган аграрной партии в Подкарпатской Руси «Карпаторусский Вестник». – Фальшивомонетчики искусно изготовляли французские франки и чехословацкие 500-кроновые банкноты ... В огромных массах изготовленные фальшивые гроши перевозил за границу полковник Jankovics, у которого после ареста были найдены мадьярские дипломатические паспорта ... Враги славянства не брезгуют самыми подлыми средствами для организации раздора!»[36] Аферу высокопоставленных венгерских фальшивомонетчиков чехословацкие и русинские публицисты расценили как «яркое выражение мадьярской ирриденты ... Мадьяры подписали мирные договоры, но в действительности они их не признают и... всюду выступают против них, – обвинял Будапешт «Карпаторусский Вестник». – Мадьярия по окончании мировой войны явилась осиным гнездом беспокойных элементов»[37].

[35] Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Ministerstvo zahraničních věcí – výstřižkový archiv, sign. 871, kart. č. 1740. Slovensko – národnosti 1920–1932.

[36] Карпаторусский Вестник. 7 января 1926, № 2.

[37] Карпаторусский Вестник. 13 января 1926, № 3.

* * *

Проявления открытой ассимиляционной политики со стороны чешских и особенно словацких властей вызывали многочисленные протесты русинской интеллигенции. «Пока мы ссоримся, изобретаем разные компромиссы, сочиняем несуществующие “руськие”, “русинские”, “материнские” и прочие языки, на наших русских территориях спокойно и систематически вводятся чешские и словацкие школы ... и самым грубым образом нарушаются наши автономные права»[38], – замечал один из русофильских публицистов. В 1930 г. «Народная Газета» даже сделала вывод о том, что «отдаленная от Карпатской Руси Чехия менее опасна соседней Словакии, которая уничтожает нашу карпаторусскую культуру на оторванной Пряшевщине хуже мадьяр... По словацкой теории, в Словакии нет русских, а есть только греко-католические словаки, которые должны бытьословачены, какие бы методы ни применялись»[39]. Подобная политика словацких властей стимулировала стремление восточнословацких русинов к воссоединению с Подкарпатской Русью. Все русинские конгрессы в Восточной Словакии требовали ревизии границы с Подкарпатской Русью, использование русского литературного языка в школах и в общественной жизни, а также привлечение представителей местного населения к работе в органах государственной власти[40].

Невыполнение обещаний о предоставлении Подкарпатской Руси автономии и объединении прешовских и подкарпатских русинов, а также недовольство ассимиляторскими тенденциями чехословацких властей было далеко не единственным источником недовольства русинов политикой Праги. Еще одним серьезным раздражителем стала нацио-

[38] Народная Газета. 1926, № 19.

[39] Народная Газета. 1930, № 1.

[40] См: Slovenský Dennik 31.5.1922; Slovenský Východ 26.11.1922.

нально-языковая и культурная политика чехословацких властей в Подкарпатской Руси. Если национальные права русинов Восточной Словакии зачастую не соблюдались и нарушались, то практические действия пражских чиновников в Подкарпатской Руси сразу стали обнаруживать отчетливые проукраинские тенденции, что вызывало категорическое неприятие местной русофильской интеллигенции.

Общее направление чехословацкой политики в Подкарпатской Руси определил президент Масарик, представления которого о русинах вообще и Подкарпатской Руси в частности были довольно поверхностными, плохо соответствуя его имиджу интеллектуала и знатока славянских народов. «Как католики, они резко отрицательно относились к великорусскому и православному течению и по тем же причинам отвергали украинцев. Кроме того, они были против галицких малорусов, – такую не вполне точную характеристику русинам давал Масарик в своих воспоминаниях. – В языковом отношении они были в самом начале развития литературного языка, придерживаясь своего наречия с правописанием более историческим, нежели фонетическим, что отличало их от украинцев. Что касается языка, то я одобрил введение малорусского языка в школы и учреждения ... При этом я обращал внимание на то, что малорусский язык должен быть развит на основе местного языка писателями этого народа; я опасался языковой мешанины; искусственного языкового синкретизма»[41]. Опасения Масарика оправдались довольно быстро – в известной степени благодаря определенной им самим культурной политике в Подкарпатской Руси.

Генеральный статут, принятый чехословацким правительством 18 ноября 1919 года, предполагал решить языковую проблему в Подкарпатской Руси введением «народного языка» в образовании и общественной сфере. Однако мест-

[41] T.G.Masaryk. Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. Praha 1925, s. 300–303.

ное восточнославянское население с самого начала рассматривалось чешскими учеными и правительственными чиновниками как этнографическая часть украинцев, говорящая на диалекте украинского языка. В ответ на запрос чехословацкого правительства академия наук Чехословакии подготовила специальный документ, в котором утверждалось, что языком местного населения является украинский язык, который и должен использоваться в Подкарпатской Руси. В протоколе о заседании чехословацких ученых-славистов, посвященном языку преподавания в Подкарпатской Руси, которое состоялось 4 декабря 1919 года, говорилось: «1) В вопросах языка необходимо в первую очередь учитывать мнение местных деятелей. 2) Местный диалект не должен быть поднят на уровень литературного языка; вместо этого в качестве языка преподавания необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием ... При этом осознание связи с русским языком не должно стираться, поэтому рекомендуется обучение русскому языку, а также словацкому и чешскому языку, в высших учебных заведениях. Профессор Нидерле полностью поддержал эти решения»[42]. Выводы чешских славистов о необходимости введения украинского языка в Подкарпатской Руси, таким образом, исходили в первую очередь из формально-лингвистических критериев, оставляя за скобками вопрос этнического самосознания русинов. При этом заявленная во втором пункте необходимость введения украинского языка противоречила первому пункту, декларировавшему важность учета мнения местных деятелей, настроенных в своем большинстве русофильски. Единственной важной уступкой местной языковой традиции было сохранение этимологического письма, так как фонетический украинский алфавит был совершенно незнаком местному населению.

[42] SÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č.588, sign.223, kart. č. 131, Zápis o poradě konané dne 4. prosince 1919 o vyučovacím jazyku v Podkarpatské Rusi.

Использование традиционного русинского этимологического письма при переходе на украинский язык было вызвано практическими соображениями, главным образом тем, что немедленное введение украинского литературного языка в образовательные и общественные учреждения Подкарпатской Руси было невозможно. «Перед нашим приходом на Подкарпатскую Русь на граде состоялось совещание под председательством пана президента, на котором нам было вменено в обязанность беречь местный народный язык и избегать всего, что могло бы оскорбить национальные чувства народа. Когда был издан Генеральный статут ... чешская Академия наук получила задание установить грамматические правила и правописание местного языка ... Было принято решение о том, что подкарпатский язык является языком малорусским и поэтому на Подкарпатской Руси должен употребляться украинский язык, – сообщал вице-губернатор Подкарпатской Руси в своем письме президиуму чехословацкого кабинета министров в 1924 году. – Принимая во внимание то, что местное население незнакомо с фонетическим алфавитом и что под влиянием церковнославянского языка оно привыкло к этимологическому алфавиту, необходимо использовать этимологию вместо фонетики ... В этом направлении я проводил языковую политику»[43]. В этом же письме вице-губернатор сообщал о том, что в 1920 году в соответствии с данным научным подходом он поручил доктору Панькевичу подготовить грамматику для местных школ, которая была издана и распространена в школах Подкарпатской Руси при прямом содействии министерства образования Чехословакии.

В конце своего донесения правительству вице-губернатор изложил еще один весомый аргумент в пользу принятого решения. «Для нас, чехов, в этом вопросе не менее важны политические соображения. Местный русинский язык гораз-

[43] SÚA, Fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č.588, sign.223, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

до ближе чешскому, нежели русский. Чех может его легко освоить; каждый русин тоже понимает чеха, если он говорит медленно. Почему мы должны отдалять от себя подкарпатских русинов, вместо того, чтобы наоборот приближать их к чешскому и словацкому языку? – задавал риторический вопрос высокопоставленный чешский чиновник. – Решением здесь является малорусский язык с этимологическим правописанием. Тем самым мы сделаем шаг навстречу местным элементам, приблизим Подкарпатскую Русь остальной республике и выстроим стену как против Украины, так и против России»[44]. Аналогичная мысль была высказана и в программе деятельности министерства просвещения Чехословакии на 1922 год, где откровенно говорилось о том, что «выбор направления (русского, украинского или местного) является вопросом политики, а не языкознания ... С точки зрения чехословацких государственных интересов предпочтительным является местный язык, так как после стабилизации положения в России или на Украине Подкарпатская Русь отошла бы в будущем какому-либо из этих государств ... Наоборот, поддержка местного языка, предполагающая существование малого народа, отделенного от русских и украинцев литературно-языковым барьером, не будет способствовать развитию центробежных тенденций и связь с чехословацким государством будет сильнее»[45].

Таким образом, часть чехословацких официальных кругов демонстрировала сознательное стремление закрепить и углубить культурно-языковые различия русинов как с русскими, так и с украинцами. Однако в дальнейшем интерес к практической реализации этого подхода в большей степени проявляли власти Восточной Словакии, опасавшиеся украинского сепаратизма, в то время как в Подкарпатской Руси при под-

[44] Ibidem.

[45] Цит. по: Іван Ванат. Українське питання на Пряшівщині в період домюнхенської Чехословаччини (1919–1939) // Дружно вперед, 1969, Н. 5, с. 8.

держке пражских чиновников активно протекала кампания украинизации. В целом трактовка карпатских русинов чехословацкими официальными лицами и академическими кругами как части украинского народа с некоторыми этнографическими и историческими особенностями была близка точке зрения украинских идеологов, считавших русинов украинцами, у которых было необходимо «пробудить» отсутствовавшее у них украинское самосознание. Но если украинские деятели были настроены «будить» украинское самосознание более решительно и радикально, то чехословацкие политики предпочитали постепенный и естественный процесс, учитывавший как местные особенности, так и чехословацкие национальные интересы.

Крайне напряженные отношения Чехословакии с Польшей в межвоенный период вызывали у чехословацких властей потребность в поддержании контактов с активистами украинского национального движения в Польше. В свою очередь, украинские идеологи в ходе этих контактов стремились оказать влияние на чехов, побудив их к более решительным действиям в проукраинском духе. Во время своего пребывания в Варшаве 23 февраля 1921 года депутат чехословацкого парламента от социал-демократической партии доктор Винтр встретился в посольстве Чехословакии с представителем украинского движения в Польше доктором Л. Ганкевичем. В своем донесении чехословацкому правительству о ходе этой беседы Винтр сообщал, что Ганкевич проинформировал его о крайне напряженных отношениях галицких украинцев с поляками, которых украинцы считают оккупантами и о надеждах галичан на Украину; при этом среди галичан распространено мнение, что «пока Украина под большевиками, будущее Восточной Галиции неопределенно». Отметив, что Подкарпатская Русь в составе Чехословакии является «светлым пятном» для галицких украинцев, Ганкевич тем не менее высказал чехословацкому парламентарию упрек в том, что «чехи в недостаточной мере стремятся заслужить доверие местного

населения. Система образования имеет недостатки. Украинских учителей мало ... учебники в Праге печатаются на ужасном языке ... Сейчас издается книга, которую Волошин издал еще при мадьярах на плохом языке; сейчас Волошин отказывается от этой книги как неудачной, но чехословацкое правительство ее распространяет»[46]. Безапелляционность, с которой украинский активист Ганкевич назвал «ужасным языком» традиционную русинскую этимологическую письменность и настоятельно рекомендовал чехам внести изменения в систему образования в украинском духе, ярко иллюстрирует нетерпимое отношение украинских идеологов к культурному наследию русинов и их нежелание учитывать какие-либо культурные особенности русинского населения.

Любопытно, что в 1921 г. визит в Прагу совершил глава украинских грекокатоликов Восточной Галиции граф А. Шептицкий. «Украинство есть злая хворь, как рак на теле: сожрет любовь, сожрет силу и все, что русский народ ... связывает, – эмоционально комментировала визит Шептицкого в Прагу прешовская газета «Русь». – Если ... муха сядет на дохлятину, то перенесет хворь и на другую живность. Точно так эту германскую хворь переносит польский граф Шептицкий, который ... пускает яд в Славянство. Прибыл он в Чехию и наговорил чехам, что для Чехии есть только одно спасение: Украинство»[47]. Последующие действия чехословацких властей свидетельствуют о том, что взгляды и рекомендации галицких украинцев оказали заметное влияние на русинскую политику Праги. После пребывания А. Шептицкого в чехословацкой столице на территории Подкарпатской Руси резко активизировалась деятельность монашеского ордена василиан из Галиции, которые распространяли украинскую пропаганду, используя структуры грекокатолической церкви. Особую роль в распростра-

[46] SÚA, Fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 418, sign. 37–40, kart. č. 57, Zpráva posl. Dra Wintra o zájezdu do Varšavy 23 února 1921.

[47] Русь. Пряшев, дня 13 октября 1921. Год I.

нении украинской культурной ориентации играла миссионерская, образовательная и издательская деятельность василиан. Опираясь на эффективную сеть церковных образовательных учреждений, василиане способствовали появлению молодого поколения грекокатолических священников-украинофилов в Подкарпатской Руси из числа местного населения.

* * *

С присоединением Подкарпатской Руси к Чехословакии перед Прагой встала проблема обеспечения новых территорий надежными, политически лояльными и профессионально подготовленными кадрами, нехватка которых ощущалась особенно остро в сфере образования и местного самоуправления. Старое чиновничество, в основном венгры и евреи, не пользовалось доверием чехословацких властей. Кроме того, часть венгерских государственных чиновников после вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии предпочла эмигрировать в Венгрию.

Для обеспечения учительскими кадрами открывавшихся в Подкарпатской Руси народных школ с преподаванием на местном «народном» языке, чехословацкие власти обращались за содействием к представителям интеллигенции из числа украинских и, в меньшей степени, русских эмигрантов. Так, в сентябре 1919 г. правительство Чехословакии обратилось к руководителям украинских сичевых стрельцов из Галиции, штаб которых находился в Северной Чехии, с предложением выделить учителей для подкарпаторусских школ. Хотя первоначально руководство Украинской Галицкой Армии (УГА) формально отклонило просьбу чехословацких властей, в действительности галичане отдавали себе отчет в важности пропагандистской работы среди подкарпатских русинов. Большое количество галицких украинцев отправилось вскоре работать учителями в отдаленные районы Подкарпатской Руси, где «учителя из Галиции чувствовали

себя вольготно, находясь вдалеке от контроля органов власти и рядом со своей Галичиной чтобы нелегально переходить практически неохраняемую границу с Польшей и навестить в Галичине своих родственников»[48].

Под контролем галицких эмигрантов постепенно оказались не только народные школы, но и некоторые гимназии, в том числе созданная чехословацкими властями русинская учительская гимназия в центре этнических венгров г. Берегово, где после отъезда венгерских госслужащих освободилось здание местной венгерской средней школы, на базе которой и была образована русинская гимназия. По признанию одного их преподавателей береговской гимназии галичанина В. Пачовского, русинское образование в Подкарпатской Руси развивалось с ориентацией на Галицию, в чем большую роль сыграли галицкие эмигранты[49]. Профессором ужгородской гимназии, также обучавшей русинскую молодежь в украинском духе и ставшей кузницей украинофильских кадров среди карпатских русинов, был один из самых видных идеологов украинофилов, автор украинофильской грамматики И. Панькевич, биография которого представляется весьма примечательной.

Доктор И. Панькевич, уроженец Галиции, где он принимал активное участие в украинском национальном движении в качестве секретаря львовского общества «Просвита», прибыл в Ужгород из Вены после непродолжительного, но весьма плодотворного визита в Прагу. Министерство образования Чехословакии приняло его на работу в качестве филолога-эксперта в созданный тогда школьный отдел министерства. Начальник школьного отдела Й. Пешек, занимавший эту должность в 1919–1924 гг. и энергично поддерживавший назначения галицких эмигрантов-украинцев в качестве учителей и работников сферы просвещения, ввел грамматику Панькевича, опубли-

[48] Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. С. 82.

[49] Там же. С. 83.

кованную в 1922 г., в качестве обязательного учебного пособия во все школы Подкарпатской Руси, что вызвало многочисленные протесты русофильской интеллигенции. Согласно рекомендациям Чешской Академии наук, грамматика Панькевича, написанная этимологическим письмом и учитывавшая местные разговорные диалекты, была ориентирована на украинские грамматические нормы и, по сути, готовила местное население к постепенному принятию украинского литературного языка. «Хотя сторонники украинской ориентации критически относились к грамматике Панькевича, поскольку она не соответствовала грамматическим правилам украинского литературного языка, – отмечал один из украинских деятелей, – эта грамматика в целом сыграла очень позитивную роль»[50].

Будучи убежденным украинцем и последовательным сторонником перехода подкарпатских русинов на украинский литературный язык, Панькевич, тем не менее, прекрасно отдавал себе отчет в невозможности его немедленного введения в Подкарпатской Руси, поэтому его «грамматика», опубликованная в 1922 г., была своего рода компромиссом, совмещавшим галицко-украинскую грамматическую основу с местными закарпатскими диалектизмами. Примечательно, что в последующих изданиях своей «грамматики» в 1927 и 1936 г. Панькевич, сохраняя традиционную русинскую орфографию, целенаправленно избавлялся от карпаторусинских диалектизмов, последовательно вводя все больше элементов украинского литературного языка[51]. В то же время, русофильская грамматика Сабова, созданная в противовес украинофильской грамматике Панькевича, вплоть до 1936 г. отвергалась чехословацкими властями в качестве учебного пособия для местных школ вопреки мнению большинства русинских учителей

[50] Ключурак С.. До громадської діяльності д-ра Панькевича в Закарпатській Україні // Науковий Збірник музею української культури в Свиднику. 1969, №4. С. 260–261.

[51] См. Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 139.

и общественности, выступавших за русский язык обучения и за русские грамматики.

«Грамматика» украинофила И. Панькевича, фактически подготавливавшая местное население к переходу на украинское правописание, пользовалась постоянной поддержкой министерства просвещения Чехословакии и являлась официальным учебным пособием во всех школах на территории Подкарпатской Руси. Судя по всему, одна из причин стойкой симпатии чехословацких чиновников к «грамматике» Панькевича заключалась в том, что в процессе ее написания Панькевич стремился угодить чехам, вводя элементы чешской терминологии в свое пособие. Отвергая критику своей «грамматики» со стороны русофильского «Учительского Товарищества Подкарпатской Руси», Панькевич в своем письме чехословацкому правительству в 1924 г. выражал несогласие с обвинениями в игнорировании существующих грамматик и в «насаждении неологизмов и полонизмов», обращая внимание высокопоставленных пражских чиновников на то, что все его терминологические нововведения больше всего соответствуют именно чешским грамматикам[52].

Вместе с тем, использование многочисленных альтернативных «грамматик», написанных русофилами, искусственно ограничивалось чехословацкими властями вопреки постоянным протестам русофильской интеллигенции, влияние которой на местное население было поначалу значительно большим, чем влияние украинофилов. Так, языковая комиссия, состоявшая из представителей местной интеллигенции, в ноябре 1927 года подавляющим большинством высказалась за преподавание в школах на русском языке: четыре члена комиссии отдали предпочтение русскому как языку обучения и только два – украинскому[53].

[52] SÚA, Fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign.223, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

[53] Народная Газета. 1927, № 17.

Русинская пресса выступала с постоянной критикой кадровой политики чехословацких властей в области образования и обращала внимание на засилье галицких украинцев среди работников просвещения в Подкарпатской Руси. В феврале 1934 г. «Карпаторусский Голос» информировал своих читателей о том, что львовская газета «Діло» призывает галичан занимать учительские места в школах Подкарпатской Руси, сообщая об объявленном школьным отделом Ужгорода конкурсе на 183 места «управителей школ» и 412 учительских мест. «Так как на «Закарпатье» недостаток местной интеллигенции, газета предлагает галицким украинцам занимать места учителей на Подкарпатской Руси, – комментировал статью в львовской газете «Діло» «Карпаторусский Вестник» и с иронией заключал. – Газета, вероятно, имеет хороших информаторов из «шкільного реферату», если так точно знает, сколько учительских мест не заполнено! Приехать на Подкарпатскую Русь и приобрести гражданство ... галицким украинцам не тяжело»[54]. Русофильская пресса постоянно требовала «освободить наши карпаторусские школы и уряды от засилия украинствующих эмигрантов», утверждая, что «свободные места в школах и урядах на Подкарпатской Руси должны быть предоставлены карпатороссам»[55].

Галицкие интеллигенты воспринимали русинов Подкарпатья как пассивный объект своей культурно-просветительской миссии. Влияние галичан затрагивало различные сферы общественной жизни Подкарпатской Руси, ориентируясь в первую очередь на местную молодежь, которой галицкие интеллектуалы самыми разнообразными способами пытались привить украинское самосознание. «Галичане М. Демчук и Л. Бачинский создали молодежную организацию пластунов ... которые на практике осваивали те навыки, которые были необходимы оуновцам в борьбе с местными поляками в Галичине. Профессор В. Бирчак через галицких политэмигран-

[54] Карпаторусский Голос. 8 февраля 1934, №483.

[55] Карпаторусский Голос. 14 марта 1934, №510.

тов-поэтов ... помогал молодым литераторам-русинам писать на украинском языке. С помощью галичан молодой русинский поэт В. Гренджа-Донской ... в 1924 г. издал впервые в истории Подкарпатской Руси книжечку «Квіти з терном» на украинском языке. С помощью галичан, – отмечают П. и С. Годьмаш, – украиноязычными поэтами и писателями стали Ю. Боршош-Кумятский, Ф. Могиш, И. Колос и другие, поскольку их произведения издавались на средства Украины»[56].

Постоянно прибегая к услугам украинцев – галичан, игравших особенно важную роль в сфере образования в Подкарпатской Руси, чехословацкие власти в то же время избегали использовать представителей многочисленной русской эмигрантской общины Чехословакии в качестве преподавателей в учебных заведениях Подкарпатья. Отношение чехословацких властей к российским эмигрантам в вопросе трудоустройства было вообще довольно жестким. Русским эмигрантам «разрешалось работать только в русских организациях, финансируемых МИДом; они не пользовались равными правами на местном рынке труда. В марте 1928 г. Чехословакия приняла закон, охраняющий местный рынок труда. В соответствии с законом, право на трудоустройство имели лишь те иностранцы, которые прибыли в Чехословакию до 1 мая 1923 года ... Те, кто приехал в страну после 1 мая 1923 г., мог получить разрешение на работу только в исключительных случаях ... Чехословакия предоставила русским студентам возможность завершить образование, но возможности найти после этого работу были крайне ограничены, особенно в государственных заведениях ... Эмигрантам было запрещено заниматься мелким бизнесом. Русские были в числе тех, кого увольняли в первую очередь»[57]. Символично,

56. Годьмаш П, Годьмаш С. Ук. соч. С. 83.

57 Elena Chinyaeva. Russian Émigrés: Czechoslovak Refugee Policy and the Development of the International Refugee Regime between the Two World Wars // Journal of Refugee Studies, Vol. 8, No. 2, 1995, p. 159.

что в 1922 г. из 106 работавших в Подкарпатской Руси учителей-эмигрантов, 79 были украинцами и только 29 – русскими[58]. Между тем, в условиях широко распространенной неграмотности русинского населения личность учителя и задаваемое им направление культурно-языковой ориентации часто играли решающую роль в процессе первичной социализации и становлении идентичности молодого поколения.

«Карпатский Свет», критикуя политику чехословацких властей в области образования, обращал внимание на то, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но ... создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые министерство народного просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, указывающих на их полное несовершенство, все же нашло уместным не только рекомендовать, но и признать единственными для преподавания ... Неужели из нас желают воспитать вместо русских людей, солидарных своему государству, украинствующих ирридентов? – вопрошал «Карпатский Свет». – ... Весь мир преклоняется перед русской культурой, все знают Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, но кто знает украинских гениев? Где они?»[59]

Представители русинов Восточной Словакии также воспринимали чехословацкую политику в Подкарпатской Руси как прямую поддержку украинофилов. Лидер Русской Народной партии в Восточной Словакии доктор Мачик писал, что «украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения; народ называет украинцев поляками и предпочитает оставить своих детей неграмотными, чем заставить их учиться такому языку ... Будущее нашего народа в России, – утверждал Мачик. – По-видимому, украинские стремления поддерживаются некоторыми членами пра-

[58] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 170.

[59] Карпатский Свет. 1929, 5–15. С.615–616.

вительства. Причина этого абсолютно непонятна для нашего населения: русского чувства в нем невозможно искоренить никогда, никакими средствами»[60].

Политика официальной Праги уже к середине 1920-х годов воспринималась многими деятелями русинского движения как пагубное экспериментирование над русинским народом. «Нет в республике ни одной такой народности, которая бы подвергалась таким экспериментам, – говорилось в предвыборном обращении Русской Народной партии «К нашему Русскому Народу» в октябре 1925 г. – ... Эксперименты языковые, политические, административные, религиозные ... – это общее явление ... Чем дальше продолжаются эти ненормальные явления, тем глубже тонут наши экономические, культурные и национальные интересы»[61].

В двадцатые годы русинская пресса как в Восточной Словакии, так и в Подкарпатской Руси уделяла все большее внимание критике чехословацких властей, политика которых вызывала растущее разочарование среди русинской интеллигенции. В своем открытом письме президенту Масарику в 1928 г. представитель русофильской интеллигенции парох Эмилий Левканич писал: «В моих ушах звучат исторические слова Ваши, господин Президент: «Я русский народ люблю и буду всегда вам на помощи». Сначала все показывалось к наилучшему. Славянский общелюбимый вождь К. Крамарж с самой большой охотой начал реорганизацию нашего края. Но эта радость не долго продолжалась ... Началась австрийская система: «Divide et impera». Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую – словакизируют наши чехословацкие славянофилы. В Подкарпатской Руси – 18 тысяч чешских урядников ... Школьный отдел – как будто уже нет ни одно-

[60] Народная Газета. 1925, № 3.

[61] Народная Газета. 1925, № 21.

го соответствующего русского человека – чисто чешский. Корреспонденция ведется на чешском языке. В Пряшевской Руси, где 200.000 русского населения, нет ни одной русской гимназии ... Кто будет защищать нашу славянскую республику, – задавал вопрос автор письма, – если так легкомысленно выбрасывают славянский русский элемент из штатотворного фронта?»[62] Письмо Левканича может служить иллюстрацией общего разочарования русинских общественных деятелей опытом своего нахождения в составе Чехословакии. Если консерваторы-русофилы были недовольны культурно-языковой политикой Праги, то местные коммунисты, бывшие самыми радикальными приверженцами украинской ориентации, помимо критики ассимиляционной политики чехословацких властей, обвиняли Прагу в социально-экономической эксплуатации Подкарпатской Руси, заявляя, что «правительство ведет себя у нас все время как в завоеванной колонии»[63].

Критический тон русинской прессы, недовольной политикой чехословацких властей, усилился в тридцатые годы. Наибольшей критике со стороны русофилов подвергалась проукраинская политика Праги в Подкарпатской Руси и ассимиляционная политика словацких властей по отношению к русинам Пряшевщины.

[62] Народная Газета. 1928, № 10.

[63] Карпатська Правда. Число 28, 10 липня (июля) 1927.

Глава 4
Борьба идентичностей среди русинов

РУСОФИЛЫ, УКРАИНОФИЛЫ И РУСИНОФИЛЫ

«До войны никто из нас даже не слышал о подобной чудовищности, что мы украинского происхождения ... Это украинское чудовище появилось у нас неожиданно».

(Народная Газета. 1930, № 2).

«Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским ... Царизм ... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ».

(Свобода. 21 февруара 1929, № 8).

«На Подкарпатской Руси голод, а правительство вместо того, чтобы побольше заботиться о голодающих, миллионы выбрасывает на украинизацию Подкарпатской Руси. «Просвита» уже третий миллион получает, а голодающий русский народ с отчаянием просит помощи».

(Карпаторусский Голос. 13 августа 1932, № 69).

Зарождение и растущее влияние украинского культурного фактора в Подкарпатской Руси, представлявшего собой совершенно новое явление, ранее неизвестное местному населению, в условиях межвоенной Чехословакии было вызвано несколькими обстоятельствами.

В первую очередь это было связано с влиянием соседней Галиции. Массовая эмиграция галицких украинцев в ЧСР привела к тому, что многие из них осели на территории Подкарпатской Руси и активно включились в украинскую пропаганду, стремясь «пробудить» у этнически близкого им местного русинского населения украинскую самоидентификацию. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в начале 1930-х гг. официальное количество украинцев, имевших статус эмигрантов в ЧСР, составляло около 6000 человек. Примерно 30% из них были выходцами из Галиции[1]. Учитывая то, что в начале 20-х гг. число украинских эмигрантов в ЧСР было намного больше, чем в 30-е гг., большое влияние украинской интеллигенции на ситуацию в Подкарпатской Руси становится очевидным. По воспоминаниям одного из украинских эмигрантов, «когда в июле 1919 г. полк Крауса из украинской галицкой армии пришел в Подкарпатскую Русь, много галичан осталось здесь на постоянное жительство. Они развернули украинскую пропаганду и учредили общество «Просвита» ... Русины-автохтоны объявили себя руським народом и основали общество имени А.Духновича ... Русины разделились на два враждебных лагеря, а чехословацкое правительство использовало это разделение, поддерживало и тех, и других, а когда русины начали добиваться автономии, чехословацкие власти отказывали и требовали, чтобы до получения автономии русины пришли между собой к согласию»[2]. Символичным представляется и тот факт, что ведущие представители и теоретики украинофильства, включая филологов И.Панькевича, В.Бирчака и других, были не местными уроженцами, а эмигрантами из Галиции. Со временем украинофилам удалось привлечь на свою сторону часть русинской интеллигенции Подкарпатской Руси.

[1] Tejchmanová S. Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // Slovanský Přehled, 2/1992, s.184.

[2] Кміцікевич Ярослав. 1919 рік на Закарпатті. Спогад // Науковий збірник музею української культури в Свиднику, 1969, 4, с.391.

Культурные и политические приоритеты, провозглашаемые украинофилами, были неприемлемы для русинских традиционалистов. Украинофилы настаивали на принятии украинской фонетической орфографии, что вступало в противоречие с традиционной русинской этимологической системой письма, близкой церковнославянскому и русскому литературному языкам. Кроме того, идеологический и культурный облик украинофильского течения в его радикальном галицком варианте предполагал полный и категорический отказ от традиционных русинских ценностей и культурного наследия, отмеченных глубокой русофилией, преклонением перед Россией и русской культурой и верностью идее «единого русского племени от Карпат до Тихого океана». Полная противоположность традиционной русинской и новой для карпатских русинов украинской идеологий создавала питательную почву для постоянного противоборства, приобретавшего довольно радикальные формы.

* * *

Пропагандируемые украинофилами ценности воспринимались представителями русофильской русинской интеллигенции как нечто нелепое, абсолютно чуждое и враждебное. «До войны никто из нас даже не слышал о подобной чудовищности, что мы украинского происхождения ... Это украинское чудовище появилось у нас неожиданно, – писала в 1930 г. «Народная Газета» и с осуждением заключала. -... Хотят нас убедить, что нам нет дела до России, ибо мы – русины – украинцы»[3].

Полемика украинофилов и русофилов, доминировавшая в русинской прессе в течение всего межвоенного периода, затрагивала весь спектр мировоззренческих вопросов, ярко отразив такую особенность традиционного русинского миро-

[3] Народная Газета. 1930, № 2.

восприятия, как приверженность идее восточнославянского единства и историческому наследию Киевской Руси. Русофилы рассматривали Россию как прямую преемницу Киевской Руси, что было связано с их тезисом о существовании единого русского народа. Русофильская пресса в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии поддерживала и пропагандировала идею общерусского единства, включая «южных русских» и белорусов. «Название «русский» не свойственно только одному великоросскому племени, но в равной мере принадлежит и южноруссам, и белорусам; оно является родовым понятием, объединяющим всю совокупность видовых понятий, – утверждал один из представителей русофильской интеллигенции В. Вилинский в своей статье «Корни единства русской культуры». – Несмотря на разделение прежде единой русской земли ... ни в Северо-Восточной, ни в Юго-Западной части ея не забывалось бывшее общим для обеих частей имя Русь»[4].

Сами карпатские русины рассматривались местными русофилами как малая, самая западная ветвь великорусского дерева, сохранившаяся только благодаря духовной связи с Россией. «В славянском мире немало есть исторических примеров, когда славянская ветка, занесенная в чужестранную пустыню, погибала в песках, – писал В. К. Могильницкий, представитель союза карпаторусской молодежи «Возрождение» в Праге. -... Сколь счастливы мы – карпатороссы. И причиною тому является то обстоятельство, что наша веточка все еще держится и питается соками великого русского дерева. Как только мы допустим объявить себя «самостоятельным» племенем, как только оторвемся мы от живительной традиции наших достопамятных предков ... мы погибнем»[5]. Русинская пресса в Восточной Словакии отличалась наибольшим радикализмом в полемике с украинофилами. Если представители украинского течения доказывали «украинскость» руси-

[4] Карпатский Свет. 1928, 4. С. 68.

[5] Карпатский Свет. 1928, 1–2-3. С. 32.

нов, то русинские традиционалисты-русофилы отрицали само существование украинцев как отдельного народа. Печатный орган Русской Народной партии в Восточной Словакии «Народная Газета» постоянно публиковала острые полемические статьи, утверждавшие, что украинское национальное движение было не более чем искусственным феноменом, изобретенным в Берлине и Вене с целью расколоть русский народ и ослабить его единство.

Председатель Русской Народной партии в Восточной Словакии доктор Мачик, выражая взгляды русофильской интеллигенции, рассматривал Украину только как географическую часть России и отрицал существование отдельного украинского народа. На страницах «Народной Газеты» Мачик утверждал, что все украинское движение представляет собой не более чем «предательские устремления определенных кругов» подорвать единство русского народа и подчинить его иноземному игу. «Австрии было невыгодно русское самосознание в Галиции и вот австрийское правительство рука об руку с польской шляхтой ... старается создать из русского населения Восточной Галиции особый, отличный от русского, народ с отдельной культурой и особым языком ... – писал доктор Мачик. – ... На помощь к этому стремлению приходят иезуиты. Под видом реформы ордена св. Василия поместили там иезуитов, которые старались создать особый язык, всем славянским языкам чуждый, язык украинский, устраивали в Галиции интернаты, в которых воспитывали в желательном для них духе новую интеллигенцию ... Доктор К. П. Крамарж сообщает следующий любопытный эпизод ... он работал в венских архивах, где познакомился с чиновниками министерства народного просвещения. Пригласив одного из них на прогулку за город, он получил отказ и на вопрос, чем же он так занят в министерстве, услышал ответ: «Не могу, мы должны наспех делать украинскую грамматику». Славянский мир боролся за свободу, а «самостийники» организовывали в Галиции легионы для борьбы против России ... Все стрем-

ление этой партии (а не народа, ибо особого украинского народа не существует), – резюмировал доктор Мачик, – разбить единство русского народа и подвергнуть его чужому игу ... У нас в бывшей Венгрии не найти ни одного мужика, который бы назвал себя украинцем, а не русским. Здесь у нас не было ни одного писателя, который бы примкнул к украинизму. Украинские стремления чужды каждому нашему мужику. Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения»[6].

Яркой иллюстрацией отношения русинской интеллигенции к украинской пропаганде в двадцатые годы может служить статья студента Пражского университета Николая Калиняка, который писал в «Народной Газете», что «Украина не может представлять собой... краины в национальном смысле, а прямо название это происходит от территорий в юго-западной части России.... Как и у других народов, так и в нашем русском народе нашлись юдаши, фарисеи, которые запродали свое русское убеждение за деньги и таким образом появились «лже-украинцы», купленные за Австро-Венгерские короны ... Так называемые украинцы должны были удирать со своим атаманом Петлюрой куда кто мог. Этой армии некоторая часть попала в нашу республику, которая их принимала в гости, не зная, кто они такие. Это те же самые, которые на русских позициях убивали чешскословенских легионеров»[7]. Редакция «Народной Газеты» и русофильски настроенные русинские деятели часто обращали внимание чехословацкой общественности на то, что амбициозные внешнеполитические планы украинских политиков могут со временем поставить под угрозу территориальную целостность Чехословакии и что во время Первой мировой войны украинские военные формирования сражались на стороне Германии, против которой воевали чехословацкие легионеры.

[6] Народная Газета. 1925, № 3.

[7] Народная Газета. 1924, № 1.

Представители русофильской интеллигенции крайне негативно воспринимали любые проявления общественно-политической активности украинцев и болезненно реагировали на факты поддержки украинофилов со стороны чехословацких властей. Так, в 1921 г. союз подкарпаторусских студентов «Возрождение» в Праге направил правительству Чехословакии меморандум, в котором выражал протест против перенесения украинского университета из Вены в Прагу и призывал чехословацкие власти создать русский университет[8].

Одним из наиболее последовательных украинофилов из числа местных русинов – уроженцев Подкарпатской Руси был грекокатолический священник и глава народной партии Августин Волошин, проделавший сложную мировоззренческую эволюцию от ярого противника украинцев до убежденного сторонника украинской ориентации. С начала 1920-х годов Волошин уже был активным украинофилом, хотя еще в 1909 г. он в весьма резких выражениях осуждал «страшную заразу украинизма»[9] в Галиции. Причины столь радикальной смены ориентиров, судя по всему, заключались не только в национальном «пробуждении», в результате которого Волошин осознал себя украинцем, но и в конъюнктурных соображениях.

Органом местных народовцев-украинофилов была издаваемая Волошиным и украинофильским грекокатолическим духовенством Подкарпатской Руси еженедельная газета «Свобода», которая первоначально использовала традиционное русинское «язычие» с ориентацией на местные диалекты, постепенно вводя все больше элементов украинского литературного языка. «Свобода», выступавшая с позиций воинствующего грекокатолицизма, настойчиво пропагандировала идею особности русинов от великороссов, одновременно проводя

[8] SÚA, Fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

[9] Болдижар М. Закарпаття між двома світовими війнами: факти, події, люди, оцінки. Ужгород, 1996. С. 93.

мысль о тождественности русинов и украинцев. «Мы не стремимся к какому-то панскому, но чужому нам змосковщеному язычию ... Мы знаем, что история уже давно развела нас и великороссов и что объективная наука это признала, – писала «Свобода» в феврале 1923 г. – Царская централизованная политика России стремилась подчинить нашу культуру, остановить развитие нашего языка. Царская Россия о нас не заботилась. После 1849 г. она могла бы легко обеспечить нам народную свободу, но этого не сделала, так как это не служило целям централизации»[10].

Основной пафос волошиновской «Свободы» был направлен против русского языка и его использования в Подкарпатской Руси; при этом всячески подчеркивалась чуждость русского языка местному населению. Так, сообщая о заседании «Просветительского комитета» в Ужгороде в феврале 1923 года, на котором выступавшие говорили по-русски, «Свобода» заостряла внимание на том, что собравшиеся на заседание русины «не понимали ни единого слова» и требовали «толмача». «Мы не хотим украинизацию, но протестуем против того, чтобы «наши просветители» говорили по-московски»[11], – приводила «Свобода» реплики участников мероприятия из числа местных жителей.

Сам А. Волошин часто выступал на страницах «Свободы» в роли публициста, пропагандируя украинские идеи и национальные символы среди русинов. «Сине-желтое знамя с давних пор было знаком нашей народной индивидуальности ... Наш народ очень любит эти цвета. Синее небо и золотой колос – это радость и утеха для земледельца, – писал 13 декабря 1923 г. в одной из своих статей А. Волошин и тут же, опровергая собственное утверждение о «всенародной» любви к этим цветам, продолжал. – Нашлись больные, глупые или злые люди, которые против этого знака посмели выступить ... При

[10] Свобода. 18 фебруара 1923. Число 6.

[11] Свобода. 25 фебруара 1923. Число 7.

въезде нового губернатора ... (*речь идет о втором губернаторе Подкарпатской Руси А.Бескиде, который сменил на этом посту Г.Жатковича – К.Ш.*) ... они разорвали наш флаг и даже ввергли его в болото ... То же самое сделали прихвостни реакции и в Мукачево»[12].

Стремясь всячески дискредитировать своих оппонентов-русофилов и все, связанное с Россией, украинофилы часто обвиняли русских в связях с мадьярами. «Ряд российских генералов, офицеров, отставных политиков... получают периодическую финансовую поддержку от мадьярского правительства, – сообщала «Свобода» в июне 1923 г. – В Будапеште есть ... войсковая миссия генерала Врангеля, официально признанная мадьярским правительством. Эмигранты-монархисты из России находят теплый прием у мадьярской интеллигенции, особенно приближенной к урядовым кругам»[13]. Любопытно, что о теплом приеме, оказанном ему в Венгрии, вспоминал позднее А.И.Деникин. «Не раз в Венгрии мне пришлось встречаться с бывшими врагами, участниками войны ... и всегда эти встречи были искренно радостны. Особенно дружелюбное отношение проявили к нам офицеры ... 38-й гонведной дивизии, с которой судьба несколько раз столкнула на полях сражений Железную дивизию, – писал А.И.Деникин. – В Первой мировой войне сохранялись еще традиции старого боевого рыцарства»[14].

Со временем язык «Свободы» приближается к нормам украинского литературного языка. Отдельные авторы, публиковавшиеся в «Свободе», среди которых был известный украинофил М.Бращайко, писали свои статьи на чистом украинском языке. Наряду с этим, «Свобода» все более открыто заявляет об «украинскости» русинов. «Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским, – просвещала «Свобода» своих

[12] Свобода. 13 децембра 1923. Число 48.

[13] Свобода. 6 юния 1923. Число 21.

[14] Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 339.

читателей в 1929 г. – ... Царизм при помощи всего административного аппарата и преследований ... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ»[15]. Объектом постоянных нападок «Свободы» были русофилы Восточной Словакии. Печатный орган партии Волошина часто обвинял «кацапов Пряшевщины» в приверженности «духу цареславного православия»[16] и в незнании истории и литературы своего народа.

Лагерь украинофилов был неоднороден. Наряду с более умеренными грекокатолическими кругами во главе с Волошиным, которые не желали сразу рвать с традиционным русинским «язычием» и этимологическим письмом, склоняясь к постепенному распространению украинской идентичности, существовали радикальные украинофилы в лице коммунистов, которые выступали за немедленное введение украинского литературного языка. Именно коммунистические газеты были одними из первых в русинском культурном пространстве, ставшими использовать украинский фонетический алфавит[17]. Кроме того, коммунисты уже в двадцатые годы постоянно употребляли термин «Закарпатская Украина» вместо общепринятого тогда названия «Подкарпатская Русь».

Более последовательная в своей «украинскости» коммунистическая «Карпатская Правда», с середины 1920-х годов издававшаяся на литературном украинском языке, обвиняла Волошина и прочих «попов» в недостаточно четкой национальной ориентации, а также в прислуживании «чехизаторам» и «русификаторам». «Попы-народовцы из «Свободы» выслуживаются перед чехизаторами. Утверждение, что принципом «Свободы» является писать чистым народным языком – неправда, – заявля-

[15] Свобода. 21 февруара 1929. Число 8.

[16] Свобода. 29 августа 1929. Число 35.

[17] Штець М. Боротьба за літературну мову українців Східної Словаччини у 1919–1945 pp. // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov 1968, s. 284.

ла «Карпатская Правда». – Читайте «Свободу» и вы найдете там ... массу церковнославянизмов, словакизмов, чехизмов и русизмов ... Придерживаясь этимологии, сам Волошин поддерживает тех ... реакционеров, которые до сих пор мечтают о единой неделимой матушке-России. Наша этимология не отличает нас от российской этимологии, на которой держится вся российская реакция. Тем самым Волошин и иже с ним поддерживают и оправдывают не только чехизаторские, но и русификаторские эксперименты»[18]. Обвинение волошинцев в поддержке русификаторов было явно незаслуженным, поскольку враждебное отношение к русскому языку и культуре было примерно в равной степени присуще как коммунистическим, так и грекокатолическим украинофилам. Презрительные эпитеты «русопяты», «реакционеры», «кацапы», «москальчуки» и пр. нередко появлялись как на страницах грекокатолической «Свободы», так и коммунистической «Карпатской Правды». Однако даже наиболее последовательные сторонники украинской ориентации в лице коммунистов были вынуждены фактически признать, что украинский литературный язык не был полностью понятен русинам. Так, украинские названия месяцев и некоторые другие непонятные русинам украинские слова редакция «Карпатской Правды» дублировала в скобках русинскими названиями, приучая русинов к литературному украинскому языку.

В поэтической форме суть воззрений русинских украинофилов эмоционально выразил один из первых украиноязычных поэтов Подкарпатской Руси Василь Гренджа-Донський, который в своем стихотворении «Мы украинцы», написанном в 1927 г., с гордостью провозглашал «украинскость» подкарпатских русинов:

Чи ми є, ми не ганьбимося,
Знайте: ось чиї ми сини:
Ми українцями звемося!
А не «руснацькі русини».

[18] Карпатська Правда. Число 1, 2 січня (января) 1927.

* * *

Открытая поддержка украинофилов чехословацкими властями проявилась в их отношении к влиятельному русофильскому обществу имени Александра Духновича и к украинофильскому обществу «Просвита», созданному в 1920 г. по инициативе А. Волошина и других украинофилов. Лидеры «Просвиты», названной так по аналогии с галицким украинофильским обществом, образованном в 1868 г. во Львове, намеревались использовать галицкий опыт распространения украинской идеологии в Подкарпатской Руси. В 1930 году правительство Чехословакии выделило «Просвите», оказавшейся в тяжелом финансовом положении, 1.000.000 крон. Комментируя этот факт, «Народная Газета» утверждала, что без правительственной поддержки украинцы в Подкарпатской Руси не имели бы никаких шансов на выживание. «Удивляемся, почему чехословацкое правительство не предоставит украинцев своей судьбе, – говорилось в заметке с характерным названием «Бальзамирование трупа», опубликованной в «Народной Газете», – без его помощи давно бы об украинцах на Подкарпатской Руси не было бы и помину. Поведение правительства, поскольку оно не проявляет равной щедрости по отношению к русскому культурно-просветительному обществу «Александр Духнович», не может рассматриваться иначе как пристрастие к украинизму».[19] О большой материальной помощи чехословацкого государства «Просвите» с самого начала ее деятельности с благодарностью писал И. Панькевич[20].

Русофилы, почувствов в «Просвите» идейного оппонента, с самого начала воспринимали ее деятельность как попытку украинизации русинского населения. «Товарищество "Просвита" есть не культурное общество, а политическое, посредст-

[19] Народная Газета. 1930, № 3.

[20] Dr. Ivan Pankevič. Spolek «Prosvita» v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... s. 300.

вом которого украинствующие Бращайки, Волошины... хотят построить «самостийну Украину» на нашей русской земле, – комментировала цели «Просвиты» прешовская газета «Русь» – ... Панове «украинцы»! Не забывайте, что вы уже не в Австрии ... Лучше всего будет, если вы поставите крест на «Питкарпатську Украину» и вернетесь назад до Галиции»[21]. В отличие от украинофильской «Просвиты», созданное ей в противовес русофильское общество имени А.Духновича пользовалось гораздо меньшей материальной поддержкой чехословацких официальных кругов. Примечательно, что президент Масарик передал на нужды общества «Просвита» 100.000 крон, в то время как общество имени Духновича получило от него всего 50.000[22].

Широкая финансовая помощь украинофилам со стороны правительственных структур Чехословакии вызывала крайне негативную реакцию русофильской интеллигенции. «На Подкарпатской Руси голод, а правительство вместо того, чтобы побольше заботиться о голодающих, миллионы выбрасывает на украинизацию Подкарпатской Руси. «Просвита» уже третий миллион получает, а голодающий русский народ с отчаянием просит помощи, – с осуждением писал «Карпаторусский Голос» в августе 1932. – Не будет безразлично узнать... те суммы, которые поглотила украинизация... Импортирование двух «филологов» из Вены и Львова в школьный отдел в 1920 г. ... сса 50.000 кч (*крон чехословацких – К.Ш.*). Издание «грамматики» Панькевича и «читанок» Бирчака сса 200.000 кч. Украинская пропаганда (желтые напоминания пишущим по-русски, разъезды референтов для уговоров несдавшихся учителей, директоров, профессоров ...) сса 50.000. Принимание на лучшие места одних украинцев (директора гимназий, гражданских школ, школьные инспекторы, учителя, профессора ...) в течение 12 лет не менее 10.800.000 кч ... Украинский

[21] Русь. Пряшев, дня 4 января 1923. Год III.

[22] Карпатский Свет. 1930, 1–2. С. 772.

театр «Просвиты», который некому было посещать, за 6 лет сса 2.000.000 кч. Субвенции «Просвите» свыше 2 миллионов кч ... Покупка украинской литературы из-за границы ... сса 5.000.000 ... Получается 26 миллионов и 400.000 кч, – подводил итог «Карпаторусский Голос» и задавал риторический вопрос. – Какой получился результат украинизации за эти десятки миллионов? При последней народной переписи украинцами записалось 2.355 человек, а около 450.000 человек нашего народа признало себя русским ... Однако нельзя сказать, что от украинизации нет пользы. Экспоненты украинизма построили себе виллы, накопили огромные капиталы, получают тысячи на курорты от украинских обществ»[23].

Впрочем, некоторые украинские ученые, отрицавшие само существование русинов, не замечали проукраинский крен в политике межвоенной Чехословакии, интерпретируя ее исключительно как поддержку «политического русинства, который чехословацкие правящие круги вытащили из идеологического арсенала» и который «служил удушению национального самосознания украинцев. Русинство означало языковую и культурную оторванность от украинского народа, денационализацию, т.е. чехизацию и словакизацию украинцев Закарпатья и Пряшевщины»[24]. То очевидное обстоятельство, что «душить украинское национальное самосознание» было весьма затруднительно по причине его полного отсутствия у большинства русинов Подкарпатья и особенно Восточной Словакии, украинские ученые попросту игнорировали.

Поддержка украинофилов со стороны чехословацких властей объяснялась несколькими причинами. Во-первых, украинофилы поначалу казались Праге более предпочтительными в качестве противовеса угрозе венгерского ирредентизма. Поведение русофильской интеллигенции во время

[23] Карпаторусский Голос. 13 августа 1932, №69.

[24] Сірка Й. Розвиток національної свідомости лемків Пряшівшини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980. С. 14.

оккупации Восточной Словакии и Подкарпатской Руси венгерской Красной Армией в 1919 г. породило у Праги сомнения в ее политической лояльности. Некоторые русофилы были настроены провенгерски, что вызывало подозрения у чехословацких властей и активно использовалось украинофилами для дискредитации своих оппонентов. Так, представители украинофильского течения прямо обвиняли русофильских деятелей в пособничестве мадьярам и мадьяронам[25]. Во-вторых, в противоположность консервативным русофилам, украинофилы были идеологически близки левым политическим силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии. «Национально-освободительная» и «возрожденческая» риторика украинских идеологов была понятна и с сочувствием воспринималась чехословацкой политической элитой, воспитанной в «антиимперском духе» и в традициях поклонения собственным «национальным будителям». Так, в своих публицистических выступлениях Я. Нечас и его социал-демократические единомышленники высказывали мысль о том, что только проукраинская политика в Подкарпатской Руси соответствует интересам чехословацкого государства, окруженного со всех сторон врагами, и что чешские национальные деятели Гавличек, Челаковский, Палацкий и др. признавали существование отдельного украинского народа.

Украинофилы энергично поддерживались чехословацким истеблишментом и такими влиятельными политическими партиями межвоенной Чехословакии как социал-демократы, коммунисты и в некоторой степени аграрии, которые позже пересмотрели свое отношение к украинофилам, заняв прорусофильскую позицию. Украинский социал-демократический публицист Бочковский, проживавший в Праге, сумел установить личный контакт с президентом Масариком сразу после его возвращения в Чехословакию. Позиция Масарика, «кото-

[25] См. например: Волошин Августин. Две политичнє розмовы. В Ужгороде, 1923. С. 8–9.

рый с большим пониманием относился к украинским требованиям, сделала возможным приезд членов дипломатической миссии Украинской Народной Республики в Прагу»[26].

Симпатии к украинцам испытывал и Я. Нечас, в первой половине 1920-х годов курировавший вопросы Подкарпатской Руси в канцелярии президента Чехословакии. Летом 1921 г. в своем письме Масарику Нечас давал положительную характеристику партиям украинского направления, в число которых в то время входили партия хлеборобов М. Бращайко, русинская социал-демократическая партия, а также народная партия А. Волошина. Один из лидеров хлеборобской партии, видный украинофил М. Бращайко, был охарактеризован Нечасом как «интеллигентный и добрый Русин» и «один из лучших людей Подкарпатской Руси»[27]. О Волошине Нечас тоже отзывался в целом благоприятно, отмечая, что он «просвещенный священник, усердный, трудолюбивый и энергичный, любящий свой народ и его язык, но при этом – фанатичный грекокатолик.... Ранее в качестве руководителя семинарии он лояльно и оппортунистически относился к венграм, так же как сейчас он оппортунистически относится к нам ... Но мадьяроном считать его нельзя, поскольку вся его прошлая и нынешняя работа принадлежит русинскому народу»[28]. Оценка партий русофильского направления была более критической. Так, «Карпаторусский Земледельческий Союз» во главе с доктором И. Каминским был заклеймен Нечасом как «мадьяронская партия, которая главным условием своего сотрудничества ... ставит принятие на работу всех бывших мадьярских чиновников и прочие невоообразимые требования, выполнение которых означало бы ... восстановление старого режима». Глава партии русофил Каминский, по мнению Нечаса, «боль-

[26] Bohdan Zilynskyj. Ukrajinci v Čechách a na Moravě (1894) 1917–1945 (1994). Praha 1995, s. 19.

[27] Jaromír Nečas. Op. cit., s. 11.

[28] Ibidem, s. 19–20.

шой демагог, человек крайне изворотливый и опасный ... Он сохраняет видимость лояльности к республике, но существует сильное подозрение, что его агитация за немедленное введение автономии поддерживается зарубежными силами»[29]. Русофильскую «Трудовую партию» во главе с эмигрантом-москвофилом из Галиции доктором Гагатко Нечас упрекал в стремлении «расширить на Подкарпатской Руси те религиозные и языковые споры, которые бушевали в Восточной Галиции 20–30 лет назад и закончились полной ликвидацией старорусского режима и победой материнского языка. Др. Гагатко и прочие члены партии в своих старославянских представлениях о России ... не воспринимают никакие серьезные аргументы, – резюмировал Нечас. – К республике... они лояльны лишь в том случае, если полностью принимаются их взгляды»[30]. После работы в канцелярии президента республики Нечас был избран депутатом парламента от социал-демократической партии, а во второй половине 1930-х годов занимал пост министра по социальным вопросам, продолжая оказывать влияние на политику Праги в Подкарпатской Руси. Благодаря близким связям с чехословацкими социал-демократами, контролировавшими министерство образования, «многие украинцы смогли получить важные посты в министерстве образования»[31].

Целенаправленную политику украинизации в сфере образования проводил Й.Пешек, возглавлявший школьный отдел министерства просвещения Чехословакии в 1919–1924 гг. и широко привлекавший украинских эмигрантов из Галиции в качестве учителей и работников просвещения в Подкарпатской Руси. Ярко выраженная проукраинская образовательная политика Й.Пешека, который по этой причине имел крайне

[29] Ibidem, s. 20–21.

[30] Ibidem, s. 23.

[31] Tejchmanová S. Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném československu // Slovanský Přehled, 2/1992, s. 193.

негативную репутацию у русофильской интеллигенции, была охарактеризована Я. Нечасом в 1921 г. как «правильная» и «абсолютно профессиональная»[32]. Сменивший Пешека на этом посту Й. Шимек отдавал предпочтение бывшим чешским легионерам, что означало прекращение режима наибольшего благоприятствования украинцам. Волошиновская «Свобода», сожалея о частичном пересмотре проукраинской политики чехословацкой администрации первой половины 1920-х годов, замечала, что «если бы продолжалась та политика, которая проводилась в течение первых пяти лет ... то по всей вероятности языковой спор был бы у нас почти полностью решен»[33].

Учитывая все сказанное, нельзя не признать, что постоянные жалобы русофилов на насильственную украинизацию, осуществляемую через сферу образования вопреки воле подавляющего большинства населения, «когда все учительские конгрессы большинством в 80 и 98 % высказались за планомерное введение в школы Подкарпатской Руси русского литературного языка»[34], были вполне обоснованны.

Впрочем, политика официальной Праги в Подкарпатской Руси, заключавшаяся в открытой поддержке украинофилов, находила понимание далеко не у всех чехословацких политических деятелей. Одним из критиков русинской политики чехословацких властей был лидер партии национальных социалистов Вацлав Клофач, который раньше других чешских политиков усмотрел в украинском движении в Подкарпатье потенциальную опасность сепаратизма. «Мы не должны были бы иметь сейчас все эти языковые споры, поскольку они возникли лишь тогда, когда после роспуска украинской петлюровской армии многочисленные галицкие активисты стали активно у нас селиться. С самого начала я понимал, что это государственный вопрос и что все эти споры не имеют

[32] Jaromír Nečas. Op. cit., s. 61.

[33] Свобода. 21 октобра 1930. Число 40.

[34] Карпатский Свет. 1931, 5–6-7. С. 1207–1208.

отношения к филологии, – писал Клофач в середине 1930-х годов. – Изучение русского языка ... означало для меня проявление любви и возможности для народа иметь доступ к глубокому роднику русской культуры ... Москва и Петроград далеко, с их стороны для нас нет никакой опасности. Но достаточно взглянуть на широко распространяемые открытки, где карта Великой Украины поглотила не только Подкарпатскую Русь, но и Восточную Словакию, чтобы понять, откуда исходит политическая опасность для нашего государства»[35].

В наибольшей степени русофилы были идеологически близки национально-демократической партии Карела Крамаржа, с которой они поддерживали тесные и доверительные отношения. Так, в третьем съезде национально-демократической партии, состоявшемся в мае 1925 г. в Брно, принял участие и почетный председатель Русской Народной партии в Словакии доктор К. П. Мачик. В своей речи на съезде Мачик заявил, что «мы питаем чувство глубокого уважения и преданности к личности истинного, искреннего друга русского народа, вождя не только национально-демократической партии, но проповедника и вождя славянской солидарности доктора К. П. Крамаржа»[36]. Решения третьего съезда чешских национальных демократов по поводу Подкарпатской Руси полностью соответствовали взглядам русофилов. «Должен быть положен конец языковой анархии, русский язык должен быть введен в школах и в общественных урядах. В литературном русском языке должны быть заведены обязательные учебники, – говорилось в решениях, принятых на съезде национально-демократической партии. – Во всех средних и специальных школах, а также в школах городских должно быть заведено обязательное обучение чехословацкому штатному языку; в мадьярских средних и специальных школах должно

[35] Václav Klofáč. Můj pohled na Podkarpatskou Rus // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... s. 90–91.

[36] Народная Газета. 1925, № 10.

быть заведено обучение русскому языку»[37]. Кроме того, участники съезда высказали требование финансовой поддержки русофильского общества имени Духновича со стороны государства.

Однако национально-демократическая партия не играла сколько-нибудь заметной роли в политической жизни межвоенной Чехословакии и не могла оказать серьезного влияния на положение в Подкарпатской Руси. Несмотря на это, общество имени Духновича, основанное в 1923 г., в целом пользовалось значительно большей поддержкой среди местного русинского населения, чем украинофильское общество «Просвита». Так, в середине 1930-х годов общество «Духнович» имело 315 общественных читален и насчитывало 21.000 постоянных членов, в то время как в распоряжении «Просвиты» было 223 читальни и около 15.000 членов[38]. Однако данные цифры свидетельствуют одновременно и о колоссальном прогрессе украинофильского течения, учитывая, что изначально украинская самоидентификация была практически неизвестна местному русинскому населению. Сильной стороной украинофилов, привлекавшей к ним симпатии социально активных слоев населения, в первую очередь молодежи, было их внимание к насущным социально-экономическим вопросам, особенно актуальным в Подкарпатской Руси.

Рост украинского культурного влияния был тесно связан с усилением местных коммунистов, являвшихся самой популярной партией в Подкарпатской Руси, население которой страдало от многочисленных социально-экономических проблем, прежде всего от безработицы. Большое значение имело то, что с середины 1920-х годов местные коммунисты, подчиняясь партийной дисциплине (в соответствии с решениями

[37] Там же.

[38] См. Dr. Evgenij Nedzelskij. Spolek A.V.Duchnovyče; Dr. Ivan Pankevyč. Spolek "Prosvita" v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... s. 298–300.

международного коммунистического движения все русины были признаны украинцами), стали сторонниками украинского направления и одними из первых приступили к изданию своих периодических изданий на украинском литературном языке. Если галицкие эмигранты в своей украинизаторской деятельности опирались на поддержку государственных структур Чехословакии и на помощь из соседней Галиции, то проукраинская пропаганда коммунистов поддерживалась всей мощью международного коммунистического движения во главе с СССР. Власти Советской Украины, где в то время также проходила кампания украинизации, принимали самое деятельное участие в разработке и реализации механизма украинизации русинского населения Подкарпатской Руси. В январе 1926 г. на совещании представителей компартии Украины, галицкой краевой организации компартии Польши и подкарпаторусинского комитета компартии Чехословакии обсуждался вопрос украинизации русинов и активизации коммунистического движения в карпатском регионе с последующим присоединением Галиции и Подкарпатской Руси к Советской Украине. В ходе совещания «было принято решение о том, что Украина будет нелегально, по линии Коминтерна, обучать в Харьковском коммунистическом университете имени Артема русинов-коммунистов украинскому языку и методам нелегальной коммунистической деятельности. Одновременно, компартия Украины будет финансировать двуязычную газету «Карпатская правда» (издаваемую на венгерском и русинском языках), но с непреложным условием, чтобы в дальнейшем эта газета издавалась только на украинском языке. Поскольку в Подкарпатской Руси не было среди местного населения человека, который бы знал украинский язык и справился бы с должностью редактора украиноязычной газеты, то из Галичины в Ужгород был направлен галичанин-коммунист О. Бодан»[39]. Украинофилы

[39] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 86.

Подкарпатской Руси, таким образом, опирались не только на галицких эмигрантов, поддерживаемых чехословацкими властями, но и на мощное и влиятельное коммунистическое движение. «Выходит на Подкарпатской Руси коммунистическая газета «Карпатская Правда», которая до 1924 г. печаталась по-русски, но позже из Харькова было получено приказание печатать ее по-украински, – писал «Карпаторусский Голос». – Эту газету никто не читает ... между обывателями из-за украинского языка она не находит отзыва. Мы удивляемся, что на советские деньги на Подкарпатской Руси ведется украинская политика»[40]. По иронии судьбы, Россия, к которой постоянно апеллировали русинские русофилы, трансформировавшись в СССР, энергично содействовала искоренению традиционного русофильского самосознания русинов и его замене на украинское.

Со временем русофилы были вынуждены признать рост популярности украинофилов. В 1931 г. «Карпатский Свет» заявлял, что «если принять во внимание исключительную материальную и моральную поддержку украинского движения со стороны некоторых высших инстанций, то можно сказать, что попытка украинизации потерпела полное поражение». Но одновременно с этим «Карпатский Свет» выражал сожаление в связи с тем, что все должности в сфере народного образования всецело находятся «в руках украинствующих; реальная гимназия, учительская семинария в Ужгороде воспитывают исключительно в украинском духе; кроме того и в других средних школах имеются преподаватели украинского направления, не желающие подчиняться воле большинства ... Поощрение украинизации школы и населения... затронуло уже наше семейное благополучие. Дети восстают на родителей ... Русские учителя! Мы призываем Вас вводить русские учебники и обучать по ним детей ... – взывал «Карпатский Свет». – Господа редакторы!... Русские люди! Вы сами

[40] Карпаторусский Голос. 18 января 1933, № 12.

должны стремиться придать Вашим городам и селам русский вид ... Братья Чехи и Словаки! Мы надеемся, что Вы признаете законность наших требований»[41]. Это эмоциональное обращение, в котором отчетливо проступали нотки отчаяния, было фактическим признанием успехов украинофилов, противоречившим предыдущему утверждению о полном банкротстве украинского движения.

Развитие событий в Подкарпатской Руси оказывало самое непосредственное воздействие на положение в Восточной Словакии. Рост украинского влияния в Подкарпатской Руси вызывал растущую тревогу у местной русинской интеллигенции. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, которые управлялись непосредственно из Праги, восточнословацкие русины в большей степени зависели от местных словацких властей, которые, опасаясь потенциальной угрозы украинского сепаратизма, не поддерживали украинофилов. Соперничество русофилов и украинофилов в Восточной Словакии протекало поэтому в более естественных условиях. С тревогой наблюдая за успехами украинского движения в Подкарпатской Руси, русинская интеллигенция в Восточной Словакии образовала единый и монолитный антиукраинский фронт, активно препятствуя украинской пропаганде и противодействуя назначению украинофилов на ведущие посты в области образования и культуры. Словацкие власти, информируя чехословацкий кабинет министров о съезде общества грекокатолических учителей прешовской епархии, состоявшемся 16 апреля 1931 г. в Прешове, сообщали о том, что «участники съезда единодушно высказались против «украинизма» и выслали делегацию к епископу Гойдичу с требованием общества грекокатолических учителей сместить с должностей нескольких влиятельных украинофилов». Среди лиц проукраинской ориентации, вызывавших особое недовольство русинских учителей Восточной Словакии, были назва-

[41] Карпатский Свет. 1931, 5–6-7. С. 1208–1209.

ны директор местного учительского института М.Мачевич, профессор учительского института Е.Андрейкович, а также Д.Зубрицкий, Й.Дюлай и Е.Бихари[42].

Почти каждый номер «Народной Газеты» содержал ярко выраженные антиукраинские полемические материалы, которые выставляли украинское направление в роли злейшего врага России, славян и Чехословакии. Русская Народная партия, издававшая «Народную Газету», активно использовала антиукраинскую пропаганду во внутриполитической борьбе и была одной из самых популярных партий среди восточнословацких русинов. «Настало время и для нас, карпатороссов, подводить итоги достигнутому за старый год, – писала «Народная Газета» 4 января 1929 г. – Уничтожено сектантство. Враги ... старались нас поделить на «руснаков», «русинов», «украинцев» и «москалей» ... но и на этом грязном поле наш народ вышел с победой ... Выиграны выборы – насколько важны окружные и краевые выборы, каждый знает. Тут наш народ проявил изумительную стойкость и, несмотря на происки врагов, держался при своей Русской Народной партии. Теперь в каждом каждом округе и в краевом заступительстве в лице доктора К.П.Мачика и учителя М.Жатковича будем иметь своих защитников. Эти выборы принесли нам пользу ту, – подчеркивала «Народная Газета», – что убит змеиный зародыш украинства и латинизации»[43].

Полный провал всех попыток украинской пропаганды в прешовском регионе Восточной Словакии был поэтому вполне закономерен. В 1930 г. небольшая группа интеллектуалов – украинофилов во главе с Д.Зубрицким основала в Прешове местное отделение украинофильского общества «Просвита». Однако все попытки основать отделения «Просвиты» в русинских селах Восточной Словакии потерпели неудачу

[42] SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

[43] Народная Газета. 1929, № 1.

и «зарождавшееся украинское движение не смогло получить развития»[44]. Д. Зубрицкий сразу после начала своей деятельности в Восточной Словакии оказался в числе тех украинофилов, которые вызывали особое недовольство местной русинской интеллигенции. Съезд общества грекокатолических учителей в Прешове в апреле 1931 г. потребовал смещения Зубрицкого и других видных украинофилов с занимаемых должностей.

В определенной степени нишу украинского течения в Восточной Словакии заняло русинское течение, которое подчеркивало важность местных особенностей активнее, чем русофилы, не отрицая в то же время традиционного культурного наследия русинов.

* * *

Украинофильское течение среди русинов было намного моложе русофильского и, в отличие от русофилов, не могло опираться на традиционное русинское культурное наследие по причине его русофильского характера. Главным преимуществом украинофилов было их обращение к «естественному праву» и к очевидной близости карпатских русинских диалектов к украинскому языку, что позволяло считать русинские говоры частью украинского языка. В интерпретации украинских активистов в Подкарпатской Руси это означало в первую очередь «право народа на создание своей собственной литературы на родном наречии»[45]. Стремясь к историческому обоснованию украинофильских идей, представитель украинофилов В. Бирчак писал, что если русское направление подкарпатской литературы опирается на русофильские традиции будителей XIX века, то украинофилы продолжают традиции XVII и XVIII веков, когда среди русинов появились «произ-

[44] Paul. R. Magocsi. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia, p. 43.

[45] Birčak V. Dnešní stav podkarpatské literatury // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... s.193.

ведения в основном религиозного характера, написанные на разговорном народном языке»[46]. Начало противостояния русофилов и украинофилов Бирчак относил еще к 60-м годам XIX века, когда в карпаторусском журнале «Свет», издававшемся на карпаторусском «язычии» (т.е. на смешанном русско-церковнославянском языке) было опубликовано письмо в редакцию, автор которого под псевдонимом «верховинец» критиковал «непонятный» язык «Света» и требовал, чтобы журнал был написан «по-нашему»[47]. Украинофилы постоянно апеллировали к мнению тех ученых-славистов, которые считали русинские говоры диалектом украинского языка. Этой точки зрения придерживались не только украинские филологи, но и авторитетные чешские слависты, включая академика Нидерле. Позиция украинофилов отразила растущее осознание частью русинов своего языкового и этнического родства с украинцами, национальная идеология которых, однако, была абсолютно несовместима с традиционным русинским мировоззрением и системой ценностей.

В своей практической деятельности, направленной на «прививку» украинского самосознания русинскому населению, идеологи подкарпатских украинофилов стремились учитывать приверженность местного населения сложившемуся культурному наследию. Немедленное введение украинского фонетического алфавита, который значительно отличался от традиционного русинского, было проблематично. Осознавая это, более умеренная часть украинофилов прибегла к тактике постепенной украинизации местного населения с учетом его культурного своеобразия, что в целом нашло поддержку у чехословацких властей. Так, «Грамматика» для местных школ была написана украинофилом Панькевичем, который, тем не менее, ориентировался на местные диалекты и использовал традиционный этимологический алфавит как более

[46] Ibidem.

[47] Ibidem.

привычный для местного населения. Подкарпатские русины рассматривались Панькевичем и другими украинскими идеологами как этнографическая разновидность украинцев, своеобразие которой было продуктом исторического развития. «Подкарпатская Русь в этническом и языковом отношении является частью украинской языковой группы, дальше всего выступающей в юго-западном направлении, – писал И.Панькевич. – ... Историческое развитие выделило язык подкарпатских русинов в особую группу в славянской семье ... Горная среда обитания всегда тормозила темпы языковых процессов ... Язык подкарпатских русинов представляет собой один из диалектов украинского языка»[48].

«Грамматика» Панькевича, задуманная как промежуточный шаг и своего рода тактический маневр в процессе переходе к украинскому фонетическому алфавиту, достаточно успешно сыграла отведенную ей роль. Учебник, автором которого был другой влиятельный представитель украинофилов В.Бирчак, пытался перебросить мост от традиционных русинских к новым украинским ценностям, помещая в одном сборнике стихи убежденного русофила Духновича и стихи украинских поэтов. Подобное соседство выглядело крайне неестественно и высмеивалось русофилами. Участники юбилейного собрания русофильского культурно-просветительского общества имени А.Духновича, состоявшегося в начале 1929 г. в Ужгороде, констатировали, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но ... создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые министерство просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, указывающих на их полное несовершенство, все же нашло уместным не только рекомендовать,

[48] Dr. Ivan Pankevič. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, s. 130–131.

но признать единственными для преподавания. Возьмите «Читанку», составленную господином Бирчаком: там есть несколько стихов Духновича ... а дальше украинские авторы с какими-то гетманами, Украинами и пр.»[49], – иронизировали представители русофилов.

Противостояние русофилов и украинофилов временами выходило за рамки идеологических дискуссий и газетной полемики, принимая форму открытого террора против оппонентов. Особую склонность к подобному методу выяснения отношений демонстрировали галицкие национальные радикалы. Так, 1 июня 1930 г. во время празднования «Дня руськой культуры» в ужгородском театре студент Ф. Тацинец, идеологически «обработанный» и подготовленный галицкой политэмигранткой Ст. Новакивской, преподававшей в ужгородской учительской гимназии, открыл стрельбу из револьвера по профессору той же гимназии престарелому о. Е. Сабову. Покушение на Е. Сабова, видного представителя русофильской интеллигенции и автора русинской грамматики, написанной в русофильском духе, оказалось неудачным, т. к. террорист от волнения в спешке не смог попасть в свою жертву. На суде «Новакивская признала, что с помощью теракта думала поднять в русинах Подкарпатской Руси националистическое движение против русификации украинского Подкарпатья. В итоге теракт только усилил в Подкарпатской Руси антигалицкий синдром»[50]. Представители украинофилов как из грекокатолического, так и из коммунистического лагеря стремились возложить вину за происшедшее на русофилов. «Покушение, совершенное Тацинцом 1 июня 1930 г. ... все еще не полностью расследовано ... Ясно только то, что провокации, которыми организаторы съезда духновичевцев оскорбляли наше народное направление... стали главной причиной, вызвавшей нервозность с обеих сто-

[49] Карпатский Свет. 1929, 5 (15). С. 615–616.

[50] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 87.

рон»[51], – писала волошиновская «Свобода». Тон комментариев коммунистической «Карпатской Правды» также свидетельствовал о полном отсутствии симпатий к жертве преступления. «Арестованный Тацинец заявил в полиции, что он хотел убить Сабова как представителя русотяпского направления и как главу общества имени Духновича, поскольку считает, что это политическое направление (т.е. москвофилы) вредит развитию украинского народа в Закарпатье, – писала «Карпатская Правда» в статье под названием «Неудачная попытка убить попа Сабова». – ... Мы относимся к данному случаю со всей серьезностью и объясняем происшедшее с нашей пролетарской точки зрения ... Внимание привлекает не сам факт неудачного покушения на Сабова, а политическая почва, на которой вырос данный выстрел»[52].

Хотя идеологический и культурный облик украинского движения был неприемлем для русофилов, апелляция украинофилов к «естественному праву» и к очевидной близости карпатских диалектов и украинского литературного языка была сильным аргументом, который оказывал заметное влияние на позиции русофильской интеллигенции. В свою очередь, русофилы также стремились в большей степени учитывать местные особенности. Ключевая идея русинских будителей XIX в. о принадлежности русинов к единому русскому народу претерпела в это время некоторые изменения. Во время мадьярского господства, когда национальная жизнь русинов была сильно ограничена, наивная романтическая русофилия вполне соответствовала духовным запросам русинского населения. Кроме того, само существование могучей Российской империи с высокоразвитой культурой выступало в роли естественного ориентира для русинов. Несравнимо большая идеологическая и культурная свобода в рамках Чехословакии,

[51] Свобода. 12 юния 1930. Число 24.

[52] Невдала спроба вбити попа Сабова // Карпатська Правда. Число 22, 8 червня (юния) 1930.

а также возросшие коммуникация и социальная мобильность населения сделали затруднительным сохранение всех старых догм в прежнем виде, тем более, что на месте идеализировавшейся русинскими будителями России возник идеологически чуждый СССР. Архаичная и в определенной степени искусственная «высокая культура» русинских будителей XIX в. с их консервативной фразеологией и ориентацией на церковнославянский и русский литературный языки, вступала в противоречие с растущим влиянием народной «низкой культуры». Это было особенно заметно в сфере образования, где потребность преподавания на понятном широким массам языке становилась все острее. Кроме того, традиционный объект поклонения русинской интеллигенции в виде России перестал существовать, превратившись в культурно чуждый коммунистический СССР, поддерживавший идею о русинах как о части украинцев.

Русинские деятели вообще обращались к теме СССР довольно часто и, как правило, в очень критическом ключе. За исключением коммунистической «Карпатской Правды», освещавшей все происходящее в Советском Союзе только в розовых тонах, остальная русинская пресса была настроена в отношении к СССР крайне негативно. «Одна шестая часть земной суши, занятая еще недавно Российским государством, в настоящее время носит название ... «СССР». Но произошла не только перемена в названии, а произошла коренная перемена в сущности ... во всех отношениях общественной жизни и быте народном, – писал «Карпаторусский Голос». – В настоящее время над русским народом ... производится опыт наподобие опытов над животными, производимых в медицине и носящих там название «вивисекции». Опыт, проводимый чуждому народу людьми ... опыт бесконечно тягостный ... 14 лет происходит этот опыт и 14 лет тягчайшие страдания испытывает русский народ под игом коммунистов».[53] Особое

[53] Карпаторусский Голос. 1 мая 1932, № 1.

неприятие русинских публицистов вызывала крестьянская политика Москвы. «В России коммунисты обещали селянству землю, но когда пришли к власти, забрали самые лучшие владения в свои руки и сделали из них государственные хозяйства (совхозы), которыми управляют комиссары и относятся к селянству хуже, чем прежние помещики»[54], – писал в январе 1926 г. орган республиканской земледельческой партии в Подкарпатской Руси «Карпаторусский Вестник». «Коммунистическая партия ... есть коренным неприятелем земледельца, ей нужно его большинство и его сила только для приобретения власти, – утверждал «Карпаторусский Вестник», критикуя СССР и одновременно полемизируя с местными коммунистами. – Как только коммунистическая партия этой власти достигает (например в России), то она уже не нуждается в мирном селянском обывателе ... и начинает его ужасно притеснять, дерет из села 20 шкур для того, чтобы насытить и обогатить свою лингарско-жидовскую армию и своих городских агитаторов»[55].

Русинская пресса очень подробно информировала о негативном опыте тех, кто побывал в Советском Союзе. «На днях возвращается из России колония из 30 коммунистических семей из Годонина ... которые в прошлом году уехали в «советский рай» искать лучшую долю, – говорилось в заметке «Горькое возвращение колонистов из коммунистического рая». – Большевики сделали своим лингарско-жидовским управлением в России полный развал всей экономической жизни. Селянству живется в России хуже, чем во всех других странах»[56]. Русинская пресса пристально следила за внутриполитической обстановкой в СССР, особенно выделяя примера сопротивления населения властям. 3 января 1933 г. «Карпаторусский Голос» со ссылкой на консульское донесение

[54] Карпаторусский Вестник. 7 января 1926, № 2.

[55] Карпаторусский Вестник. 12 февраля 1926, № 7.

[56] Карпаторусский Вестник. 5 марта 1926, № 10.

из Ростова-на-Дону сообщал о крупном антисоветском восстании кубанских казаков у станицы Тихорецкая, которое было подавлено, участники казнены, а 18.000 местных жителей были высланы на север[57]. Крайне негативно русинские деятели отзывались о кампании украинизации, которая активно проходила на Советской Украине в 1920-е годы. Особую критику русинов вызывали насильственный и жесткий административный характер украинизации, а также личность главного советского «украинизатора» Л. М. Кагановича. Окончание украинизации в начале 1930-х годов было положительно воспринято русинским общественным мнением.

* * *

Под давлением обстоятельств и для сохранения своего влияния на население русофилы были вынуждены вносить изменения в свой литературный язык, малопонятный простым русинским крестьянам, приближая его реальным русинским говорам за счет более активного использования местных диалектизмов. Постепенное осознание различий между «собственно русскими» и русинами со стороны русофилов проявлялось в том, что русофильская интеллигенция стала все последовательнее отделять русских в России от «русских» в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии. Так, один из лидеров русофильского течения С. Фенцик называл русских «старшими братьями», а многие русофилы все последовательнее использовали этноним «карпаторусские» по отношению к местному населению[58].

Е. Сабов, другой влиятельный представитель русофильского течения, отражая определенные сдвиги и противоречия в среде русофильской интеллигенции, писал, что «наш народ признает свою принадлежность к тому же племени, что и рус-

[57] Карпаторусский Голос. 3 января 1933, № 2.

[58] Карпатский Свет. 1930, 1–2. С. 770.

ские, но для нас наиболее важен наш язык ... Нам не нужен ни русский, ни украинский языки, наоборот, нам нужен наш собственный язык также и в прессе. Наш народ ориентирован русофильски, не украинофильски. Если показать нашим людям русскую книгу, они встретят там незнакомые слова. Но если показать им украинскую книгу, то они даже не станут ее читать, они скажут: «Это на польском»[59]. Даже самые убежденные сторонники русофильской ориентации на страницах «Народной Газеты», издававшейся в Словакии, вопреки своим постоянным декларациям об общерусском единстве, часто предпочитали называть местное население «карпаторусами», тем самым косвенно признавая отличие местного населения от «настоящих русских».

Примечательно, что «Народная Газета» часто выражала сожаление в связи с плохим знанием русского литературного языка местной интеллигенцией и активно пропагандировала русский язык среди русинов. «Сколько времени и энергии израсходовано на борьбу за родной русский язык в Подкарпатской Руси ... а все напрасно: дело не только не пошло вперед, но, наоборот, пошло назад»[60], – сожалел русофильский публицист. В одной из редакционных статей «Народной Газеты» говорилось, что «многие из культурных представителей нашего народа заняли по отношению к русскому языку отрицательную позицию только потому, что они этого языка не знают... Занимая враждебную или, в лучшем случае, безразличную позицию по отношению к русскому языку, многие наши интеллигенты мешают возможности проникновения настоящего русского языка в народные массы. Мы в каждом номере «Народной Газеты» будем помещать популярные лекции русского языка, размещая материал таким

[59] Sabov E. Literární jazyk Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přirodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, Praha, 1923, s.127–128.

[60] Народная Газета. 1926, №. 19.

образом, что из газеты можно будет вырезывать отдельные части, из которых составится впоследствии целая книга-учебник ... Наступает такое время, когда применяемые до сих пор средства борьбы за русский язык ... являются недостаточными и когда необходимо перестать петь песни, а бороться со злом реально»[61].

Активизация русофилов Восточной Словакии, ставших пропагандировать русский язык и русскую литературу еще более энергично, была реакцией на заметные успехи украинофилов в соседней Подкарпатской Руси.

Тем не менее, русофилы были вынуждены идти на уступки местным культурным и языковым особенностям, поскольку это было необходимым условием усиления своего влияния на местное население и более эффективного противостояния украинофилам. Ориентация на местные особенности постепенно обусловила появление третьего, собственно русинского течения, которое трактовало русинов не как часть русских или украинцев, а как отдельный восточнославянский народ. В наиболее яркой форме русинское течение проявило себя в Восточной Словакии. Зарождение русинского течения происходило главным образом в рамках русофилов и было представлено русинским греко-католическим духовенством Восточной Словакии. Формирование русинского течения происходило не на пустом месте. Первые подобные тенденции проявились уже во второй половине XIX в., когда венгерские власти, стремясь создать противовес русофильству русинских будителей, культивировали локальный патриотизм и местные особенности. В условиях межвоенной Чехословакии русинское течение явилось реакцией на новую ситуацию, когда, с одной стороны, происходило осознание серьезных различий между русинами и русскими местной русофильской интеллигенцией, а с другой стороны, проявлялось ее острое нежелание отказаться от традиционной системы ценно-

[61] Там же.

стей и заменить ее совершенно чуждым ей мировоззрением украинофилов. Представители русинского течения предложили свой оригинальный ответ на принципиальный вопрос о том, кем же являются русины, вызывавший яростные споры русофилов и украинофилов. По мнению лидеров русинского течения, русины являлись отдельным восточнославянским народом, отличным и от украинцев, и от русских. Главным представителем этого течения являлась прешовская греко-католическая епархия во главе с епископом Гойдичем.

Суть русинского течения удачно выразил сам Гойдич, заявивший как-то о себе: «Я не являюсь ни русским, ни украинцем. Я – русин»[62]. В своем донесении чехословацкому министерству внутренних дел, которое 19 августа 1930 г. было направлено чехословацкому кабинету министров и канцелярии президента республики, полицейский комиссариат Прешова характеризовал русинское течение как «крайне клерикальное, представителем которого является сам епископ Гойдич, отстаивающий мнение о том, что восточнословацкие русины не должны использовать в своей письменности ни великорусскую этимологию, ни украинскую фонетику, а должны ориентироваться исключительно на фонетику русинскую, т.е. необходимо создать русинский литературный язык в соответствии с народными говорами (на основе шаришского диалекта)»[63]. В этом же документе полицейский комиссариат Прешова уделил большое внимание украинофильскому направлению, «цели которого выражены более четко, чем у великорусского направления и который опирается на теорию об идентичности русинского и украинского народа. Тайной целью украинского движения, – подчеркивалось в полицейском донесении, – является объединение

[62] Цит. по: Bajcura Ivan. Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavatelstvo 1967, s. 53.

[63] SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

всех малорусов в единую могучую Украину с присоединением к ней Восточной Галиции, Подкарпатской Руси и по возможности также Восточной Словакии. Это направление мы считаем особо важным»[64].

Представители русинского течения в Восточной Словакии предпринимали практические попытки создать особый литературный язык на основе местных русинских диалектов. Эта, по выражению И. Байцуры, «забавная смесь» стала официальным языком в народных церковных школах, находившихся под контролем греко-католического духовенства. В политическом отношении интересы русинского течения отражал Автономный Земледельческий Союз, во главе которого стояли Куртяк и Бродий.

Русофильское и русинское течения были во многом похожи. Представители и того, и другого направления поддерживали местные традиции и существующие языковые нормы, отличаясь лишь в расстановке акцентов. Так, отделение русофильского общества «Духнович» в Восточной Словакии по своей направленности было скорее русинским, чем русофильским. Руководство восточнословацкого отделения общества «Духнович» в своем официальном заявлении обозначило цели своей деятельности следующим образом: 1) сохранение единства карпаторусского народа; 2) развитие культуры на основе местных традиций; 3) местный традиционный язык должен быть признан в качестве литературного; 4) все остальные направления должны быть отброшены и должны рассматриваться как «личные амбиции»; 5) любое навязывание чуждых направлений – как «галицко-украинского», так и «русского» должно рассматриваться как ... не имеющее смысла[65]. Данное заявление относило к разряду «чуждых» не только «галицко-украинское», но и русское направление и обращалось к местному населению не как к «русским», а как к «карпаторусскому

[64] Ibidem.

[65] Русское Слово. 1931, 2. С. 5.

народу», что вообще было частым явлением в русофильской прессе. Четкую разделительную линию между русофильским и русинским течениями в межвоенной Чехословакии провести поэтому довольно сложно. Сходство русофильского и русинского течений проявлялось в том, что «многие представители местной ориентации выступали за принятие русской культуры ... В обеих случаях принятие русской культуры оставалось мечтой, оба течения использовали «язычие» различных версий ... оба течения связывали национальные особенности, национальное самосознание и местную культуру с религией, оба течения отрицали существование украинской нации и культуры»[66].

Яркой чертой русинского течения, роднившей его с русофилами, была ориентация на местное культурное наследие. Представители греко-католического духовенства в Восточной Словакии бережно относились к местной литературной традиции и постоянно подчеркивали, что ее основателями были крупнейшие русинские будители Павлович, Духнович и Ставровский-Попрадов[67].

В отличие от русинов Подкарпатской Руси, главная задача восточнословацких русинов заключалась в противостоянии ассимиляционной политике со стороны государства. Наиболее влиятельные в Восточной Словакии русофилы требовали введения русского литературного языка в школы и в общественную жизнь, рассматривая это как главный инструмент в борьбе против словакизации. В то же время русофилы были вынуждены признать, что местное русинское население, включая интеллигенцию, недостаточно хорошо владеет русским языком. В условиях, когда само национальное существование русинов оказалось под вопросом, многие представители местной интеллигенции, наряду с более интенсив-

[66] Рудловчак О.Літературні стремління українців Східної Словаччини у 20–30 роках нашого століття // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov 1968, s. 146.

[67] Русское Слово. 1930, 15. С. 3.

ной пропагандой русского языка, приходили к мысли о том, что самым эффективным способом противостоять ассимиляции является использование того наречия, на котором говорит местное население.

Именно эта мысль стала дополнительной причиной появления особого русинского течения, которое было представлено не только прешовским грекокатолическим духовенством, но и местным отделением русофильского общества «Духнович». Подобная эволюция русофилов из местного отделения общества «Духнович» была вполне естественной в конкретных условиях Восточной Словакии. Заметную роль в формировании русинского направления сыграла политика местных словацких властей, отношение которых к украинофилам с самого начала было гораздо сдержаннее, чем отношение официальной Праги.

Еще в 1920-е годы, когда Прага поддерживала украинское направление в Подкарпатской Руси, местные словацкие власти в Прешове относились к украинофилам довольно прохладно, рассматривая их деятельность как потенциально опасную для чехословацкого государства. В августе 1930 г. руководители местной полиции в Прешове предостерегали министерство внутренних дел Чехословакии, указывая на то, что секретная цель украинского течения состоит в создании Великой Украины с Галицией, Подкарпатской Русью и, возможно, Восточной Словакией и обращая внимание Праги на «особую важность» этого направления[68]. В то же время представители местной полиции с большим интересом отнеслись к русинскому течению и к намерению епископа Гойдича создать особый русинский язык на основании местных диалектов[69]. К подобным выводам приходили и некоторые руководители чехословацкой администрации в Подкарпат-

[68] SÚA, inv.č.654, sign.294, fond PMR, kart.č.150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

[69] Ibidem.

ской Руси. Еще в 1924 г. в письме президиуму чехословацкого кабинета министров вице-губернатор и школьный советник Подкарпатской Руси подчеркивали, что «для нас, чехов ... местный русинский диалект является самым близким. Чех может легко его освоить и наоборот ... Почему мы должны возводить барьер между Чехословакией и русинами и почему бы нам, наоборот, не сделать русинский язык ближе чешскому и словацкому? Тем самым мы пошли бы навстречу местным силам, сделали бы русинов ближе нашей республике и отгородились бы стеной и от Украины, и от России»[70].

Однако данные пожелания не были реализованы на практике в Подкарпатской Руси, где пражские чиновники в целом продолжали поддерживать украинофилов. В отличие от чехов, словацкие власти предприняли практические шаги, направленные на развитие именно местного русинского языка, а не русского или украинского. Так, «Народная Газета» выражала возмущение по поводу того, что в некоторых деревнях словацкие власти разрешали учителям начальных школ преподавать на местном русинском диалекте, но препятствовали обучению на русском литературном языке[71]. «Господин Капральчик для шаришских словаков не позволил бы в школах учить шаришское наречие, но ввел бы наречие западных словаков»[72], – критиковала политику словацких властей в области просвещения «Народная Газета». Многие русофилы упрекали словацких чиновников в том, что они способствуют распространению словацкого литературного языка среди прешовских словаков, но препятствуют распространению русского литературного языка среди прешовских русинов.

Со временем русинская политика словацких властей, расходившаяся с политикой Праги в Подкарпатской Руси

[70] SÚA, inv. č. 588, sign. 223, fond PMR, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

[71] Народная Газета. 1929, №4.

[72] Там же.

в ряде аспектов, способствовала появлению некоторых специфических черт восточнословацких русинов, отличавших их от русинского населения Подкарпатья.

Важная особенность Восточной Словакии заключалась в том, что здесь получили развитие только русофильская и русинская ориентации, в то время как украинская пропаганда так и не завоевала популярность среди местного русинского населения. Изолированности русинов Восточной Словакии от их подкарпаторусских соплеменников способствовала не только новая административная граница по реке Уж, отделявшая Словакию от Подкарпатской Руси, но и созданная в первой половине XIX века отдельная грекокатолическая епархия с центром в Прешове. Это автономное церковное образование имело колоссальное влияние на духовную и культурную жизнь всего русинского населения Восточной Словакии, которое оставалось под влиянием местного грекокатолического духовенства, настроенного в своем подавляющем большинстве русофильски. Грекокатолическое духовенство в Подкарпатской Руси, испытывавшее сильное влияние соседней Галиции, в значительной степени симпатизировало украинофилам. Другой важной чертой Восточной Словакии было то, что, в отличие от Подкарпатской Руси, здесь не было мощного коммунистического движения и влиятельной коммунистической прессы, которая внесла весомый вклад в формирование украинской идентичности у подкарпатских русинов.

* * *

Вполне естественно, что те черты русинского течения, которые сближали его с русофилами, вызывали резкую критику украинофилов. Русинская ориентация характеризовалась украинскими деятелями как «неестественное и враждебное национальной идее» явление. Сторонники русинской культурной ориентации обвинялись украинофилами в «изоля-

ционизме» и приверженности русско-церковнославянскому языку, который, по мнению украинофилов, был чужд простому народу и был «искусственно изобретен кучкой местных интеллигентов, погруженных в старые традиции»[73].

С критикой русинского течения выступали и русофилы. «Народная Газета», например, отрицала само существование «так называемых русинов» и обвиняла представителей русинской ориентации в том, что они являются скрытыми пособниками украинофилов. Так, «Народная Газета» обрушилась с резкой критикой на статью в газете «Русское Слово», автор которой утверждал, что «родовое племя» местного восточнославянского населения не «российское», а русинское. «О таком племени еще никто не слышал, что он сам отлично знает, – писала «Народная Газета». – Мы знаем, что этому священнику хочется назвать себя украинцем, но «и хочется, и ... да мамка не велит». Вот потому он и прикрывается русинством»[74]. Характеризуя печатный орган пресовской грекокатолической епархии газету «Русское Слово», которая поддерживала русинское направление, «Народная Газета» обвиняла ее в «тихом» пособничестве «украинско-волошиновской партии», отмечая, что «большинство наших священников получают ее только потому, что она ... является урядовой»[75]. Намерения и практическая деятельность представителей русинского течения воспринимались русофилами как дополнительное препятствие на пути к их главной цели – распространению русского литературного языка и русской культуры среди местного населения.

[73] Слово Народа. 1932, 5. С. 2.

[74] Народная Газета. 1929, № 1.

[75] Ibidem.

Глава 5
«Да живет русский язык!..»

ИТОГИ ПОЛИТИКИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВЛАСТЕЙ В РУСИНСКОМ ВОПРОСЕ

«Говорите всюду по-русски! В урядах, в торговлях, в кофейнях требуйте русские надписи ... Национальное будущее и развитие русской культуры зависят от нас самих ... Гордитесь тем, что вы русские, и никогда не забывайте об этом».

(Карпаторусский Голос. 25 апреля 1933, №89).

«Чешские империалисты решили более последовательно чехизировать Подкарпатье ... Уряды уже чехизируют население. Хочешь добиться результата – говори с паном урядником по-чешски, а то он рассердится и вопроса не решит».

(Карпатська Правда. число 27, дня 26 червня (юния) 1932).

К началу 1930-х годов результаты русинской политики чехословацких властей стали проявляться все более отчетливо. Среди русинов Восточной Словакии продолжали господствовать традиционные русофильская и русинская ориентации, граница между которыми была зачастую размыта; попытки активистов украинского движения развернуть украинскую пропаганду в Восточной Словакии закончились неудачей как вследствие противодействия местной русинской интеллигенции, так и по причине настороженного отношения словацких властей к украинскому движению.

В Подкарпатской Руси, где украинофилы пользовались поддержкой официальной Праги, украинская ориентация, пропагандируемая галицкими эмигрантами и местными коммунистами, встретила понимание у части местной интеллигенции; противостояние русофилов и украинофилов постепенно приобретало все более острые формы, распространяясь на все сферы жизни Подкарпатской Руси и оказывая серьезное влияние на внутриполитическую ситуацию.

Русинские деятели не скрывали своего разочарования и раздражения политикой чехословацких властей в Подкарпатской Руси. В 1931 г. ведущие представители подкарпатских русинов, поддержанные некоторыми общественными и политическими деятелями Чехословакии, обратились к общественности Подкарпатской Руси и Чехословакии с «Декларацией культурных и национальных прав карпаторусского народа», в которой был затронут весь спектр самых злободневных для подкарпатских русинов проблем и высказано отношение русинской интеллигенции к политике официальной Праги.

«Русские люди Подкарпатской Руси! Братья Чехи и Словаки! ... На основании мирного договора и конституционной грамоты ЧСР Подкарпатская Русь должна получить особое автономное управление, в котором культурные и национальные дела будет решать сейм. Поскольку сейм еще не созван, постольку культурно-национальная жизнь Подкарпатской Руси регулировалась в административном порядке правительством ЧСР, – говорилось в декларации. – ... Мы признаем, что в области административного управления и особенно в отношении хозяйственно-промышленном Подкарпатская Русь сделала значительный шаг вперед, однако в то же самое время в культурно-национальном смысле, а в особенности в области школьного дела, мы со скорбью и возмущением должны констатировать не только полное пренебрежение некоторых высших урядов к мнению основной ... на Подкарпатской Руси части населения, но и противодействие ходу развития, основанному на традиции и воле народа. В течение более чем десяти лет посредством школ проводится

украинизация нашего края, решительно противоречащая воле народного большинства, – подчеркивали авторы декларации. – Украинское движение было создано на Подкарпатской Руси искусственно, благодаря широкой моральной и материальной его поддержке со стороны некоторых высших инстанций»[1].

Столь суровый приговор, «со скорбью и возмущением» вынесенный русинскими национальными деятелями официальной Праге, имел под собой самые веские основания. «Все учительские конгрессы ... высказались за планомерное введение в школы Подкарпатской Руси русского литературного языка. Языковая комиссия 1926 года, пропорционально избранная, подтвердила это решение. Выборы в парламент дали соотношение в пользу русской ориентации 6:1. Народная перепись 1930 года показала, что при наличии примерно 400.000 русских вся украинская нация на Подкарпатской Руси ограничена 2.355 лицами, – приводили убедительные доказательства авторы документа. – Общество им. Духновича в настоящее время по официальной статистике имеет 230 читален, в то время как «Просвета» только 70, причем деятельность последней выражается только 11 % общей внешкольной культурной работы края, в то время как деятельность Общества Духновича равна 60 % ... Министерство Школ и Народного просвещения до сих пор не одобрило ни одного русского учебника, а в отношении грамматики Е.С.Сабова в течении семи лет не дало ответа, несмотря на ежегодно повторяющиеся просьбы о ея одобрении. Одобренные украинские учебники, – подводили итог русинские деятели, высказывая свое отношение в том числе и к официально признанной украинофильской грамматике Панькевича, – представляют научный абсурд ... изобилуют явными противоречиями карпаторусской культурно-национальной традиции ... Язык, покровительствуемый министром, не имеет за собой никакого культурного богатства, так как не только карпаторусские, но и вообще рус-

[1] Карпатский Свет. 1931, 5–6-7. С. 1207.

ские или украинские писатели на языке школ Подкарпатской Руси не писали»[2].

Декларацию со столь жесткой и нелицеприятной оценкой действий чехословацких властей подписали руководители Общества имени А.Духновича, представители Учительского товарищества Подкарпатской Руси, сенаторы Э. Бачинский, В. Клофач, Фр. Мерта, И. Цурканович, а также депутаты чехословацкого парламента А. Гайн, И. Куртяк, К. Прокоп, В. Щерецкий, И. Заяц. Среди подписантов были представители народно-демократической партии, национальных социалистов, Автономного Земледельческого Союза, Трудовой партии и Русской Народной партии.

Главные положения «Декларации культурных и национальных прав карпаторусского народа» были поддержаны русинской общественностью и легли в основу резолюций Всенародного Карпаторусского Конгресса, состоявшегося в Мукачево 9 октября 1932 года. Карпаторусский Конгресс, в работе которого приняли участие более 2.000 делегатов, представлявших 297 русинских сел и 923 различных обществ и организаций Подкарпатской Руси, прошел под знаком резкой критики как украинофилов, так и политики чехословацких властей. Лозунги участников конгресса отличались радикализмом и воинственностью. «Украинская атака отбита. Селяне демонстрируют: да живет русский язык! Долой украинцев! Бог дал нам язык и не Дереру его взять (*Дерер – министр образования Чехословакии – К. Ш.*). Украинцев выгнали из Галиции за преступления, а МШАНО дает им воспитывать русских детей ... (*МШАНО – министерство школ и народного образования Чехословакии – К. Ш.*). Если грекокатолический епископ не желает утратить епархию, он должен прекратить украинизацию»[3], – под такими примечательными лозунгами проходила работа Всенародного Карпаторусского Конгресса. Главные требования

[2] Там же. С. 1208–1209.

[3] Карпаторусский Голос. 11октября 1932, № 113.

принятых на конгрессе резолюций предусматривали прекращение поддержки украинофилов со стороны властей и переход на русские учебные пособия в сфере образования, а также более широкое представительство русинов в работе административных органов Подкарпатской Руси.

Борьба русинской интеллигенции с чехословацкими властями за введение русских учебников в школы Подкарпатской Руси была затяжной и носила ожесточенный характер. Летом и осенью 1932 г. в русинской прессе прошла массовая кампания за русские учебные пособия; на страницах русинских газет публиковались многочисленные требования с мест об устройстве русских школ, которые часто направлялись непосредственно в министерство просвещения Чехословакии. Под давлением русинской общественности руководство министерства просвещения было вынуждено дать устное обещание разрешить обучение в школах по русским учебникам, однако это обещание откровенно и целенаправленно саботировалось. Наряду с устным обещанием министерство просвещения издало прямо противоречащее ему распоряжение №31.170/32-I/1, в соответствии с которым из школ удалялись «не получившие официального одобрения» учебники, т.е. те самые «русские учебники, введенные учительством на основании устных заверений господина министра ... Чаша терпения добровольно присоединившегося к ЧСР русского народа ... переполнена»[4], – писал русинский публицист. В сентябре 1932 г. карпаторусская делегация добилась встречи с министром образования Дерером в Праге и передала ему меморандум с требованием допустить в школы русские учебники. Несмотря на очередные обещания министра, члены делегации остались недовольны результатами встречи. Переговоры «с министром Дерером и его мнение по вопросу о языке делегация признала неудовлетворительными»[5].

[4] Карпаторусский Голос. 24 августа 1932, №76.

[5] Карпаторусский Голос. 16 сентября 1932, №95.

Многоообразие проблем, с которыми русинское общество Подкарпатской Руси столкнулось в начале 1930-х годов, потребовало создания нового печатного органа. С 1 мая 1932 года в Ужгороде при поддержке губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида начала выходить ежедневная русинская газета «Карпаторусский Голос», издававшаяся на литературном русском языке. «В карпаторусской общественной жизни давно чувствовалась необходимость издания независимой... русской ежедневной газеты, которая верно и беспристрастно выражала бы волю карпаторусского народа ... На почве лояльности к республике и взаимного понимания трех государственных народов – чехов, словаков и карпатороссов – мы будем обсуждать все вопросы как Подкарпатской Руси, так и державы, – писал в первом номере «Карпаторусского Голоса» ее редактор доктор И. В. Каминский. – ... Будем бороться за права и равноправие русского языка, за русскую школу и культуру по вековым традициям нашего народа ... На основании мирного договора и конституционной грамоты требуем признания равноправия карпаторусского чиновничества ... во всех государственных ведомствах ... На автономной Подкарпатской Руси в руководящих урядовых местах карпаторуссы должны иметь первенство. В школьной политике ... не могут иметь места ни покровительствование чешским или словацким школам в русских селах, ни поддержка украинизации, явления, которое решительно осуждено самыми широкими массами карпаторусского народа. Будем стараться отстранить те ошибочные, иногда тенденциозные мнения, которые о нашем карпаторусском народе не раз появлялись в туземной и заграничной печати, представляя Подкарпатскую Русь в виде какой-то темной, дикой, некультурной области, обижая карпаторусский народ»[6].

Особое место в своей редакционной статье Каминский уделил отношению с украинофилами. «В борьбе украинского направления с русским, – писал Каминский, – наше отноше-

[6] Карпаторусский Голос. 1 мая 1932, № 1.

ние ясно: мы украинцев считаем своими братьями-русскими, и языковой спор для нас не является причиною к тому, чтобы мы друг друга не любили. Наоборот, самые жизненные вопросы нашего народа заставляют украинцев и нас искать сближения и совместной работы для общего блага нашего народа»[7]. Поиски «сближения» и «совместной работы» главным образом были продиктованы возросшим стремлением подкарпатских русинов получить давно обещанную чехословацкими властями автономию, в которой были заинтересованы как русофилы, так и украинофилы. Проблема автономии Подкарпатской Руси продолжала активно обсуждаться на станицах русинской прессы, которая упрекала чехов в искусственном затягивании решения этого вопроса, в «бесправии» губернатора Подкарпатской Руси и в игнорировании интересов русинского населения.

Довольно типичным явлением общественной жизни была ожесточенная газетная полемика, в ходе которой русинская пресса остро реагировала на недружественные выпады в адрес русинов и Подкарпатской Руси на страницах чешских и словацких газет, напоминая чехам обо всех невыполненных ими обещаниях. Так, гневную отповедь «Карпаторусского Голоса» вызвала перепечатанная в чешской прессе статья некоего голландского журналиста, изображавшего карпаторусский народ «глупым, темным, ленивым, пьянствующим» и заявлявшего, что «президент Масарик свыше десяти лет борется против этих недостатков русина, который к его благородству относится апатически». Особое возмущение русинских журналистов вызвало то обстоятельство, что чехословацкий официоз «Чесословенска Република», поместивший эту статью на своих страницах, солидаризировался с обвинениями в адрес русинов. Реагируя на эту статью, «Карпаторусский Голос» писал: «Республика получила территорию Подкарпатской Руси со всеми ее богатствами бесплатно, а взамен она обязалась осуществить автономию. Тринадцать лет прошло от дня присоединения, но автономии

[7] Там же.

нет, карпаторусского законодательного сейма нет, карпаторусский губернатор не имеет компетенции ... Наоборот, Прага поместила в Подкарпатскую Русь большое количество чешских чиновников ... ввела администрацию на чешском языке, учреждает в русских селах чешские школы, для чешских урядов построила множество дорогих зданий... и свободно распоряжается карпаторусским национальным имуществом, каким являются огромные леса, соляные копи, полонины и пр.»[8].

Многие русинские деятели указывали на обстановку психологического дискомфорта, которую ощущали вокруг себя русофильски настроенные русины в Чехословакии. «К сожалению, в нашей республике русский народ не достиг всего того, что ему было обещано ... и, можно сказать, считается последним из народов. У нас нехорошая рекомендация быть сознательным русским, русофильство как-то вызывает ироничную улыбку, человек такого заказа считается отсталым, – делился своими наблюдениями с читателями лидер Русской Народной партии в Словакии К.П. Мачик и язвительно заключал. – Повидимому, немцы ближе стоят к сердцу официальных кругов»[9]. Время от времени негодование русинской общественности вызывали чешские литературные произведения и кинофильмы о Подкарпатской Руси, где, по мнению русинской прессы, всячески смаковалась культурная отсталость русинов, изображавшихся экзотическими дикарями, и подчеркивалось цивилизующее влияние чехов.

* * *

Если русофильские круги обвиняли чехословацкие власти в поддержке украинофилов, то представители украинского направления были недовольны ассимиляторскими тенденциями в политике Праги и ее попытками чехизировать мест-

[8] Карпаторусский Голос. 15 июня 1932, № 24.

[9] Народная Газета. 1933, № 1–2.

ное население. Со второй половины 1920-х годов эти обвинения особенно часто появлялись на страницах печатного органа коммунистов Подкарпатской Руси газеты «Карпатська Правда», которая издавалась на литературном украинском языке. «Начался новый школьный год, а вместе с ним и новая волна чехизации»[10], – писала «Карпатська Правда» 8 сентября 1929 года, возлагая главную вину за политику чехизации на господствовавшую в Подкарпатской Руси партию аграриев. «На борьбу против чехизации ... Чехизация затапливает наши города и села. Чешские школы растут, как грибы после дождя. Местная буржуазия не способна бороться против чехизации. За саботаж чешских школ!», – под такими примечательными заголовками вышел номер «Карпатской Правды» 26 сентября 1929 г. «Год за годом растет число чешских школ, не только в городах, но и в селах ... хотя в селах нет чешских детей ... В селе Голубинном нет ни одного чешского ребенка, но чешская школа существует уже три года. В Чернике нет ни одного ни чешского, ни еврейского ребенка, а чешская школа имеется, – приводила примеры ассимиляторской политики чехословацких властей «Карпатська Правда». – Чехизируют украинских детей насильно, так как украинской школы нет и селяне должны посылать своих детей в чешскую школу, поскольку иначе их наказывают. Коммунистическая партия призывает трудящиеся массы к решительной борьбе против чехизации, которая является средством укрепления чехословацкого империализма в Закарпатье. Не просьбами, не делегациями, а саботажем чешским школ мы можем бороться с чехизацией образования: не пускать ни одного ребенка в чешскую школу, требовать школ с преподаванием на родном языке. Долой чехизацию! Долой чешские школы! Долой чешский империализм!»[11]

Обеспокоенность русинской общественности ростом количества школ с чешским языком обучения была обоснован-

[10] Карпатська Правда. Число 14, 8 вересня (сентября) 1929.

[11] Карпатська Правда. Число 17, 26 вересня (сентября) 1929.

ной. Если в 1920 в Подкарпатской Руси было 22 чешские школы, то к 1938 г. их число увеличилось до 188, что намного превышало образовательные потребности проживавшего в Подкарпатской Руси чешского населения, подавляющее большинство которого составляли чиновники и члены их семей[12].

С июня 1932 г. языковые споры в Подкарпатской Руси приобретают более сложный и ожесточенный характер, выражаясь не только в традиционном противостоянии украинофилов и русофилов, но и в сопротивлении русинской общественности возросшему ассимиляционному давлению чехословацких властей. В известном смысле можно утверждать, что с начала 1930-х годов и русофилы, и украинофилы вели борьбу на два фронта – как друг против друга, так и против ассимиляционной политики властей. Причиной обострения языковых споров стало постановление языкового Сената Высшего Административного Суда Чехословакии, в соответствии с которым «чехословацкий» язык как официальный государственный язык был объявлен «имеющим преимущество» на территории Подкарпатской Руси перед языком местного населения до окончательного решения языкового вопроса будущим сеймом Подкарпатской Руси.

Решение Высшего Административного Суда было воспринято как очередное наступление на культурно-языковые права русинов и вызвало негодование всей русинской общественности независимо от ее национальной ориентации. «Карпатороссы не являются народом меньшинственным, все же они, как и меньшинства, не могут требовать, чтобы административные ведомства и суды выносили решения по их прошениям исключительно на языке русском ... Язык внутреннего производства судов и административных урядов есть язык чехословацкий. Это решение Административного Суда поразит весь карпаторусский народ, который, как народ свободный, добровольно присоединился к чехословацкой республике под условием, что за ним будет признано право на широчайшее ... само-

[12] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 169.

управление, – писал «Карпаторусский Голос». – Мирный договор и конституционная грамота чехословацкой республики эту «широчайшую автономию» гарантировали прежде всего на поле русского языка ... Решение Административного Суда совершенно расходится с всеобщим мнением карпатороссов, которые считают себя народом государственным, создавшим чехословацкую республику вместе с чешским и словацким народами ... Если словацкий язык имеет характер государственного языка и считается равноправным с чешским, то язык карпаторусского народа тоже должен быть признан языком государственным тем более, что мирный договор и конституционная грамота гарантировали русскому языку широчайшие автономные права»[13].

Еще более резко на решение Высшего Административного Суда Чехословакии отреагировали украинофилы-коммунисты. «Чешские империалисты решили более последовательно чехизировать Подкарпатье. Высший Административный Суд постановил, что официальным государственным языком на Подкарпатье должен быть чешский язык, – комментировала решение чехословацких властей «Карпатская Правда». – ... В наших селах уже основано более 200 чешских школ. Чехизаторы ... оправдывались тем, что ... чешские школы просит местное население. Ни для кого не секрет, что представители чешской буржуазии получали подписи на просьбы об открытии чешских школ от корчмарей, которым в награду за подписи выдавали лицензии ... Сами уряды уже чехизируют население. Хочешь добиться результата – говори с паном урядником по-чешски, а то он рассердится и вопроса не решит»[14].

В своей борьбе с ассимиляционной политикой властей русинская интеллигенция обращалась к опыту словаков. Большой отклик в Подкарпатской Руси вызвал протест 130 словацких писателей против реформы словацкого правописания, призванной приблизить словацкий язык чешскому в рамках создания

[13] Карпаторусский Голос. 1 июня 1932, № 14.

[14] Карпатська Правда. Число 27, 26 червня (юния) 1932.

«общего чехословацкого языка». Протест словацких писателей был поддержан на собрании Матицы Словацкой 12 мая 1932 г., после чего «сторонники чехословацкой ориентации покинули собрание ... Итак, не только в Подкарпатской Руси, но и в Словакии идет борьба за язык. Словаки считают, что они имеют свой язык, созданный не без влияния русской грамматики, и не хотят превращать его в чехословацкий, – делился своими мыслями по поводу чешско-словацкого языкового спора «Карпаторусский Голос». – Вопросы культуры не могут подчиняться политическим заданиям. Не может и карпаторусский народ отказаться от своего сокровища – своего языка и заменить его импортированным украинским или приблизить к чешскому»[15]. Отрицательная реакция чехов на отказ словаков реформировать словацкое правописание для сближения своего языка с чешским вызвала оживленные отклики русинов. «Чешские правительственные газеты резко высказались против этого сепаратистского, в случае признания наличия «чехословацкого» народа, уклона ... В отношении к словакам правительство стоит на точке зрения допустимости литературно-языкового сближения ... Однако единого чехословацкого языка еще нет ... он только в проекте на будущее, – писал «Карпаторусский Голос», упрекая чехословацкие власти в политике двойных стандартов, заключавшейся в поддержке чехословацкого культурно-языкового единства и в одновременном препятствовании общерусскому единству. – Русский литературный язык, общий всем русским племенам – явление, не подлежащее сомнениям. До сих пор только незначительная часть малорусского племени, и то несвободная в своих решениях, пожелала оторваться от прочего русского народа и наскоро изобрела так называемый украинский литературный язык. И эта попытка отрыва, не имевшая в прошлом Подкарпатской Руси никакой традиции ... ныне является основой деятельности ШО (*школьного отдела – К.Ш.)* на Подкарпатской Руси»[16].

[15] Карпаторусский Голос. 2 июня 1932, № 15.

[16] Карпаторусский Голос. 10 августа 1932, № 66.

С начала 1930-х годов в условиях возросшей чехизации русинские деятели резко активизировали пропаганду русского языка и русской культуры. «Говорите всюду по-русски! – призывали русинские газеты. – В урядах, в торговлях, в кофейнях требуйте русские надписи ... Национальное будущее и развитие русской культуры зависит от нас самих. Только твердое национальное самосознание укрепит нас. Гордитесь тем, что вы русские, и никогда не забывайте об этом»[17]. Подобные призывы регулярно появлялись на страницах русинской прессы в тридцатые годы.

С середины 1930-х годов чехословацкие власти в Подкарпатской Руси начинают вносить некоторые коррективы в свою культурно-языковую политику, пересматривая отношение к украинофилам и стремясь в большей степени учитывать местные особенности. Это нашло свое проявление в дискуссии о языке, на котором различные чехословацкие официальные органы в Подкарпатской Руси издавали свои материалы для местного населения. В письме президиума земельного управления Подкарпатской Руси в Ужгороде руководству министерства просвещения от 7 октября 1935 г. сообщалось: «Поскольку о так называемом языковом вопросе в Подкарпатской Руси автономный сейм до сих пор не принял решения ... земельное управление в Ужгороде, как и другие государственные учреждения в Подкарпатской Руси, издает свои «Официальные Известия», «Земельный Вестник» для Подкарпатской Руси и прочие официальные печатные материалы в соответствии с положениями Генерального статута на том языке, который употреблялся на этой территории до революции, т. е. на языке «status quo». На этом языке бывшее венгерское правительство издавало свои официальные материалы и законы, тем самым признав официальный характер этого языка (русский/малорусский язык с этимологическим правописанием, т. е. язык народа). После установления контроля над данной территорией ... земельное управление Подкарпатья

[17] Карпаторусский Голос. 25 апреля 1933, №89.

использовало этот язык как официальный и продолжает придерживаться этого вплоть до настоящего времени, не взирая на влияние украинских и русских эмигрантов, которые сюда переселились и принесли с собой свои старые языковые и культурные споры, – указывалось в письме президиума земельного управления Подкарпатской Руси. В то же время, авторы документа с явным неудовольствием отзывались о проукраинской ориентации чешских чиновников местного школьного отдела. – «Официальный Вестник» школьного отдела земельного управления вплоть до настоящего времени издавался на украинском языке с искусственным правописанием ... Школьный отдел, – говорилось далее в документе, – поступил правильно, изменив свою предыдущую ничем не обоснованную позицию и приспособив издание своего Вестника к той форме, в которой издаются все остальные официальные публикации, с самого начала использовавшие традиционный язык местного русинского народа»[18].

В отношении чешских властей к ситуации в Подкарпатской Руси имела место определенная раздвоенность. Если чешские чиновники министерства образования и школьного отдела отдавали явное предпочтение украинскому направлению, то остальные были склонны в большей степени учитывать местные особенности. Однако даже наиболее проукраински ориентированный школьный отдел земельного управления Подкарпатской Руси был вынужден частично пересмотреть свою позицию и внести коррективы в свою деятельность с учетом культурно-языковых особенностей Подкарпатской Руси.

Примечательным было и поведение Высшего Административного Суда Чехословакии, который 26 июня 1935 года «принял решение № 5. 136/33 о том, что в соответствии с законом языком славянского населения Подкарпатской Руси является язык русинский, русский (малорусский), а националь-

[18] SÚA, fond PMR, inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

ность этого населения определяется как русская (малорусская). Любое другое обозначение, например украинский язык, является в соответствии с законодательством в правовом отношении недопустимым»[19]. Решение Высшего Административного Суда делало заметный шаг навстречу русофильской интеллигенции Подкарпатской Руси, отрицавшей существование отдельного украинского народа. Вместе с тем, подобный вердикт означал вмешательство Высшего Административного Суда в сферу компетенции будущего парламента Подкарпатской Руси, которому, в соответствии с Генеральным статутом, отводилось право принятия окончательного решения вопроса о языке и национальности местного населения.

Серьезная уступка русофильской интеллигенции была сделана и в области просвещения. В октябре 1936 г. чехословацкие власти после многолетних усилий русофильской общественности наконец рекомендовали русофильскую грамматику Сабова в качестве учебного пособия для школ Подкарпатской Руси. По словам П. Р. Магочего, «признание «грамматики» Сабова чехословацкой администрацией в 1936 г. было попыткой смягчить недовольство и пойти навстречу многочисленным требованиям ввести русский язык в школьную систему Подкарпатской Руси»[20].

Наряду с определенными реверансами в сторону русофилов, Прага проявляла возросшую заинтересованность в поддержке русинофильского течения в противовес как украинофилам, так и русофилам. В 1930-е годы чехословацкими властями были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Так, с 1934 г. в Подкарпатской Руси началось радиовещание на местном русинском диалекте. В 1936 г. при поддержке чехословацкого правительства был создан подкарпатский национальный театр, представления которого также проходили на местном диалекте. Появился ряд публикаций и печатных

[19] Ibidem.

[20] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 140.

изданий, подчеркивавших самобытность и оригинальность Подкарпатской Руси и населявшего ее народа; с этой же целью в середине 1930-х годов при поддержке властей была создана Матица Подкарпаторусская. Тем не менее, в целом поддержка Прагой русинофильской ориентации носила расплывчатый и бессистемный характер; целенаправленных попыток создать отдельный русинский литературный язык чехословацкие власти также не предпринимали. «Пражская политика «русинизма» не являлась тщательно разработанной программой, – отмечал П. Р. Магочий. – ... В ответ на возросшую политическую напряженность в Подкарпатской Руси ... «русинизм» выступал в роли компромисса, который в лучшем случае мог способствовать распространению доверия и уважения к чехословацкому государству у населения Подкарпатской Руси»[21].

Возросшая ориентация Праги на русинофильское направление нашла свое выражение в кадровой политике. В 1935 г. губернатором Подкарпатской Руси был назначен грекокатолический священник Константин Грабарь, сторонник русинофильской ориентации, который пробыл на этом посту вплоть до 1938 г. Изменение акцентов в русинской политике чешских властей и личность К. Грабаря вызвали критические отзывы русофильской общественности. «В Праге при МШАНО (*министерство школ и народного образования – К.Ш.*) открыт новый карпаторусский отдел, где шефом отделения назначен доктор Славик, – сообщал в сентябре 1934 г. «Карпаторусский Голос», и, выражая взгляды русофилов, констатировал. -... Направление нового отдела – русинско-украинское, т. е. полная денационализация Подкарпатской Руси. Это новое направление, по-видимому, вполне соответствует намерениям назначения губернатором грекокатолического священника о. Константина Грабаря»[22].

Вместе с тем, в условиях продолжавшегося противостояния различных культурно-языковых ориентаций в Подкарпат-

[21] Ibidem, p. 223.

[22] Карпаторусский Голос. 8 сентября 1934, №646.

ской Руси, среди части чешской бюрократии крепло убеждение в том, что лучшим решением языковых проблем была бы чехизация и словакизация местных русинов. По откровенному выражению одного чешского чиновника, «поскольку Подкарпатская Русь в экономическом смысле является крайне отсталой, а в политическом смысле – необразованной и непросвещенной, наиболее целесообразным было бы способствовать естественной ассимиляции русинов со словаками и чехами ... Так как русины не имеют своей культуры, литературы и языка, с точки зрения государства было бы выгодным чехизировать и словакизировать этот полумиллионный славянский народ»[23]. Подобные настроения среди части чешской бюрократии, которые не были секретом для русинов, а также элементы ассимиляционной политики в виде экспансии чешских школ, отталкивали от Праги как русофилов, так и украинофилов, создавая питательную почву для распространения античехословацких настроений в Подкарпатской Руси.

* * *

Заметно окрепшее к концу 1920-х годов в Подкарпатской Руси украинское национальное движение со временем стало все сильнее политизироваться и радикализироваться, вызывая озабоченность чехословацких властей и прессы. Больше всего чехов беспокоили отчетливые античехословацкие тенденции украинского движения и его усиливавшаяся ориентация на Германию. Предсказания русинской прессы, еще в начале 1920-х годов обращавшей внимание чехов на потенциальную опасность украинского движения для чехословацкого государства, начинали сбываться. «Народни Листы», сообщая 13 июля 1929 года о съезде украинской молодежи в Ужгороде, подчеркивали, что это мероприятие имело четкую античехословацкую направленность. «Украинизация ... при поддержке мини-

[23] Цит. по: Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 227.

стерства иностранных дел, коммунистов и социал-демократов и вопреки предостережениям чехословацкой национальной демократии расширилась до опасных масштабов, – констатировали «Народни Листы». – Сейчас правительственные чиновники вынуждены вносить коррективы в свою деятельность по причине крайней опасности украинизации ... В наибольшей степени это направление поддерживается народной партией во главе с Волошиным ... Украинизм вновь доказал, что от него нельзя ожидать какой-либо благодарности чешскому чиновничеству... Украинский нарыв может означать в будущем и отторжение Подкарпатской Руси к Украине, если наступят какие-либо потрясения в среднеевропейской политике»[24], – проницательно замечали еще в 1929 году «Народни Листы».

Активизацию украинских националистов в Подкарпатской Руси отмечала в конце 1920-х годов и коммунистическая «Карпатская Правда», писавшая, что «в Чехословакии до недавнего времени трезубец ограничивался лишь Прагой, присматриваясь к украинской трудовой эмиграции. Но теперь он идет полным маршем и к нам в Закарпатье»[25].

Орган влиятельной аграрной партии Чехословакии «Венков», в начале 1920-х годов поддерживавший украинофилов, в статье под примечательным названием «Ирредентизм в Восточной Словакии», опубликованной 17 апреля 1930 г., сообщал об аресте шести украинских студентов, занимавшихся в русинских районах Восточной Словакии «ирредентистской» пропагандой. Арестованные местной полицией студенты оказались «членами украинской военной организации. Задача этой организации состоит в подготовке создания Великой Украины, в состав которой должны также войти Подкарпатская Русь и Восточная Словакия вплоть до Попрада, – писал «Венков». – На допросе арестованные выразили свое удивление тем, что в Словакии их арестовали за деятельность, к которой

[24] Národní Listy. 13.VII.1929.

[25] Карпатська Правда. Число 3, 23 червня (юния) 1929.

полицейские органы Подкарпатской Руси, где они находились до этого, относились терпимо и воздерживались от какого-либо вмешательства»[26].

Весьма примечательно на активизацию и радикализацию украинского движения в Подкарпатской Руси отреагировала газета «Подкарпатске Гласы», выражавшая взгляды чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси. Подводя итоги чехословацкой политики в отношении русинов, «Подкарпатске Гласы» признавали 31 октября 1929 г., что «десять лет назад» чехословацкие власти начали административно поддерживать украинское направление, которое помимо этого также получало весомую поддержку со стороны социал-демократов и коммунистов. Констатировав, что за прошедшие десять лет украинское движение в Подкарпатской Руси пустило корни, «Подкарпатске Гласы» с тревогой отмечали нарастание сепаратистских тенденций в рамках первоначально лояльного украинского течения, которое все более уверенно эволюционировало в направлении сотрудничества с врагами Чехословакии[27].

Еще более откровенно об опасности украинского движения в Подкарпатской Руси говорили лидеры чехословацких национальных демократов и национальных социалистов, которые с самого начала демонстрировали критическое отношение к проводившейся официальной Прагой политике поддержки украинофилов. В своем обращении к девятому общему собранию Общества имени А.Духновича в 1932 г. лидер чехословацкой национально-социалистической партии В.Клофач писал: «Дорогие русские друзья! ... Я признаю его (*языковой вопрос – К.Ш.*) все еще жгучим, но считаю обязанностью правительства ... прекратить политику страуса, при которой не желают видеть причин нынешнего языкового хаоса и того факта, что при наличии ошибочных распоряжений некоторых пражских урядов растет движение, которое направлено

[26] Venkov. 17.IV.1930.

[27] Podkarpatské Hlasy. 31.X.1929.

решительно против нашего государства, а по своим методам уже является ирридентой. Я соглашаюсь с теми, – писал Клофач, – кто в языковом вопросе стоит на платформе Ваших старших национальных будителей и кто эту традицию защищает от протежирования галицкого жаргона, прекрасно понимая заранее, чего не могут понять официальные ответственные деятели, – сколь опасные последствия для государства должно иметь это легкомысленное протежирование»[28].

Украинскую угрозу территориальной целостности Чехословакии и близорукую политику чехословацких властей продолжала активно обсуждать русинская пресса. «Наступление ведется с двух сторон границы ради завладения обеими сторонами Карпат, – писал о целях украинского движения «Карпаторусский Голос» в заметке под названием «Украинцы страшны не столько нам, сколько республике». – И вот этому-то движению старательно помогают органы чехословацкой власти. Только ничем не оправдываемая слепота и нежелание видеть грозное будущее могут объяснить ту политику, которая велась и ведется тринадцать лет на Подкарпатской Руси. Не платоническая любовь к карпатороссам, но государственные интересы должны заставить правительство прекратить политику... содействия разрушительным элементам в виде украинизации», – заключал «Карпаторусский Голос»[29].

В связи с ростом тревожных для Праги тенденций в украинском движении чехословацкие власти со второй половины 1930-х годов начинают ограничивать деятельность украинцев, все активнее прибегая к частичной высылке украинских эмигрантов из Подкарпатской Руси в Польшу. Одна из украинских газет, сообщая о насильственном выселении украинских эмигрантов из Чехословакии, в основном с территории Подкарпатской Руси в Польшу, критиковала действия Праги, напоминая чехам, что руководство Украинской Народной Рес-

[28] Карпатский Свет. 1932, 6, с. 1322–1323.

[29] Карпаторусский Голос. 25.8.1932, №77.

публики в 1917 г. не только позволило Масарику формировать чехословацкие легионы на территории Украины, но и предоставило для этого необходимые средства[30].

Тревоги чехов по поводу эволюции украинского движения в опасном для Чехословакии направлении были обоснованными. С конца 1920-х годов ориентация украинского движения на Германию усиливается. В феврале 1929 года в Вене на съезде представителей украинских националистических организаций была создана Организация украинских националистов (ОУН). С приходом в 1933 году к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером началось активное сотрудничество спецслужб нацистской Германии, главным образом гестапо и абвера, с ОУН, которая эффективно использовалась немецкими властями не только в их антипольской, но и в античехословацкой деятельности. Одним из направлений этой деятельности стала засылка украинских националистов из Галиции в Подкарпатскую Русь для ведения украинской пропаганды среди местной молодежи и создания массового украинского националистического движения. Примечательно, что один из представителей украинских националистов Ю. Химинец, действовавший в Подкарпатской Руси в качестве главы местного филиала ОУН, в своих мемуарах с разочарованием вспоминал, что «в первой половине тридцатых годов с русинской интеллигенцией Закарпатья тяжело было даже говорить о необходимости национальной борьбы, так как русинская интеллигенция не знала, с кем и во имя чего бороться»[31]. «Украинская карта» в Подкарпатской Руси стала особенно активно разыгрываться Берлином с 1937 года, когда наряду с дипломатическим давлением на Чехословакию в связи с судетонемецким вопросом Германия стала использовать в своих интересах как сепаратистское движение в Словакии, так и украинофилов в Подкарпатской Руси.

[30] Новий Час. 25. IV. 1936.

[31] Цит. по: Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 86.

Для активизации украинского националистического движения в Чехословакии ОУН и созданный при ней Провод украинских националистов (ПУН), занимавшийся координацией действий с немецкими спецслужбами, способствовали переезду в Подкарпатскую Русь большого количества украинских националистов из Галиции. В ноябре 1937 года при ПУН был образован особый штаб, координировавший действия галичан-эмигрантов в Чехословакии. После убийства главы ОУН Е. Коновальца советскими спецслужбами в 1938 году руководителем ОУН при поддержке немцев стал А. Мельник, имевший тесные связи с германским абвером. С оккупацией Австрии Германией в марте 1938 г. и с возросшим давлением Берлина на Чехословакию активность связанных с Германией украинских националистов в Подкарпатской Руси резко возрастает.

В октябре 1938 г. глава подкарпаторусинского филиала ОУН Ю. Химинец был вызван на переговоры в Берлин, где обсуждалось создание на территории Подкарпатской Руси полувоенной «Организации народной обороны Карпатская Сич», которую предполагалось использовать для последующего захвата власти в Подкарпатской Руси. Костяк «Карпатской Сичи», созданной при активной финансовой и организационной поддержке германских спецслужб, составляли выходцы из Галиции, главным образом имевшие боевой опыт бывшие офицеры Украинской галицкой армии. Поскольку массовой базы для набора рядовых членов «Карпатской Сичи» в Подкарпатской Руси не было, в начале октября 1938 г. ОУН организовала массовые беспорядки в Галицком воеводстве Польши, которые сопровождались столкновениями местных украинцев с польской полицией. Цель этой акции состояла в том, чтобы спровоцировать волну нелегальной эмиграции галицких украинцев в Подкарпатскую Русь. Спасаясь от преследований польской полиции, многие галичане по совету оуновцев нелегально переходили польско-чехословацкую границу и оседали в соседней Подкарпатской Руси, получившей к этому времени статус автономии. Прибывавшие на территорию Подкарпа-

тья галичане пополняли ряды «Карпатской Сичи». По словам П. и С. Годьмаша, «фактическими заказчиками спецопераций в Подкарпатской Руси были спецслужбы фашистской Германии, а ОУН ... эти заказы с усердием исполняла»[32].

* * *

В тридцатые годы культурно-языковая ситуация в Подкарпатской Руси и в Восточной Словакии продолжали развиваться в противоположных направлениях. Усиление украинофилов в Подкарпатской Руси и большое число перебравшихся в Подкарпатье эмигрантов-галичан настолько обострили отношения между соперничающими направлениями в вопросе языка преподавания, что министерство просвещения Чехословакии провело в Подкарпатской Руси в сентябре 1937 года школьный референдум. Цель референдума состояла в получении ответа на вопрос о том, какой язык обучения предпочитают родители учащейся молодежи для своих детей. Несмотря на возросшее влияние украинофилов, результаты референдума подтвердили преобладание традиционного русофильства над украинской ориентацией. За обучение в школах по русофильской грамматике Е. Сабова, которой чехословацкие власти постоянно ставили палки в колеса, высказались в 313 школах, в то время как за украинофильскую грамматику И. Панькевича, официально поддерживаемую чехами, проголосовали в 114 школах, главным образом в приграничных с Галицией гуцульских районах. Вполне оправданным выглядит мнение, объясняющее «подобный результат школьного референдума в высокогорных, граничащих с Галичиной районах» тем, что «учителей – русинов не хватало; в то же время туда охотно шли учительствовать политэмигранты из Галичины ... Родители на референдуме голосовали, исходя из реальных возможностей обеспечения их школ учителями»[33].

[32] Там же.

[33] Там же. С. 91.

Школьный референдум, который, судя по всему, был запоздалой попыткой реверанса чехословацких властей, напуганных активизацией украинского движения, в сторону русофилов, наряду с сохранявшимся преобладанием русофильства, показал и возросшую силу, динамизм и хорошую организацию украинофилов. Так, в ответ на неутешительные для них результаты школьного референдума украинофилы при активном участии «Просвиты» организовали и провели 17 октября 1937 года массовый митинг в Ужгороде с требованием повсеместного введения в русинских школах Подкарпатской Руси украинского языка преподавания. В митинге приняли участие в основном представители тех регионов, которые проголосовали за обучение на украинском языке. По утверждению П. и С. Годьмаша, проукраинский митинг в Ужгороде в октябре 1937 года «был организован на средства Берлина и Москвы местными сторонниками оуновцев и коммунистов»[34]. Одним из главных ораторов на митинге был видный деятель коммунистического движения, депутат чехословацкого парламента от компартии Олекса Борканюк, что свидетельствовало о сближении украинофилов-коммунистов и украинских националистов.

В отличие от Подкарпатской Руси, где украинский фактор проявлялся все активнее, в Восточной Словакии, наоборот, попытки украинской пропаганды потерпели неудачу, а русинские традиционалисты к концу 1930-х годов добились ощутимых успехов в культурно-языковой и образовательной области. Борьба восточнословацких русинов за свои культурно-языковые права носила упорный и последовательный характер, выражаясь в постоянном давлении на словацкие власти. Особое место в этой борьбе занимали усилия, направленные на расширение сферы образования на русском языке и увеличение числа русских школ. Так, во время заседания окружного комитета (*местный орган власти – К. Ш.*) восточнословацкого городка Стропков 22 ноября 1932 г. местный активист Русской Народ-

[34] Там же. С. 92.

ной партии А. Ванюга направил властям три интерпелляции, две из которых непосредственно касались национально-языковых прав русинского населения. Первая интерпелляция обращала внимание властей на то, что в данном районе находится «80 чисто русских и 20 смешанных сел» и требовала введения преподавания на русском языке в русских селах. Вторая интерпелляция напоминала местным властям о принятом еще в 1929 г., но так и не выполненном решении о том, чтобы печати в русских селах были как на латинице, так и на кириллице[35].

Успехи, достигнутые в борьбе за национально-языковые права русинского населения, широко освещались и пропагандировались на страницах русинской прессы. «Героическому примеру села Чирча Сабиновского округа последовало Грабское Бардеевского округа под ведением своего учителя и при поддержке Русской Народной партии, которое все целиком подписало просьбу к Министерству народного просвещения в деле смены преподавательского языка словацкого на русский, – сообщала «Народная Газета» 7 января 1933 года. – Акция ведется на основании данных ... переписи и ввиду ее обоснованности может рассчитывать на успех. За этими селами пусть поднимаются и другие русские села, чтобы планомерно в русских школах водворился язык русский»[36].

Активное участие в отстаивании национальных прав русинов принимало русинское грекокатолическое духовенство. «Наш передовой культурный работник о. Эмилий Левканич, русский священник из села Чирча, – информировала «Народная Газета», -... обратился в органе грекокатолических священников со специальным воззванием к своим алтарным братьям священникам, чтобы по его примеру начали тоже в своих селах акцию за русские школы и по примеру села Чирча посылали прошения прямо на руки господина министра Дерера»[37].

[35] Народная Газета. 1933, № 1–2.

[36] Там же.

[37] Народная Газета. 1933, № 3.

В своей пропагандистской борьбе за образование на русском языке русинские публицисты часто апеллировали к опыту других славянских стран, ставя их политику по отношению к национальным меньшинствами в пример чехословацким властям. «В пряшевской Руси двухсоттысячный русский народ не получил еще свои культурные права, хотя состоит он из коренного населения. Словаки должны примириться с существованием двухсот тысяч русских на Словакии, ибо это будет актом славянской братской справедливости, – писал 5 февраля 1933 года один из русинских публицистов. – ... Для сорока тысяч живущих в Югославии словаков есть ... словацкая гимназия. Почему бы не могло так быть и у нас? Какая радость настала бы среди русского народа в Чехословакии, если бы наш господин президент Масарик во имя славянской солидарности воззвал правительство для удовлетворения культурных требований русского народа на Словакии, как ... Петро царь сербский выступил в деле словацкой гимназии в Югославии. Такое благородство было бы лучшим укреплением нашего государства»[38].

Попытки словацких властей расширить применение словацкого языка в сфере образования восточнословацких русинов встречали энергичный и хорошо организованный отпор русинской интеллигенции. Так, бурю негодования среди русинской общественности вызвало распоряжение школьного инспектора бардеевского округа от 10 декабря 1934 года о переходе с русского языка обучения на словацкий на занятиях богословием. «Протестуем», «Неслыханное распоряжение бардеевского школьного инспектора», «Буря негодования в русских селах»[39] – такими заголовками встретила решение словацкого чиновника русинская пресса. «Русская общественность единодушно протестует против распоряжения преусердного школьного инспектора ... Во время самой большой мадьяризации в наших селах катехизис учили ... всегда по-русски.

[38] Народная Газета. 1933, № 4.

[39] Народная Газета. 1935, № 1–2.

Это наше право, на которое не смели посягнуть даже мадьярские уряды, теперь оспаривает школьный инспектор, – писала «Народная Газета», комментируя решение словацких властей. – Возмущение охватило весь округ. В самом Свиднике 27 декабря состоялось многолюдное собрание, на котором сошлось только священника 23 человека и те вместе с народом решительно выступили против посягательства на наши прадедовские права и на нашу русскую религию»[40].

Активность и наступательность русинских деятелей в отстаивании национальных прав своего народа вызывали опасения у словацкой общественности и прессы. Ситуация осложнялась наличием в Восточной Словакии большого числа словаков грекокатолического вероисповедания, которых словацкие власти считали коренными словаками, а русинские идеологи – словакизированными русинами. Один из лидеров Русской Народной партии в Словакии доктор Иван Жидовский писал в 1935 году, что «карпатороссы всех ориентаций сходятся в одном -... население грекокатолического вероисповедания на Словакии по происхождению русское ... Число грекокатоликов и православных должно бы быть свыше 200.000. Словаков восточного обряда никогда не было. По официальной статистике, было ... признано только 45% русскими»[41]. Разница между официально признанным в Восточной Словакии количеством русинов и числом грекокатоликов была очень большой, что создавало питательную почву для различных спекуляций. В своем отчете о положении русинов в Восточной Словакии полицейский комиссариат Прешова писал в 1930 г., что «на территории, которую некоторые русинские патриоты называют «Пряшевской Русью», проживает 421.996 чехословаков, 94.000 русинов, 102.161 мадьяров ... Из этого количества (в 1921 г.) было 379.801 представителей римскокатоличекого

[40] Там же.

[41] Жидовский Иван. Наше положение в Чехословакии // Народная Газета. 1935, №26.

вероисповедания и 187.128 грекокатолического вероисповедания»[42]. Русинские деятели, настаивавшие на том, что число русинов в Восточной Словакии составляло примерно 200.000 человек, исходили из количества грекокатоликов.

Соперничество словаков и русинов за влияние на грекокатолическое население Восточной Словакии протекало довольно остро. «Обращаем внимание наших властей на опасность русинской пропаганды на востоке Словакии, в первую очередь между гражданами грекокатоличекого вероисповедания, которых стремятся убедить в том, что каждый грекокатолик должен быть русским, – с озабоченностью писала словацкая газета «Словенска политика». – Русинская пропаганда распространяется из Прешова и Ужгорода и уже достигает Спиша. Опасность русинской пропаганды представляется очень серьезной. Мы сами несем за это вину. Например, в течение 15 лет мы так и не смогли подготовить словацкий учебник для грекокатолических школ, поэтому и в словацких школах ученики грекокатолического вероисповедания должны обучаться по русским учебникам ... Эту пропаганду должна нейтрализовать Словацкая Лига своей более активной деятельностью среди грекокатолического населения»[43]. В свою очередь, русинские публицисты с тревогой писали об активизации деятельности Словацкой Лиги в русинских районах Восточной Словакии, обвиняя ее в стремлении ассимилировать русинское население.

Постоянные усилия Русской Народной партии Восточной Словакии и грекокатолической епархии в Прешове, направленные на сохранение и развитие традиционной русинской культуры, и их постоянные протесты в адрес словацких властей привели к росту числа русинских школ. К 1938 г. в Восточной Словакии насчитывалось уже 168 русинских начальных школ; еще в 43 местных школах русинский язык преподавался

[42] SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

[43] Slovenská Politika, 24.XI.1933, № 267.

как предмет. Большое значение для развития культуры и образования прешовских русинов имела деятельность Объединения русской молодежи на Словакии, благодаря усилиям которого в 1936 году в Прешове была открыта Русская гимназия с преподаванием на русском литературном языке[44].

В противоборстве с украинофилами русофилы Восточной Словакии не только сохранили свое влияние на местное русинское население, но и значительно его усилили. К концу тридцатых годов доминирующее положение русофилов в русинских районах Восточной Словакии было очевидным. В январе 1938 г. чешские «Лидове Новины» констатировали полностью русофильскую ориентацию всего русинского населения Восточной Словакии, подчеркивая, что русский литературный язык в это время был языком преподавания в большинстве местных начальных школ (около 60), а также в гимназии, в учительском институте и в семинарии в Прешове[45]. Украинские ученые признавали, что в силу сложившихся политических условий «Пряшевщина стала ... оплотом русофильства и политического русинизма, что очень тормозило национальное возрождение украинского населения»[46].

Усиление влияния русофилов на русинское население Восточной Словакии стало возможным благодаря их умелой культурно-языковой политике, которая сочетала как традиционную русофильскую идеологию, так и определенные уступки местным особенностям в практической плоскости. Так, орган восточнословацких русофилов «Народная Газета», наряду с пропагандой русского литературного языка среди русинов, в тридцатые годы стала все чаще помещать на своих страницах материалы, написанные местными русинскими диалектами. Полицейский комиссариат г. Прешова, характеризуя различные течения среди восточнословацких русинов,

[44] Paul R. Magocsi. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia..., p. 40–41.

[45] Lidové Noviny, 18.1.1938.

[46] Сірка Й. Ук. соч., С. 14.

еще в 1930 г. отмечал эволюцию местных русофилов в русинском направлении. «Великорусское направление в современных условиях мы считаем направлением чисто идейным, которое до сих пор не принесло никаких практических результатов, – сообщали руководители прешовской полиции в своем донесении в Прагу в августе 1930 года. – Общество имени А.Духновича на территории Восточной Словакии ведет свою деятельность исключительно в русинском духе»[47].

Во второй половине 1930-х годов русинские общественные деятели в целом оптимистично оценивали состояние и перспективы русинского движения как в Восточной Словакии, так и в Подкарпатской Руси. «Все же по сравнению с прошлым народное самосознание у нас растет, – констатировал в августе 1935 года доктор Иван Жидовский, один из лидеров Русской Народной партии Восточной Словакии. – ... Заметно растет национальная сознательность русских масс ... Пряшевская Русь ... снабжает Подкарпатскую Русь значительным притоком интеллигенции ... Национальная сознательность на Пряшевщине прогрессирует, хотя грекокатолическое епископство в народных делах выступает сдержанно ... Быстрому выкристаллизованию национальной твари (*облика – К.Ш.*) русского населения мешает значительно колебающаяся политика пражских факторов, но на самой Подкарпатской Руси соотношение сил между русскими и украинцами ... еще сильнее в пользу русских»[48].

[47] SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

[48] Жидовский Иван. Наше положение в Чехословакии // Народная Газета. 1935, № 26.

Глава 6
Прерванный континуитет

РУСИНЫ В 1938–1945 гг.

«Пряшевщина – это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединенных русских исторических земель ... Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав и национальной принадлежности твердо осознало себя, как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинный русский облик ... Русская культура – это великое сокровище ... является национальной гордостью населения Пряшевской Руси».

(Иван Шлепецкий, дня 19 августа 1947 г. // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 3.)

Поступательная эволюция русинов в составе Чехословакии была нарушена Мюнхенским сговором в конце сентября 1938 года и последовавшими за ним потрясениями, которые оказали сильное воздействие на Чехословакию и положение русинского населения. Мюнхенский сговор, лишивший Чехословакию примерно трети ее территории и вызвавший затяжной и прогрессирующий паралич власти, сопровождался резкой активизацией словацкого и русинского движения за получение автономии. В Подкарпатской Руси также активизировалось украинское национальное движение, опиравшееся на военизированную организа-

цию «Карпатская Сич», созданную при содействии германских спецслужб.

Еще до Мюнхенского сговора в чехословацком парламенте при посредничестве американских русинов был образован Русский блок, объединивший русинских депутатов не только русофильской, но и украинофильской ориентации в борьбе за автономию Подкарпатской Руси. В двадцатых числах сентября 1938 г. члены Русского блока подписали декларацию с требованием немедленного введения самоуправления в Подкарпатской Руси.

В условиях внутриполитического кризиса в Чехословакии после Мюнхенского сговора 11 октября 1938 г. по решению премьер-министра Чехословакии генерала Сыровы главой правительства Подкарпатской Руси был назначен лидер самой влиятельной в Подкарпатье партии «Автономный Земледельческий Союз» А. Бродий. Министрами в кабинете Бродия стали русофилы Э. Бачинский, И. Пещак и С. Фенцик, а также украинофилы А. Волошин и Ю. Ревай. Премьерство Бродия продолжалось менее месяца. Являясь неудобной фигурой для украинофилов, он был вскоре смещен ими с помощью доноса и переданных чехословацкому руководству документов, свидетельствовавших о провенгерской деятельности Бродия и его планах присоединить Подкарпатскую Русь к Венгрии.

Примечательно, что возглавляемый Бродием «Автономный Земледельческий Союз», противодействуя бесчинствам галицких эмигрантов, которые нередко вели себя вызывающе по отношению к местному населению, в середине октября 1938 г. распространил по всей Подкарпатской Руси листовки, призывавшие местное население «уничтожать украинских бандитов»[1]. С самого начала Бродий заявил о себе как о решительном и последовательном стороннике объединения всех русинских земель. В своем первом выступлении в качестве премьера Подкарпатской Руси Бродий объявил о готовности правитель-

[1] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 103.

ства Подкарпатской Руси «предпринять все меры для объединения всех русских территорий ... от Попрада до Тисы»[2]. Представители правительства Подкарпатской Руси Пещак и Фенцик выехали с этой целью в Пряшевскую Русь, где идея объединения с Подкарпатской Русью получила широкую поддержку местного населения и политиков. 12 октября 1938 г. была сформирована специальная комиссия по вопросу о словацко-русинской границе, а двумя днями позже в Братиславе начались переговоры по этой теме, которые вскоре были прерваны по инициативе премьера Словакии Й. Тисо. В Прешове 13 октября была созвана Русинская Народная Рада, активно включившаяся в подготовку объединения с Подкарпатской Русью. Однако смещение Бродия, приход к власти в Подкарпатской Руси украинофилов и последующая оккупация южной части Подкарпатской Руси венграми резко изменили ситуацию.

Помимо оуновских интриг, за которыми угадывалась опытная рука берлинского режиссера, другой серьезной причиной отставки Бродия было недовольство Праги его жесткой позицией в вопросе будущих границ Подкарпатской Руси. На переговорах с послемюнхенской Чехословакией в октябре 1938 г. Венгрия требовала присоединения значительной части территории Словакии с городами Братислава, Кошице, Нитра и др. и южной части Подкарпатской Руси с городами Ужгород, Мукачево и Берегово. Реализация этого требования означала утрату Подкарпатской Русью не только своей столицы Ужгорода, но и вообще всех крупных городов. В ходе совещания в Праге 25 октября 1938 г. Бродий не только выступил против этого плана, но и заявил о том, что Подкарпатская Русь будет требовать присоединения всех русинских территорий Восточной Словакии (области Земплин, Шариш и Спиш) с городом Прешов. Подобные планы были неприемлемы как для Словакии, не желавшей лишаться части своей территории, так и для Праги, отчаянно пытавшей удержать словаков в соста-

[2] Paul R. Magocsi. Op. cit., p. 44.

ве общего государства. В итоге 26 октября 1938 г. Бродий был смещен с должности премьера Подкарпатской Руси и арестован; в этот же день главой правительства Подкарпатской Руси стал грекокатолический священник украинофил А. Волошин, пользовавшийся открытой поддержкой Германии.

Приход украинофилов к власти в Подкарпатской Руси означал окончательное размежевание между русинами Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Примечательно, что в течение краткого периода в октябре 1938 г., когда во главе Подкарпатской Руси стояли русофилы Бродий и Фенцик, среди русинов Восточной Словакии развернулась массовая кампания за воссоединение с Подкарпатской Русью. Позднее, когда обвиненный в провенгерской политике Бродий был смещен и к власти пришли украинофилы во главе с Волошиным, движение за присоединение к Подкарпатской Руси среди восточнословацких русинов пошло на убыль, хотя Волошин и его правительство продолжали настаивать на объединении. 22 ноября 1938 г. во время заседания Русинской Народной Рады в Прешове пятнадцать из ее семнадцати членов проголосовали против объединения с Подкарпатской Русью. Украинофильское правительство, пришедшее к власти в Ужгороде, воспринималось восточнословацкими русинами как абсолютно чуждое, а проукраинская политика Волошина и его окружения остро критиковалась на страницах издававшейся в Прешове газеты «Пряшевская Русь»[3].

2 ноября 1938 г. на международной конференции в Вене было принято решение о присоединении населенных этническими венграми территорий южной Словакии и Подкарпатской Руси к Венгрии. Наиболее развитая и богатая часть Подкарпатской Руси с городами Ужгород, Мукачево и Берегово оказалась в составе Венгрии. Столица Подкарпатской Руси переместилась из Ужгорода в небольшой городок Хуст; при этом многие госслужащие, разочарованные политикой Волошина, предпочли остаться в Ужгороде. С переездом в Хуст влия-

[3] Ibidem, p. 45.

ние украинских националистов на политику Волошина резко усилилось. Многие вакантные места в администрации Подкарпатской Руси, возникшие в связи с уходом старых сотрудников, были заняты галицкими эмигрантами. В новую столицу Подкарпатской Руси, находившуюся неподалеку от Галиции, зачастили высокопоставленные эмиссары ОУН. Примечательно, что в ходе Венского арбитража в начале ноября 1938 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп пообещал Волошину широкую политическую и экономическую поддержку со стороны германского рейха.

В середине ноября 1938 г. члены военизированной «Карпатской Сичи» получили официальное разрешение носить униформу; из галицких военных консультантов был сформирован военный штаб сичевиков, находившийся в Хусте. Гарнизоны «Карпатской Сичи», укомплектованные в основном галичанами, были образованы в нескольких районах Подкарпатской Руси. По сути, в Подкарпатской Руси создавалось двоевластие, когда наряду с действующей чехословацкой администрацией, правовой системой и вооруженными силами (на территории Подкарпатской Руси была расквартирована 12 чехословацкая стрелковая дивизия) явочным порядком при содействии Волошина возникали параллельные силовые структуры украинских националистов. В процессе этого двоевластия А. Волошин, опиравшийся на поддержку Берлина, все активнее отстаивал идею галичан о Подкарпатской Руси как о Карпатской Украине, призванной стать отправной точкой в создании единой Соборной Украины. Еще до созыва сейма, который должен был принять окончательное решение о названии Подкарпатья, правительство Волошина издало 30 декабря 1938 г. распоряжение, позволявшее «до окончательного установления названия Подкарпатской Руси», использовать наряду с официальным названием «Подкарпатская Русь» и термин «Закарпатская Украина». «С этого времени каждый сознательный украинец в урядах, в бюро, в редакциях и в частной жизни никогда не будет называть наш край «Подкарпатская Русь», но только «Карпатская Украина».

Это распоряжение правительства должно быть для нас императивом, наказом, чтобы мы навсегда покончили с названием, напоминающим нам рабство и унижение, – с энтузиазмом комментировала это решение правительства волошиновская газета «Новая Свобода». – По-разному нас называли – русин, орос, руснак, малорос ... – но настоящее название было спрятано от народа ... Никому не удалось скрыть нашу правду ... Теперь перед лицом всего мира выступает не темная и перепуганная «Мадьярская Русь» ... а национально сознательная, преданная Украине народная масса ... Наша этнографическая территория начинается у Попрада и простирается до Кавказа»[4]. В отличие от своей предшественницы – украинофильской газеты «Свобода», сохранявшей традиционное русинское этимологическое правописание, – «Новая Свобода» издавалась на чистом украинском литературном языке и позиционировала себя как «украинская независимая ежедневная газета». Большой объем «Новой Свободы», приличное качество полиграфии и ее трансформация в ежедневную газету свидетельствуют о том, что недостатка средств этот официоз Волошина не испытывал.

Действия военизированных формирований «Карпатской Сичи», которые становились все более активными, дестабилизировали обстановку в Подкарпатской Руси и сознательно осложняли отношения Чехословакии с соседними государствами. Так, 15 января 1939 г. группа сичевиков обстреляла венгерский пограничный пост. Для прекращения инцидента, в ходе которого были убитые и раненые, пришлось вмешаться чехословацким пограничникам. Отношения между правительством Волошина и Венгрией, оккупировавшей южную часть Подкарпатской Руси, были крайне напряженными. «Новая Свобода» в рубрике «Из-под мадьярского ярма» подробно сообщала о насилиях венгерских властей по отношению к местному населению в оккупированной венграми части Подкарпатской Руси. «Люди, проживающие на оккупированной мадьярами

[4] Нова Свобода. 3 січня 1939. Число 2.

территории, могут говорить на родном языке только за хорошо закрытыми дверями, – писала «Новая Свобода» 3 января 1939 г. – Полиция задерживает студентов, которые совершенно не владеют венгерским языком, и при помощи переводчика выясняет, почему они не говорят по-мадьярски»[5].

* * *

22 ноября 1938 г. чехословацкий парламент принял конституционные законы «Об автономии Словакии» и «Об автономии Подкарпатской Руси», которые определяли их автономный статус в составе послемюнхенской Чехо-Словакии. Закон «Об автономии Подкарпатской Руси» провозглашал Подкарпатскую Русь автономной составной частью Чехо-Словакии и определял, что окончательное решение о названии автономного образования русинов примет сейм Подкарпатской Руси. Тем не менее, еще до созыва сейма решением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г. наряду с названием «Подкарпатская Русь» было введено второе официальное название «Карпатская Украина», которое стало постоянно использоваться в официальных документах и СМИ.

«Зеленый свет», предоставленный режимом Волошина украинским националистам, вызывал резкое недовольство местного населения и политических партий, настроенных в основном русофильски. Многие партии обращались в Прагу с требованиями сместить Волошина с поста премьера Подкарпатской Руси. Так, образованная 14 ноября 1938 г. в Хусте Центральная Русская Народная Рада во главе с В. Караманом протестовала против насильственной украинизации школ, увольнений русофилов из сферы образования и жаловалась на многочисленные эксцессы со стороны украинских националистов. Для укрепления своих позиций и для подавления политических оппонентов, а также в связи с предстоящими выборами в парламент

[5] Там же.

Подкарпатской Руси 20 января 1939 г. правительство Волошина распустило все политические партии, существовавшие в Подкарпатской Руси. Это решение автоматически аннулировало мандаты депутатов и сенаторов чехословацкого парламента от Подкарпатской Руси, поскольку парламент Чехословакии избирался по партийным спискам. «Правительство Карпатской Украины (Подкарпатской Руси), исходя из необходимости сохранения общественного спокойствия и порядка, а также из того обстоятельства, что деятельность политических партий ... представляет угрозу государственной безопасности, приняло решение распустить все политические партии»[6], – сообщал официоз Волошина «Новая Свобода».

Сразу после этого по инициативе Волошина была образована новая партия «Украинское национальное объединение» (УНО), которое с самого начала имело теснейшие связи с германскими спецслужбами и позаимствовало многие элементы атрибутики немецких нацистов. Официальным органом УНО стала газета «Новая Свобода». В преддверии объявленных выборов в парламент (сейм) Подкарпатской Руси руководство УНО и лично Волошин составили партийный список своих кандидатов. Одновременно распущенные Волошиным русинские политические структуры сделали попытку консолидироваться, создав собственную партию под названием «Русинское национальное объединение» (РНО). Однако составленный ими партийный предвыборный список не был зарегистрирован, а руководство партии было арестовано членами «Карпатской Сичи». Маховик антирусинских репрессий со стороны военизированных формирований «Карпатской Сичи» с приходом к власти Волошина постепенно набирал обороты. Так, многие политические оппоненты Волошина из числа местных русинов были брошены в наспех созданный концлагерь у г. Рахов. Жертвами галицких сичевиков, которые все увереннее хозяйничали в Подкарпатской Руси, нередко занимаясь разбоями и грабе-

[6] Нова Свобода. 22 січня 1939. Число 13.

жом, стали многие местные жители, как евреи, так и русины. В многочисленных жалобах русинского населения на галичан сообщалось о принудительной украинизации, о срыве вывесок на русинском и чешском языках и об их замене на украинские; приводились примеры насилия, террора, грабежей и драк украинских сичевиков с солдатами чехословацкой армии[7].

Отличительными чертами режима Волошина были воинственный авторитаризм, позаимствованный у нацистской Германии принцип вождизма (к главе Карпатской Украины часто обращались как к «Батьке Волошину»), а также агрессивная кампания украинизации местного населения, которая, несмотря на энергичность и последовательность ее организаторов, сталкивалась с многочисленными трудностями, что были вынуждены признавать и сами украинизаторы. «Ряд фактов ... свидетельствует о незнании украинского языка мадьяронским и русофильским учительством ... Много недобитков осталось у нас, которые и дальше работают среди украинской молодежи ... Плохое усвоение украинской мовы в школах обусловлено неискорененностью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка»[8], – признавал на страницах «Новой Свободы» один из украинских деятелей, тем самым невольно ставя под сомнение «украинскость» местного населения. «Было бы неверным полагать, что в 1938 г. большинство местной интеллигенции и общественности отдавали предпочтение украинскому языку. Русский язык ... занимал очень прочные позиции в Подкарпатской Руси»[9], – отмечал П.Р.Магочий.

В обстановке «охоты на ведьм» и давления со стороны властей многие представители русофильской интеллигенции, желая сохранить работу, были вынуждены публично каяться и отрекаться от своих взглядов. «Заявляю, что я разрываю все

[7] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 120.

[8] Нова Свобода. 7 січня 1939. Число 4.

[9] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 144.

отношения с «общерусской» идеологией, за которой я шел под влиянием лидеров этого направления, – писал 2 марта 1939 г. в «Новой Свободе» Василий Гусар, учитель из села Солотвино. – Заявляю, что с сегодняшнего дня я буду работать исключительно в украинских обществах с щирыми работниками-украинцами, которые сердцем болеют за лучшее будущее украинского народа»[10]. Тревожная ситуация в Подкарпатской Руси привлекла внимание Всеамериканского русинского конгресса, состоявшегося в феврале 1939 г. в Нью-Йорке. Участники конгресса осудили террор против русинских крестьян и интеллигенции в Подкарпатской Руси.

12 февраля 1939 г. состоялись выборы в парламент Подкарпатской Руси. Присутствие вооруженных формирований «Карпатской Сичи» оказало сильное влияние на подготовку и проведение выборов, во многом обеспечив требовавшиеся Волошину и украинским националистам результаты. Избирательная кампания носила истеричный и крайне агрессивный характер. «Один Бог на небе, один народ, один избирательный список в Карпатской Украине – список Украинского Национального Объединения. Поэтому каждый украинец в воскресенье 12 февраля голосует за Украинское Национальное Объединение»[11], – гласил один из предвыборных лозунгов. «Все на выборы в сейм Карпатской Украины! – призывала читателей «Новая Свобода» за неделю до выборов. – Тот, кто не пойдет на выборы, уподобится солдату, который убегает с фронта. Он является дезертиром и не имеет права пользоваться завоеваниями народа»[12].

Победителем выборов стало созданное Волошиным и ориентированное на Берлин УНО, все кандидаты которого оказались избранными в подкарпаторусский сейм. «Новая Свобода» оценила итоги выборов как «триумф украинской национальной мысли» и опубликовала интервью с министром правитель-

[10] Нова Свобода. 2 березня 1939. Число 46.

[11] Нова Свобода. 2 лютого 1939. Число 22.

[12] Нова Свобода. 5 лютого 1939. Число 25.

ства Волошина Ю. Реваем, который заявил, что полученные 94% голосов стали для него «большой неожиданностью»[13].

Чехословацкий президент Э. Гаха, имевший конституционное право назначить день открытия первой сессии сейма Подкарпатской Руси, затягивал с определением этой даты, поскольку чехословацкой разведке стало известно о подготовке в штабе «Карпатской Сичи» военного переворота в Подкарпатской Руси. Еще до выборов в сейм Прага предприняла попытку восстановить контроль над ситуацией, введя своего представителя генерала Л. Прхалу, командовавшего чехословацкими войсками в Подкарпатской Руси, в состав правительства Волошина, но переломить ход событий было уже невозможно. Процесс распада второй чехословацкой республики стал необратимым.

Кампания, организованная режимом Волошина против назначения Л. Прхалы на должность третьего министра правительства Подкарпатской Руси, которая оставалась вакантной после увольнения чешскими властями русофила Э. Бачинского, показала, что Прага стремительно утрачивала контроль над Подкарпатской Русью. «Карпатская Украина протестует против назначения министра-чеха. Третий министр должен быть украинцем!»[14], – писал волошиновский официоз, сообщая о многотысячных демонстрациях протеста против политики Праги в населенных пунктах Подкарпатской Руси. Для оказания давления на Прагу окружение Волошина апеллировало к Германии и немецкому общественному мнению. «Немецкая пресса опубликовала подробные сообщения о возмущении и сопротивлении Карпатской Украины против назначения генерала Прхалы министром, – писала «Новая Свобода» в статье под названием «Немецкая пресса предостерегает Прагу». – Ведущие немецкие издания занимают негативное отношение к этому намерению пражского правительства. «Ессенер Националь Цайтунг» – орган маршала Геринга – опубликовал острую статью против назна-

[13] Нова Свобода. 14 лютого 1939. Число 32.

[14] Нова Свобода. 21 січня 1939. Число 12.

чения генерала Прхалы ... указывая на то, что генерал Прхала женат на московке и известен как симпатизант России»[15].

В целом общественные настроения волошиновской Карпатской Украины были откровенно пронемецкими, а ее пресса отличалась оголтелым пронацистским тоном и сервильностью перед Берлином. «Новая Свобода» часто помещала почтительно-подобострастные материалы о Гитлере и Германии, с видимым удовольствием отмечая мощь немецкой армии и рост влияния Германии в Юго-Восточной Европе[16]. Германия достаточно оперативно установила прямые официальные контакты с руководством Карпатской Украины. В Хусте было создано немецкое консульство; в декабре 1938 г. между Германией и Закарпатской Украиной были подписаны два торговых соглашения.

В ночь на 14 марта 1939 г. словацкий парламент провозгласил суверенитет и заявил о выходе Словакии из состава федеративной Чехо-Словакии. В это же время вооруженные формирования «Карпатской Сичи» начали заранее согласованный с Берлином вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, административные учреждения и разоружить местную полицию и жандармерию. Сичевикам удалось захватить вокзал, почту, а также разоружить несколько военных патрулей. Поднятый по тревоге генералом Прхалой Хустский стрелковый полк и части 12 чехословацкой стрелковой дивизии получили приказ восстановить порядок; на улицы Хуста были выведены легкие танки и артиллерия. В столице Подкарпатской Руси в ночь на 14 марта «шли настоящие уличные бои сичевиков с регулярной армией Чехословакии, в рядах которой проходили службу местные русины ... Фактически ... шли бои подкарпатских русинов с галичанами, пытавшимися захватить власть»[17]. Путч сичевиков был подавлен, количество жертв исчислялось сотнями раненых и убитых; основные потери понесли путчисты.

[15] Нова Свобода. 26 січня 1939. Число 16.

[16] См. Нова Свобода. 3 січня 1939. Число 2.

[17] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С. 133.

Тем не менее, ликвидация путча не означала стабилизацию положения и восстановление чехословацкого контроля над Подкарпатской Русью. В ночь на 14 марта, одновременно с попытками сичевиков захватить власть в Подкарпатской Руси, венгерские войска по договоренности с Гитлером перешли новую венгерско-чехословацкую границу на подкарпаторусском участке и начали оккупацию Подкарпатской Руси. Столкнувшись с активным сопротивлением частей 12 чехословацкой стрелковой дивизии, личный состав которой в значительной степени состоял из местных русинов, венгры на некоторые время были вынуждены прекратить продвижение. С окончательной ликвидацией второй чехословацкой республики и оккупацией Чехии германским вермахтом 12 чехословацкая дивизия прекратила сопротивление и вскоре вся территория Подкарпатской Руси была оккупирована Венгрией, вооруженные силы которой быстро подавили вооруженное сопротивление украинских сичевиков. Берлин, сполна использовав оуновцев для расшатывания и дестабилизации Чехословакии, в нужный момент без сожаления пожертвовал ими в пользу более важного союзника в лице Венгрии.

Накануне венгерской оккупации, когда части 12 чехословацкой дивизии еще продолжали оказывать сопротивление венгерским войскам, 15 марта 1938 г. в Хусте состоялось заседание сейма Подкарпатской Руси, на котором был принят конституционный закон, провозглашавший образование «независимого государства» под названием «Карпатская Украина» во главе с президентом. Большинством голосов президентом новообразованного государства был избран А. Волошин. Государственным языком Карпатской Украины был объявлен украинский язык; цветами государственного знамени – синий и желтый; государственным гимном – «Ще не вмерла Украина». «После вчерашних трагических часов, когда в столице Карпатской Украины лилась украинская кровь, мы обсуждаем сейчас под звуки артиллерийской канонады первый конституционный закон Карпатской Украины, – заявил в своем выступлении на заседании сейма

15 марта 1939 г. известный украинофильский политик М. Бращайко. – После тысячелетней неволи наша земля становится свободной, независимой и заявляет перед всем миром, что она была, есть и будет украинской. И если нашей молодой державе не суждено долго жить, то наш край уже навсегда останется украинским»[18]. В своих последних предсказаниях Бращайко оказался прав. «Молодой державе» действительно было не суждено долго жить; что касается украинского будущего Подкарпатской Руси, то с присоединением к СССР в 1945 г. оно было обеспечено советской политикой украинизации карпатских русинов.

Современные украинские исследователи исключительно высоко оценивают провозглашение Карпатской Украины 15 марта 1939 г., трактуя это скорее опереточное событие, явившееся лишь рабочим звеном «восточноевропейского проекта» гитлеровской Германии, как «победу украинской правды за Карпатами, ознаменовавшее консолидацию украинских сил и превращение этнической массы в народ»[19]. Между тем, символичным выглядит то, что заседание сейма, на котором было объявлено о создании нового государства, оказалось последним, а провозглашенное на нем государство «Карпатская Украина» – мертворожденным. Показателем жизнеспособности новорожденного государства служит тот факт, что уже на следующий день, утром 16 марта новоизбранный президент «Карпатской Украины» Волошин в спешке покинул его территорию перед наступающими венгерскими войсками, эмигрировав вместе со своей свитой в Югославию через территорию Румынии. Впоследствии, после полуторамесячного пребывания в Берлине, Волошин поселился в столице протектората Богемия и Моравия Праге, где ему была предоставлена возможность читать лекции в Украинском свободном университете.

[18] ОУН в світлі постанов Великих Сборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929—1955. Видання Закордонних Частин Организації Українських Націоналістів. 1955. С. 20.

[19] Мишанич Олекса. Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993. С. 15.

Очень скоро те из окружения Волошина, кто пытался создать в Праге эмигрантский центр, представляющий интересы Карпатской Украины, с разочарованием обнаружили, что их усилия «противоречили интересам Германии. Во имя сохранения хороших немецко-венгерских отношений ... любая деятельность, направленная на поддержку Карпатской Украины, была сделана в Праге невозможной с осени 1939 года. Отношения украинской эмиграции с чехами после марта 1939 г. были осложнены отсутствием какой-либо платформы для конструктивного сотрудничества ... Для чешской общественности, которая в ходе войны все больше склонялась к необходимости советской помощи для восстановления довоенного положения, украинское стремление к независимости становилось еще менее приемлемым, чем раньше»[20].

* * *

Таким образом, с середины марта 1939 г. подкарпатские русины вновь оказались под властью Венгрии, в то время как пряшовские русины продолжали находиться в составе Словакии. Жесткий полицейский режим, установленный Венгрией в Подкарпатской Руси, не оставил галичанам никаких шансов на продолжение их деятельности. Члены «Карпатской Сичи» были вынуждены скрываться в лесах или искать спасения в соседней Румынии. Пойманных сичевиков венгры часто передавали польским военным властям, которые расстреливали их на месте без суда и следствия. Многие из спасшихся в марте 1939 г. сичевиков и впоследствии продолжали добросовестно служить пушечным мясом для нацистской Германии, влившись в созданные немцами диверсионно-карательные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» и дивизию СС «Галичина».

Тяжелые условия венгерского оккупационного режима, тра-

[20] Bohdan Zilynskyj. Ukrajinci v Čechách a na Moravě (1894) 1917 – 1945 (1994). Praha 1995, s. 41, 44.

диционные прорусские симпатии русинского населения, а также пропаганда местных коммунистов о счастливой жизни в СССР привели к тому, что когда в сентябре 1939 г. с присоединением Западной Украины СССР получил общую границу с Венгрией, тысячи русинов стали нелегально переходить венгерско-советскую границу в поисках счастья в Советском Союзе. «Трудно найти на Закарпатье местечко или село, откуда бы не отправились нелегально в Советский Союз десять – двадцать человек, – писал русинский современник этих событий. – ... Из села Березняки поголовно все мужчины от 18 до 35 лет ушли в Советский Союз»[21]. Многие из перешедших советскую границу русинов были впоследствии арестованы и оказались в сталинских лагерях. Так, к лету 1941 г. в лагерях на территории Коми АССР оказалось около пяти тысяч подкарпатских русинов[22]. С формированием чехословацких воинских подразделений в СССР значительная часть находившихся в заключении русинов была освобождена. Как граждане Чехословакии, они стали военнослужащими чехословацкой армейской бригады, большинство личного состава которой первоначально составляли именно подкарпатские русины. Так, к 30 октября 1943 г. в составе Первой чехословацкой бригады в СССР «из общего числа 3348 солдат 2210 были закарпатские русины-украинцы. После мобилизации на Волыни к 30 июня 1944 г. в составе чехословацкого армейского корпуса было 6864 чехов, 3177 русинов-украинцев, 2881 словаков. В рядах Красной Армии воевало почти 700 человек только из числа русинов-украинцев Пряшевщины»[23].

Политика независимого словацкого государства, в составе которого оказались русины Прешовской Руси, стала дополнительным фактором, в целом способствовавшим усилению русин-

[21] Волощук И. И. Карпатороссы в рядах чсл. заграничной армии // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 14.

[22] См. Довганич Е. Закарпатські добровольці. Ужгород, 1998.

[23] Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехо-Словаччини. Пряшів — Київ, 1992. С. 36.

ского самосознания в Восточной Словакии. Несмотря на явные ассимиляторские тенденции по отношению к восточнословацким русинам, выразившиеся, в частности, в ограничении деятельности общества им. Духновича и закрытии газеты «Пряшевская Русь», и стремление трактовать русинскую идентичность как «мадьярское изобретение»,[24] власти независимой Словакии, опираясь в прешовском регионе на грекокатолическую церковь, предоставили ей еще больше полномочий в области образования. В соответствии с законом номер 308/40 все начальные русинские школы были переданы под непосредственный контроль грекокатолической церкви, что было связано с клерикальным характером независимого словацкого государства. Благодаря этому обстоятельству, грекокатолическому духовенству удалось «законсервировать существующее положение и поддержать народное русофильство»[25], сорвав ассимиляторские попытки властей. Стремление украинских эмигрантов, количество которых в Восточной Словакии не превышало 200 человек, возобновить украинскую культурную деятельность встречало резко отрицательную реакцию как со стороны местных русинов, так и со стороны словацких властей. Попытки «украинских учителей городской школы в г. Медзилаборце возродить организацию «Просвита» вызвали недовольство и волну протестов. Государственная власть относилась к украинским эмигрантам с крайним подозрением, считая их главными носителям идеи присоединения Пряшевщины к Великой Украине»[26].

Планы предоставления автономии Подкарпатской Руси в рамках Венгрии по образцу закона Карольи об образовании Руськой Краины, принятого в декабре 1918 г., широко обсуж-

[24] Так, глава восточнословацкой жупы Шариш-Земплин А.Дудаш, занимавший этот пост с 1940 г. до окончания войны, считал, что сама идея существования отдельной русинской народности была изобретена венграми. См.: Magocsi P.R. Op. cit., p.45.

[25] Ковач А. Українці Пряшівщини і деякі питання культурної політики Словацької республіки // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov 1968, s. 406.

[26] Там же. С. 409.

дались в Будапеште после полной оккупации Подкарпатской Руси в марте 1939 года. Активную деятельность, направленную на предоставление Подкарпатской Руси автономии в составе венгерского государства, развернул бежавший из Чехословакии в Венгрию А. Бродий, в мае 1939 г. ставший депутатом нижней палаты парламента Венгрии. Однако законопроект об автономии Подкарпатской Руси, внесенный в венгерский парламент в июле 1940 г., не был поддержан парламентариями под давлением военных кругов и части политиков, обеспокоенных проблемой безопасности в связи с присоединением Западной Украины к СССР в сентябре 1939 г. и образованием общей советско-венгерской границы.

В оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси главные усилия Будапешта были также направлены на борьбу с украинским влиянием. Венгерские власти вновь прибегли к открытой поддержке русинской ориентации, утверждавшей, что местное население является русинами, представляющими собой отдельную национальность, не имеющую ничего общего с украинцами. При покровительстве венгерских властей в 1940 г. в Ужгороде была опубликована грамматика угрорусинского языка, которая стремилась избегать как русской, так и украинской лексики, полностью ориентируясь на местные диалекты. Год спустя при поддержке образованного в Ужгороде Подкарпатского Общества Наук была опубликована новая грамматика Ивана Гарайды, использовавшая традиционную русинскую орфографию и ориентированная на местные диалектизмы. Русинское направление активно поддерживалось местными периодическими изданиями, которые писали о «русинско-мадьярском братстве» и о необходимости поднять «родной язык» до уровня литературного[27]. Любопытно, что поддерживаемые венгерским правительством попытки создать отдельный русинский язык критиковались местными русофилами, которые, в отличие от украинофилов, имели возможность высказывать свои

[27] Paul Robert Magocsi. The Shaping of a National Identity..., p. 143.

взгляды на страницах прессы. «Русский язык ... занимал очень прочные позиции в Подкарпатской Руси и продолжал процветать в годы венгерской оккупации, когда украинизм был запрещен»[28], – отмечал П. Р. Магочий.

Несмотря на поддержку Будапешта, попытки создать отдельный угрорусинский язык не дали заметных результатов. Впрочем, все патронируемые Будапештом этнолингвистические эксперименты происходили на фоне жесткой и последовательной политики мадьяризации, которая проводилась венгерской администрацией Подкарпатской Руси. Так, 5 из 7 существовавших в Подкарпатской Руси гимназий и 16 из 18 муниципальных школ были обязаны вести обучение на венгерском языке. Все преподаватели в Подкарпатской Руси должны были свободно владеть венгерским. Преподавание в большинстве начальных школ постепенно также переводилось на венгерский язык; в 1939 г. было принято решение о введении венгерского языка в местные дошкольные учреждения[29]. Ассимиляторские цели венгерских властей были совершенно очевидны, что не могло не дискредитировать их усилия создать отдельную подкарпатскую угрорусинскую народность с собственным литературным языком в глазах широкой русинской общественности. Большую роль в неприятии местным населением этнолингвистических экспериментов Будапешта сыграла критика подобной политики венгерских властей местной русофильской интеллигенцией, которая пользовалась авторитетом у широких народных масс[30].

* * *

В марте 1944 года в Восточной Словакии был образован подпольный «Карпаторусский Автономный Союз Национального Освобождения» (КРАСНО), установивший контакты с подполь-

[28] Ibidem, p. 144.

[29] Ibidem, p. 176.

[30] Ibidem, p. 177.

ным антифашистским движением в Словакии и с чехословацким армейским корпусом в СССР и принявший участие в Словацком Национальном восстании осенью 1944 года. С освобождением Восточной Словакии Красной Армией 1 марта 1945 года в Прешове была создана «Украинская Народная Рада Пряшевщины», название которой явно не соответствовало доминировавшим среди местного населения русофильским настроениям. Как замечает П. Р. Магочий, это был первый случай, когда прилагательное «украинский» появилось в названии прешовской региональной организации. Причина этого состояла в возросшем влиянии коммунистов, которые являлись убежденными сторонниками украинской ориентации и играли ведущую роль в послевоенном формировании местных органов власти[31].

Новые послевоенные условия, потребовавшие реабилитации и привыкания к этнониму «украинец» и к украинской идеологии, вызывали серьезные мировоззренческие трудности у русофильски настроенной русинской интеллигенции Восточной Словакии. «На территории Закарпатской Украины и Пряшевщины живет один и тот же народ ... Этот народ составляет часть малорусского – украинского народа. Ввиду того, что весь малорусский народ принял название «украинского», поэтому и мы, на Пряшевщине ... приняли название «украинский», – говорилось в статье с символичным названием «На переломе», опубликованной в первом номере газеты «Пряшевщина», выходившей в Прешове с марта 1945 г. – До сих пор мы считали себя русскими и не любили название «украинец». Не любили потому, что под этим названием часто скрывался украинский самостийник-сепаратист. Мы не желали быть сепаратистами. Украинские сепаратисты ушли с немцами ... Делегаты украинских районов Пряшевщины на своем съезде дня 1 марта 1945 г., состоявшегося в Пряшеве ... ясно заявили, что в будущем навсегда принимается наименование для руснаков, лемков, русинов – украинец ... Однако, принятие названия украинец не обозначает то,

[31] Paul R. Magocsi. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia..., p. 47.

чтобы мы стали врагами русского народа, как это бывало у украинцев-сепаратистов. Мы любим русский народ, мы русский язык будем и в будущем изучать, мы будем за братство русского и украинского народов»[32]. Содержание и тон статьи отразили как готовность русинов адаптироваться к новых условиям, так и состояние психологического дискомфорта и некоторой растерянности русинской интеллигенции Восточной Словакии, которая воспринимала признаки грядущей украинизации с явной тревогой и не скрывала своего критического отношения к украинской ориентации.

Территория Подкарпатской Руси была освобождена Красной Армией еще в октябре 1944 г. 26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся инициированный советскими властями съезд народных комитетов Закарпатской Украины, принявший решение о «воссоединении» Закарпатья с Советской Украиной. Многие исследователи небезосновательно указывают на весьма спорную легитимность мукачевского съезда и принятых на нем решений, обращая внимание в этой связи на присутствие и активную деятельность на территории Закарпатья органов НКВД, а также на многочисленные недостатки практического механизма обеспечения волеизъявления населения[33].

Между тем, идея присоединения к Советской Украине не пользовалась широкой популярностью среди местных русинов. Любопытно, что еще до мукачевского съезда местная русинская интеллигенция выступила с инициативой о присоединении Подкарпатской Руси к СССР в качестве союзной «Карпаторусской Советской республики». Так, 18 ноября 1944 г. в Мукачево на собрании представителей местного православного духовенства и русофильской интеллигенции было принято обращение к Сталину с просьбой о включении Подкарпатской Руси в СССР в виде отдельной союзной республики. Объясняя свое нежела-

[32] Пряшевщина. 1945, № 1.

[33] См. Stanislav Konečný. Rusíni na Slovensku a štátoprávne zmeny v Československu do roku 1989 // Střední Evropa a Podkarpatská Rus, s. 102.

ние быть в составе Советской Украины, авторы обращения указывали на несогласие русинов с «идеологией галицких украинствующих националистов» и на то обстоятельство, что с названием «Украина» и «украинский» русины познакомились лишь после Первой мировой войны «под чешским владычеством»[34].

Уже после съезда народных комитетов, принявшего решение о присоединении Закарпатья к Украине, русинская делегация во главе с заместителем председателя правительства и парламента Закарпатской Украины П.Линтуром в начале декабря 1944 г. посетила Москву, надеясь добиться присоединения Закарпатья не к Украине, а к России в качестве автономной единицы. Делегация действовала с санкции главы Закарпатской Украины И.Туряницы, который поручил ей добиваться присоединения к Российской Федерации. Однако и эти просьбы представителей русинской общественности были проигнорированы Москвой. Попытки русинской делегации убедить руководство СССР в том, что русины «не хотят быть украинцами, а хотят и далее быть руськыми»[35], не имели успеха.

После установления советской власти в Закарпатье коммунисты начинают политику украинизации местного восточнославянского населения в соответствии с принятым еще в 1924 г. решением, трактующим русинов как часть украинского народа. Украинизаторский курс грекокатолического священника А.Волошина был продолжен коммунистическими властями СССР в новом идеологическом формате. Термин «Подкарпатская Русь» был полностью и окончательно заменен термином «Закарпатская Украина»; из школ и библиотек изымались русинские книги и печатные издания, написанные русской дореволюционной графикой; школы переводились на украинский язык преподавания; была ликвидирована грекокатолическая церковь. В новых советских паспортах, которые получали местные русины, указывалась украинская национальность. Пас-

[34] Годьмаш П., Годьмаш С. Ук. соч. С.217—218.

[35] Там же. С. 238.

сивное сопротивление русинского населения политике украинизации и их стремление подчеркнуть свое отличие от украинцев соседней Галиции проявились в широком распространении термина «закарпатец», который местное население предпочитало использовать в качестве средства самоидентификации.

С установлением Советской власти в Подкарпатской Руси многие видные представители русофильского направления подверглись репрессиям. В 1945 г. был арестован один из политических лидеров подкарпатских русофилов Э. Бачинский, в 1929–1938 гг. являвшийся сенатором чехословацкого парламента от республиканской партии и в середине 1930-х гг. возглавлявший Общество им. Духновича. В 1947 г. Бачинский умер в заключении. Репрессии также коснулись части украинофилов из грекокатолического лагеря, сотрудничавших с нацистской Германией. Так, проживавший в Праге А. Волошин был в 1945 г. арестован советскими спецслужбами и впоследствии умер в заключении.

Украинизация русинов Подкарпатской Руси, которая превратилась в Закарпатскую Украину, имела решающее влияние на русинскую политику Праги. По мнению С. Конечного, «административное приписывание украинской национальной принадлежности населению Закарпатья, которое было связано с русинами Северо-Восточной Словакии тесными родственными, религиозными, культурными и политическими контактами, сделало невозможным сохранение у восточнословацких русинов какой-либо другой ориентации, кроме украинской»[36].

С приходом коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 г. чехословацкое руководство начинает использовать советский опыт решения «русинского вопроса». В апреле 1950 г. на конференции в Прешове было принято решение о ликвидации грекокатолической церкви. Ряд грекокатолических русинских священников подвергся репрессиям, включая главу восточнословацких грекокатоликов епископа П. Гойдича, арестованного чехословацкой госбезопасностью в 1950 г. по обвине-

[36] Stanislav Konečný. Op. cit., s. 102.

нию в «подрывной антигосударственной деятельности». Первоначально кампания украинизации русинов Пряшевщины носила достаточно мягкие формы. Хотя русинское население Восточной Словакии было официально объявлено украинским, в школах, в прессе и в культурной жизни до начала 1950-х годов продолжал господствовать русский язык, а местное население продолжало считать себя русинами. В то же время, с 1949 г. в школах началось изучение украинского языка как предмета. С начала 1950-х годов украинизация резко набирает обороты. В июне 1952 г. руководство компартии Словакии приняло решение о введении украинского литературного языка во все русинские школы; с 1953 г. украинский язык стал языком преподавания.

Кампания насильственной украинизации восточнословацких русинов, предпринятая властями коммунистической Чехословакии, носила крайне болезненный характер, поскольку среди русинов Пряшевщины доминировала русская ориентация, сочетавшаяся с полным неприятием украинской идеологии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, для восточнословацких русинов украинская самоидентификация была не только непривычной, но и абсолютно чуждой. Преимущественно негативный образ украинца, существовавший в обыденном сознании восточнословацких русинов, в конце войны был только усилен трагическим опытом общения местных жителей с бойцами УПА, прорывавшимися на Запад через территорию Чехословакии. Одновременно резко усилились и без того широко распространенные русофильские настроения, что было результатом блестящих военных побед Красной Армии. По мнению исследователей, «восточнословацкие русины в это время не делали никаких различий между русским и русинским ... Никогда ранее в своей истории русины Восточной Словакии не отождествляли себя настолько сильно с русскими, как в конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания»[37].

[37] Ludovit Haraksim. Rusinská identita a emancipácia na Východnom Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus, s. 68.

Незадолго до начала кампании украинизации русинская интеллигенция Восточной Словакии успела издать на литературном русском языке историко-литературный сборник о Пряшевской Руси и населяющем ее народе, категорически и однозначно заявив в нем о местных русинах как о части русского народа. «Пряшевщина – это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединенных русских земель ... Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав и национальной принадлежности твердо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинно русский облик ... – писал 19 августа 1947 г. в предисловии к сборнику его редактор Иван Шлепецкий. – Народный говор населения Пряшевской Руси – это старинное наречие русского языка ... О русской культуре населения Пряшевской Руси свидетельствует все его творчество, и общность с русским миром настолько утвердилась в его сознании, что ему неприемлем никакой сепаратизм, направленный против русской культуры, – указывал Шлепецкий, очевидно имея в виду все более явные признаки грядущей украинизации. – ... Русская культура – это великое сокровище ... является национальной гордостью населения Пряшевской Руси. Оно ... неизменно исповедует великие идеи единства русской культуры ... Слава Духновичу, Добрянскому, Павловичу и другим проповедникам и защитникам русской культуры под Бескидами. Слава Пушкину! ... Слава великим творцам русской культуры»[38].

В июне 1947 г. в русинских городах и селах Восточной Словакии состоялись традиционные для восточнословацких русинов массовые празднования «Дней Русской Культуры», в которых приняли участие десятки тысяч человек. Так, 22 июня 1947 г. «День Русской Культуры» прошел в восточнословацком городке Стропков, на котором «присутствовало свыше 10.000

[38] Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 3.

человек со всех концов Пряшевской Руси. Это была ... всенародная манифестация за великие идеи русской культуры»[39]. По злой иронии судьбы, пик русофильских настроений среди русинов Пряшевщины, считавших себя частью русского народа, совпал с кампанией украинизации, требовавшей от русинов отказа от своей идентичности и культурного наследия.

Украинизация русинов Восточной Словакии, начатая властями коммунистической Чехословакии в 1952 г., осуществлялась на государственном уровне и была последовательной и всеобъемлющей. Она выразилась в переводе русинских школ с русского на непривычный для местного населения украинский литературный язык обучения, в запрете самого термина «русин» как символа отсталости и реакционности, в ликвидации грекокатолической церкви, отстаивавшей идею существования независимого русинского народа. Все это вскоре привело к массовой ассимиляции русинского населения. Кампанию украинизации и связанные с ней репрессивные меры некоторые современные исследователи даже склонны трактовать как «геноцид» русинов[40]. Не имея возможности оставаться русинами, местные жители решали дилемму «словак-украинец» чаще всего в пользу словацкой национальности, не желая принимать навязываемое властями украинство. Если в 1930 г. в Восточной Словакии официально насчитывалось 95.783 русинов, то к 1961 г. количество тех, кто определял себя как украинец, упало до 35.435. «В широких массах преобладало русинское национальное самосознание. Чувство принадлежности к украинскому народу не существовало. Многим не было ясно, почему они внезапно стали украинцами»[41], – отмечал И. Байцура. Таким образом, часть русинов приняла украинскую идентификацию, однако значительно большая часть предпочла стать словаками.

[39] Там же. С. 6.

[40] Milan Andráš. Súčasné postavenie Rusínov na Slovensku, s. 95.

[41] Ivan Bajcura. Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavatelstvo 1967, s. 133–134.

Политика украинизации означала резкий и болезненный разрыв со всей предшествующей культурно-языковой традицией Пряшевщины. Часть русинской творческой интеллигенции, не желая менять традиционное мировоззрение и язык, отказалась от продолжения литературной деятельности; та часть интеллигенции, которая решила продолжить творческую карьеру, была вынуждена срочно осваивать плохо знакомый ей украинский литературный язык. В наиболее выгодном положении в новых условиях оказались украинофилы левой политической ориентации. Так, В. Гренджа-Донський, вступив в 1945 г. в чехословацкую компартию, сделал успешную творческую карьеру в социалистической Чехословакии, добившись признания в качестве ведущего украиноязычного литератора.

Негативные последствия ускоренной кампании насильственной украинизации настолько очевидны, что современные украинские историки из Восточной Словакии признают ряд «перегибов», допущенных украинизаторами как в отношении самого этнонима «русин», так и в отношении местных русинских диалектов. «Почти тысячелетнее историческое название Русин, которое успешно ... преодолело многочисленные попытки ... ассимилировать украинское население и уберегло население от национальной смерти, требовало лучшего понимания его веса и значения... при введении в употребление нового литературного названия Украинец. Новое название – украинец – должно было интерпретироваться как более новое, современное и точное название того самого населения ... а не как название нового содержания, – пишут современные украинские историки из Словакии, указывая на минусы украинизации. – Точно так же имел место дефицит взвешенного отношения к народному языку населения. К нему – украинскому в своей основе – нужно было относиться с должным уважением ... модифицировать и лексически обогащать, а не противопоставлять украинскому литературному языку и запрещать ... диалектизмы, что нанесло немалый

вред ... вместо сближения населения с украинским народом и его культурой»[42].

Несмотря на жесткие формы украинизации, а также массовую словакизацию русинов Пряшевщины, русинская идентичность продолжала существовать в самосознании местного населения. Во время «Пражской весны» 1968 г. восточнословацкие русины доказали свою жизнеспособность, заявив о себе именно как о русинах и добившись права использовать свой диалект в официальной сфере. Чехословацкие власти пошли на восстановление деятельности грекокатолической церкви и на частичную легализацию самого этнонима «русин», который стал использоваться наряду с этнонимом «украинец». В полной мере процесс русинского возрождения развернулся после 1989 г. Современное русинское движение развивается как органичное продолжение тех процессов, которые были искусственно заморожены в период социализма. Однако в отличие от межвоенного периода, современные русинские деятели полностью отказались от русофильских идей о русинах как части русского народа, трактуя русинское население как четвертый восточнославянский народ наряду с русскими, украинцами и белорусами и полностью ориентируясь на местные диалекты в своей языковой политике.

[42] Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехо-Словаччини. С. 38.

Заключение

Первая половина XX века занимает особое место в истории русинского народа, политическая и культурная жизнь которого в этот период времени была полна драматических поворотов и протекала особенно насыщенно и интенсивно. Встретив XX век гражданами Венгрии, закарпатские русины в 1919–1939 гг. находились в составе Чехословакии и после кратковременного возвращения в лоно венгерского государства в 1939–1944 гг. вошли в состав Советского Союза, после распада которого в 1991 г. оказались гражданами независимой Украины.

Национальная идентичность закарпатских русинов, сформировавшаяся в XIX веке под воздействием русинских будителей – убежденных русофилов, основывалась на идее о принадлежности карпатороссов к единому русскому племени от Карпат до Тихого океана и апеллировала к русскому литературному языку и русскому культурному наследию. В отличие от русинов Восточной Галиции и Буковины, подвергшихся целенаправленному этнокультурному воздействию австрийских властей и к началу XX века постепенно воспринявших украинскую самоидентификацию, закарпатские русины, находясь в это время в составе Венгрии, не только сохранили, но и развили свою традиционную идентичность.

Специфической чертой русинской культурной жизни стал ощутимый разрыв между русинской «высокой культу-

рой», созданной поколениями русофильской интеллигенции и ориентированной на русский литературный язык и русскую культуру, и народной «низкой» культурой, разговорные диалекты которой были весьма далеки от русского литературного языка, что создавало объективные проблемы в освоении русского культурного наследия широкими слоями русинского населения.

После пребывания в составе Венгрии с ее жесткой ассимиляционной политикой, присоединение к Чехословакии открыло перед русинами значительно более широкие возможности для политической и национально-культурной деятельности. Вместе с тем, более свободные условия политического развития, возросшие возможности культурного самовыражения, а также распространение образования и ставший актуальным в этой связи вопрос языка обучения обнажили несоответствие между русофильской культурной традицией и местными культурно-языковыми реалиями, что послужило питательной почвой для соперничества русофилов и украинофилов.

Ожидания русинских лидеров от вхождения в состав Чехословакии были чрезмерно радужными и явно завышенными. Реалии пребывания в чехословацкой республике и опыт взаимодействия с пражскими чиновниками оказались во многом разочаровывающими, став причиной недовольства и критики чехословацких властей со стороны русинской общественности.

В основе чехословацкой политики по отношению к Подкарпатской Руси лежали сугубо прагматические соображения, направленные на освоение и удержание под пражским контролем этого отдаленного, стратегически важного и не вполне политически лояльного с точки зрения чешских чиновников региона. Весомый отпечаток на политику Праги в самой восточной провинции Чехословакии наложил «дефицит понимания сложных реалий межвоенной Подкарпатской Руси»[1]

[1] Bohdan Zilynskyj. Op. cit., s. 38.

в сочетании с миссионерски-культуртрегерским отношением чехов к местному населению, которое воспринималось чешской бюрократией как объект цивилизационной деятельности Праги.

Отличительной чертой чехословацкой политики в отношении Подкарпатской Руси в течение всего межвоенного периода стало явное несоответствие между риторикой Праги и ее практическими делами. Самые важные обещания чехословацких политиков русинам остались невыполненными в период существования первой чехословацкой республики. Так, зафиксированное в Сен-Жерменском договоре и в чехословацком законодательстве обязательство Праги предоставить Подкарпатской Руси широкую автономию постоянно откладывалось по зачастую надуманным предлогам, вызывая критическую реакцию всех слоев русинского общества. Обещание чехословацких властей способствовать административному объединению всех русинских земель также не было выполнено. Механизм управления Подкарпатской Русью был практически полностью сосредоточен в руках чешской бюрократии, занимавшей ключевые места; роль русинских деятелей в процессе управления провинцией была второстепенной, что явилось еще одним важным источником разочарования Прагой.

* * *

Наибольшее недовольство русинской общественности вызвала культурно-языковая политика чехословацких властей.

С присоединением Подкарпатской Руси к Чехословакии несоответствие между русофильской «высокой» культурой и народной «низкой» культурой получило значительно большее пространство для своего проявления. Традиционной русофильской идентичности русинов, провозглашавшей единство с русским народом и верность русскому языку, был брошен вызов со стороны ранее почти неизвестного закар-

патским русинам украинского движения, объявившего русинские диалекты частью украинского языка, а самих русинов – частью украинского народа.

Противоборство русофилов и украинофилов происходило в условиях, когда той России, к единству с которой апеллировали русинские традиционалисты, уже не существовало, а чехословацкие власти первоначально отдавали предпочтение украинофилам, что нашло свое выражение в сфере образования, школьной политике, а также в поддержке украинской эмиграции из Галиции. Исходя из формально-языковых критериев и трактуя местных русинов как часть украинского народа, чехословацкие власти по сути способствовали постепенной украинизации закарпатских русинов, стараясь реализовывать при этом свои интересы и учитывать местную культурно-языковую специфику.

Подобный подход вызывал недовольство как со стороны русофилов, постоянно обвинявших Прагу в политике украинизации, так и со стороны украинофилов, усматривавших в учете местных культурных особенностей антиукраинские тенденции. Кроме того, стремление пражских чиновников расширить сферу применения чешского языка в Подкарпатской Руси вызывало обвинения русинских деятелей в чехизации русинского населения. Затягивание введения автономии в Подкарпатской Руси, балансирование Праги между различными течениями среди русинов и попытки извлекать из этого пользу, играя на их противоречиях, усиливали подозрения русинских лидеров в том, что чешские власти сознательно способствуют разобщенности русинов, создавая условия для проведения целенаправленной ассимиляционной политики.

Русинская политика чехословацких властей проделала определенную эволюцию в межвоенный период. На расстановку акцентов в политике Праги в Подкарпатской Руси влияла текущая политическая ситуация. Если в 1920-е годы политика Праги имела ярко выраженный проукраинский характер,

то в 1930-е годы чехословацкие власти делают ряд уступок русофильскому и русинофильскому течению в противовес усилившимся украинофилам.

Несмотря на преференции украинофилам, что особенно ярко проявилось в 1920-е годы, русофилам в целом удалось сохранить доминирующее положение как в Подкарпатской Руси, где пражская политика поддержки украинского течения была наиболее выраженной, так и в Восточной Словакии, где местные русины были вынуждены противостоять не столько украинизации, сколько ассимиляционному давлению словацких властей. Тем не менее, благоприятные условия, созданные Прагой, способствовали консолидации и усилению украинского направления, которое завоевало своих приверженцев среди части местного русинского населения. Важную роль в распространении украинской идентичности среди русинов Подкарпатской Руси сыграли местные коммунисты и коммунистическая пресса, издававшаяся на литературном украинском языке и получавшая поддержку со стороны СССР. Украинский фактор, развившийся в Подкарпатской Руси во многом благодаря созданному в 1920-е годы чехословацкими властями режиму благоприятствования, был в конце 1930-х годов использован нацистской Германией для дестабилизации положения в Чехословакии и развала чехословацкого государства.

С окончанием Второй мировой войны спор между русофилами и украинофилами был насильственным путем решен в пользу украинского направления; административное навязывание украинской идентичности имело особенно негативные последствия в Пряшевской области Словакии, русинское население которой было полностью русофильским. Инициатором насаждения чуждой русинам украинской идентификации и ликвидации традиционной идентичности русинского населения Закарпатья стала Москва, примеру которой в начале 1950-х годов последовали коммунистические власти Чехословакии. Тем самым процесс этнокультурных экспериментов,

направленный на трансформацию традиционной русинской идентичности и на ее отрыв от сферы русской культуры был продолжен. Тем не менее, дискомфорт, испытываемый русинами от нахождения в составе Украины, в известной степени сглаживался существованием СССР и доминировавшей в нем русскоязычной «высокой культурой». С распадом СССР и образованием независимой Украины закарпатские русины оказались под давлением формирующейся новоукраинской политической нации, что послужило одной из важных причин реанимации русинского движения, которое продемонстрировало свою востребованность и жизнеспособность в новых условиях.

* * *

По наблюдению К.Дойча, в истории любых обществ и культур выделяются определенные периоды «особенно быстрых и глубоких изменений, в ходе которых ... культурные образцы меняют свою форму, распадаются или объединяются в новом виде. Существуют «инкубационные периоды», когда формируются элементы новых образцов»[2]. В поисках ответа на вопрос об этноязыковых и культурных причинах возрождения русинского самосознания и реанимации русинского движения с распадом СССР можно обратиться к теории советского социолингвиста А.Дуличенко. Анализируя социолингвистические стратегии славянских народов в XIX в., Дуличенко выделял три основных уровня: 1) областные литературные языки; 2) национальные литературные языки и 3) проекты всеславянских литературных языков. По мнению Дуличенко, любое этническое сознание, которое в определенные периоды времени активизирует собственное этноязыковое пространство, является трехслойным, где «первый

[2] Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, Massachusetts 1969, p.38.

слой – это «малая родина», покрываемая говором или диалектом; второй – «большая родина», которую составляют все ... родственные диалекты, формируя тем самым цельный этнос и целостный язык; и третий слой составляет ощущение себя в близкородственном контексте, а именно в контексте славянских этносов и языков. В рамках первого слоя формируются областные, второго – общенациональные литературные языки, а третьего – проекты всеславянского языка. Этот триединый контекст – опора и защита, средство выживания этноса. Вот почему каким бы совершенным ни был общенациональный литературный язык, находящиеся слева и справа от него части этноязыкового пространства всегда будут давать о себе знать»[3]. Устойчивость и живучесть областных литературных языков у славянских народов (областные литературные языки в Хорватии, Словении, Восточной Словакии существовали со средних веков до XX века) Дуличенко объясняет как слабостью национальных литературных языков в отдаленных регионах, так и трехслойностью этнического сознания. В определенное время и при определенных условиях этническое самосознание актуализирует «областной этноязыковой уровень», который в данных обстоятельствах в большей степени отвечает потребностям данной этнической общности.

Распад СССР и образование независимого украинского государства поставило восточнославянское население Закарпатья, значительная часть которого сохраняла память о традиционном этнониме и культурном наследии, перед необходимостью быть украинцами не только формально (как в бывшем СССР), но и в действительности. В ответ на действие подобных факторов у части местного населения актуализировался

[3] Дуличенко А.Д.. К типологии социолингвистических стратегий в эпоху национального возрождения: областные — общенациональные литературные языки — всеславянские лингвопроекты // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Москва, 1993. С. 17—18.

областной уровень этнического самосознания, оказавшийся более адекватным средством культурного самовыражения в условиях независимой Украины.

Происходящее в настоящее время возрождение русинского движения в Восточной Словакии и Закарпатской Украине опирается на традиционную идею об особности русинов и отрицает теорию о том, что русины – лишь этнографическая разновидность украинцев. Как и в межвоенный период, отношения между русинами и украинцами в Восточной Словакии отличаются конфронтационностью и полемическим накалом. Русинское население Восточной Словакии разделилось на две части, одна из которых усвоила украинскую идентификацию, а другая выступает с традиционных русинских позиций. «Русинской Оброде» противостоит Союз Русинов-Украинцев Словакии, который трактует русинов как часть украинского народа, отрицает существование русинского литературного языка и препятствует созданию русинских школ. Украинские радикалы не признают русинов в качестве отдельного народа и нередко пытаются представить русинское движение в качестве искусственно созданного образования, вымысла враждебных Украине политических сил и даже результата антиукраинской деятельности спецслужб. Подобный подход является продолжением печальной традиции, когда отрицались любые естественные предпосылки русинской культурно-языковой особности, а сами русины объявлялись несуществующим народом, этакой «выдумкой» неких враждебных политических сил или государств.

Завершение кодификации русинских диалектов в Восточной Словакии, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в январе 1995 года и результаты многочисленных Всемирных Конгрессов русинов, регулярно проходящих в течение последнего десятилетия, свидетельствуют об устойчивости русинского национального движения, которое развивается несмотря на существующие проблемы в сфере образования, в области подготовки русинских педагогических

кадров и в доступе к средствам массовой информации. Становление нового восточнославянского народа с особой культурой, языком и системой ценностей происходит буквально на наших глазах. В случае успешного завершения этого процесса современная граница между Словакией и Украиной разделит территорию компактного проживания русинского народа. Вопрос о том, захотят ли в будущем представители русинов иметь собственную «политическую крышу» в большой степени зависит от способности молодых независимых государств – Словакии и Украины – удовлетворять культурные потребности этого славянского народа.

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ М. А. КОЛЕРОВА (1991–2005)

Издания под собственной маркой и под маркой других издателей

Вне серий

Россия и реформы: 1861–1881. Сборник статей. М., 1991. 79 с.

Россия и реформы. Вып. 2. Сборник статей. М.: Медведь, 1993. 113 с.

Россия и реформы. Вып. 3. Сборник статей. М., 1995. 167 с.

М. А. Колеров. Жестокость и хирургия. Статьи из газеты «Сегодня» 1993–1995. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 116 с.

М. А. Колеров. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947 / С приложением: А. В. Карташев. Проспект сборника «Межа» (1923). М.: ОГИ, 2000. 132 с.

Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / Сост. М. А. Колеров. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 237 с.

Модест Колеров. Новый режим. [Книга интервью: А. Зорин, А. Архангельский, М. Соколов, Д. Шушарин, Б. Кузьминский, Е. Дёготь, А. Левкин, Е. Петровская, В. Мизиано, А. Иванов, А. Козырев, К. Крылов, К. Рогов]. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 200 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг.: Взгляд через столетие / Сб. под ред. О. Р. Айрапетова. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.

Серия «Исследования по истории русской мысли» (с 1996 –)

М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб.: Алетейя, 1996. 368 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 1)

Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб.: Алетейя, 1997. 319 с.

Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998. 543 с.

Вера Проскурина. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 511 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 2)

Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М.: ОГИ, 1999. 423 с.

Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. Сб. / Первое русское издание. М.: ОГИ, 1999. 224 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 4).

Евгений Голлербах. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. 527 с. (Исследования по истории русской мысли. [Том 3])

Л. Кацис. Русская эсхатология и русская литература. М.: ОГИ, 2000. 656 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 5)

Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М.: ОГИ, 2000. 348 с.

С. Н. Булгаков. Труды о троичности / Составление, подготовка текста и примечания Анны Резниченко. М.: ОГИ, 2000. 330 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 6)

Руслан Хестанов. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 339 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 7)

Проблемы идеализма. Сборник статей С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г. [П. Б. Струве], Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского под редакцией П. И. Новгородцева (Москва, 1902). М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 894 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 8)

М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М.: «Три квадрата», 2002. 220 с. (Исследования по истории русской мысли. Без номера)

Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник 2001 / 2002. М.: «Три квадрата», 2002. 880 с.

Александр Койре. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / Первое русское издание. М.: Модест Колеров, 2004. 304 с. (Исследования по истории русской мысли. Том 9)

Владимир Белоус. Вольфила. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924). В двух книгах. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. (Исследования по истории русской мысли. Том 10)

А. С. Глинка (Волжский). Собрание сочинений в трех томах / Сост. Анна Резниченко. Т. 1. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004 (Исследования по истории русской мысли. Том 11)

Исследования по истории русской мысли. [6] Ежегодник 2003. М.: Модест Колеров, 2004

Серия «Тетради по философской эссеистике» (2000–2001)

Николай Плотников. «Deutschland? Aber wo liegt es?»: Заметки о философии немецкой жизни. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 112 с. (Тетради по философской эссеистике: 1)

Кирилл Кобрин. Описания и рассуждения. Книга эссе. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с. (Тетради по философской эссеистике: 2)

М. А. Колеров. О необратимости настоящего. Фрагменты 1994–2000 годов. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 112 с. (Тетради по философской эссеистике: 3)

Владимир Малахов. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. 176 с. (Тетради по философской эссеистике: 4)

Серия «Труды и дни» (2002)

Александр Архангельский. Политкоррекция. Статьи для газеты «Известия». 1998–2001. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 192 с. (Труды и дни)

Андрей Ковалев. Критические дни. 1992–2001. 68 введений в современное искусство. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 336 с. (Труды и дни)

Сергей Павленко. Наука ошибок. Статьи и проекты, 1994–2000. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 238 с. (Труды и дни)

Симон Кордонский. Кристалл и кисель. Е-мейлы и статьи 1989–2000. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 224 с. (Труды и дни)

Термидор. Сборник статей. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 144 с. (Труды и дни)

Апология Украины. Сборник статей / Ред.-сост. Инна Булкина. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 224 с. (Труды и дни)

Константин Казенин. Вокруг Чечни. М.: Модест Колеров, 2004

Журнал «Синий Диван» (2002–2003)

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. № 1. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 172 с.

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. № 2. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 223 с.

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. № 3. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 271 с.

Серия SELECTA (с 2003 –)

О. Р. Айрапетов. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 256 с. (SELECTA. I)

В. А. Козлов. «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД-МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 232 с. (SELECTA. II)

В. И. Молчанов. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с. (SELECTA. III)

Кирилл Шевченко. Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М.: Модест Колеров, 2004. 284. с. (SELECTA. IV)

Исторический альманах «Русский Сборник» (с 2004 –)

Русский Сборник: Исследования по истории России XIX – XX вв. I / Ред. -сост. М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти. М: Модест Колеров, 2004

Selecta
V

К. В. Шевченко
Русины и межвоенная Чехословакия.
К истории этнокультурной инженерии

Модест Колеров, Москва 2006
ISBN 5-91150-001-9
kolerov@regnum. ru

Подписано в печать 17.02.2006. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии АМА-пресс